7F
31
РФ 6шк
808
7к

К. М. ТАХТАРЕВЪ

(Преподаватель соціологіи и сравнительной исторіи общественныхъ и политическихъ учрежд. на Петроградскихъ Высшихъ Курсахъ П. Ф. Лесгафта и Психо-Неврологическомъ Институтѣ).

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

ФОНД РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КНИГА"
1918

К. М. Тахтаревъ

Преподаватель соціологіи и сравнительной исторіи общественныхъ и политическихъ учрежденій на Петроградскихъ Высшихъ Курсахъ П. Ф. Лесгафта и въ Психо-Неврологическомъ Институтѣ

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

И

ЗАКОНЪ БОРЬБЫ КЛАССОВЪ

808

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КНИГА“
1918.

Типографія „Рабочая Печать“. Петроградъ, Кронверкскій пр., 27.

Библ.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
~~1917~~ 504
~~26~~ 73

Участникамъ классовой борьбы.

К. Т.

Октябрь 1917 г.

«Политическое общество есть организація властей, которыя всѣ граждане распредѣляютъ между собой, согласно ихъ общему равенству или соотвѣтственно силѣ классовъ, участвующихъ во властвованіи».

(Аристотель «Политика»).

ЧАСТЬ I.

Гражданинъ и политическое общество.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Исходныя, начальныя понятія.

(Гражданинъ, государство, народоправство).

Кого мы называемъ гражданиномъ? Какъ понимаемъ мы **гражданственность, республику** или **государство?** Какъ надо понимать власть и полномочія правительства и какъ *должны* мы, наконецъ, понимать **право народа?**

Древніе греки говорили:

«Только того мы называемъ **гражданиномъ**, кто *непосредственно участвуетъ* въ верховномъ властвованіи».

«Республикой, или государствомъ, мы называемъ такое *политическое общеніе сограждан*ъ, которое обезпечиваетъ наиболѣе полное удовлетвореніе всѣхъ ихъ жизненныхъ потребностей и ихъ стремленіе къ совершенной жизни».

«Демократіей, или народоправствомъ, мы называемъ *равное совластіе всѣхъ граждан*ъ. Его основа: политическая свобода и равенство гражданскихъ правъ».

Таковы были основныя понятія гражданственности и демократіи древняго классическаго міра.

«Наше государственное устройство», говорилъ Периклъ своимъ согражданамъ, «не заимствуетъ законовъ у сосѣднихъ государствъ, и мы скорѣе сами служимъ образцомъ другимъ, чѣмъ подражаемъ имъ.

«Насъ справедливо называютъ демократіей, потому что власть находится у насъ въ рукахъ большого числа гражданъ, а не въ рукахъ немногихъ. Но хотя законъ и обезпечиваетъ всѣмъ равную справедливость въ частныхъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ, законное притязаніе на личное столкновеніе мы тоже признаемъ. И когда какой-нибудь гражданинъ какимъ-нибудь образомъ выдается, его предпочитаютъ при выборахъ на общественную должность. Но это не является его особымъ преимуществомъ, а лишь наградой за заслугу.

«Бѣдность не служитъ у насъ препятствіемъ, и любой человѣкъ, какъ бы ни было низко его происхожденіе, можетъ служить съ пользою своей родинѣ.

«Мы любимъ прекрасное, но остаемся просты въ нашихъ вкусахъ. Мы не развиваемъ своего ума въ ущербъ добродѣтели.

«Богатствомъ мы пользуемся, но не для тщеславія и чванства, а когда его можно употребить съ дѣйствительною пользою для дѣла. Бѣдность не служитъ у насъ униженіемъ; мы осуждаемъ лишь того, кто ничего не дѣлаетъ, чтобы избѣжать ее.

«Аѳинскій гражданинъ не пренебрегаетъ политическими дѣлами ради заботъ о своемъ домашнемъ благополучіи. И даже тѣ изъ насъ, которые заняты торговыми дѣлами, имѣютъ ясныя понятія о политикѣ.

«Только мы одни считаемъ человѣка, который не занимается общественными дѣлами, далеко не безвреднымъ и совершенно безполезнымъ существомъ. И если немногіе изъ насъ выступаютъ съ какими-нибудь новыми предложеніями, зато здравымъ политическимъ смысломъ мы обладаемъ всѣ» [1]).

---

[1]) Надгробная рѣчь Перикла надъ павшими аѳинянами, произнесенная передъ народомъ (въ 431 г. до Р. Х.) и передавая Ѳукидидомъ въ его «Исторіи Пелопоннесской войны».

Таковы были общественные и политическіе идеалы древней мелко-буржуазной демократической республики Аѳинъ. Идеалы эти были, разумѣется, естественнымъ плодомъ той напряженной общественной и политической жизни, какую вели аѳинскіе граждане и которая дала въ концѣ концовъ такого генія, какъ Аристотель, — этого величайшаго политическаго мыслителя и ученаго всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ.

Воспитанный аѳинскою гражданственностью, Аристотель считалъ человѣка естественнымъ гражданиномъ, существомъ общественнымъ, политическимъ животнымъ, неизбѣжнымъ членомъ общества, **сообществомъ**, socius'омъ, какъ выражаются англо-американскіе соціологи. Считая гражданина неизбѣжнымъ членомъ политическаго общества, Аристотель видѣлъ въ гражданинѣ *непосредственнаго участника верховной власти.*

«Гражданинъ», говорилъ Аристотель, «есть тотъ, кто непосредственно участвуетъ въ верховной власти, обсуждающей, рѣшающей и судебной» [1]). «Гражданинъ есть обладатель верховной власти».

А въ государствѣ Аристотель видѣлъ прежде всего *политическое общеніе* согражданъ, стремящихся сообща обезпечить наиболѣе полную и совершенную общественную жизнь. Согласно Аристотелю, государство, или политическое общество, есть исторически сложившійся самодостаточный, самоудовлетворяющійся политическій союзъ, т.-е. такая организованная совокупность гражданъ, которая вполнѣ достаточна для обезпеченія всѣхъ ихъ жизненныхъ потребностей. Политическое общество, говорилъ Аристотель, есть такая широкая форма самодостаточнаго политическаго общенія людей-гражданъ, которая обнимаетъ собой всѣ другія формы общенія людей (экономическаго, брачнаго и психическаго, эмоціональнаго, умственнаго и эстетическаго), съ помощью которыхъ люди сообща обезпечиваютъ всѣ свои потребности.

---

[1]) Πολιτικων Η (Ζ) 2: 8—9.

Непосредственное участіе большинства, если не всѣхъ гражданъ, въ верховной власти и въ рѣшеніи важнѣйшихъ политическихъ дѣлъ превращало государство въ настоящее народоправство, въ демократическую республику. Эта республика была осуществленіемъ гражданственности, равенства и свободы гражданъ.

«Свобода», говорилъ Аристотель, «по утвержденію всѣхъ демократовъ, есть основное начало демократіи. Требованіе свободы состоитъ въ томъ, чтобы каждый гражданинъ могъ жить по собственному желанію. Это, говорятъ демократы, служитъ показателемъ свободнаго человѣка, все равно какъ необходимость жить не по своему желанію служитъ признакомъ раба» [1]). «Таково», добавляетъ Аристотель, «второе начало демократіи, изъ котораго вытекаетъ требованіе: если возможно—то не быть управляемымъ вовсе; а если это невозможно, то по-очереди то править, то быть управляемыми, что основывается на равенствѣ и совпадаетъ со свободой».

А *«равенство и свобода»*, добавляетъ Аристотель, *«могутъ быть достигнуты лишь тамъ, гдѣ всѣ граждане равнымъ образомъ и въ наибольшей степени непосредственно участвуютъ въ совластвованіи»*.

Политическіе идеалы развитой классической гражданственности выражались на самомъ дѣлѣ не только въ страстномъ стремленіи къ политической свободѣ, но и въ стремленіи къ совершенному политическому равенству (ἰσοκρατία).

Такъ понималась демократія ея классическими представителями. Въ ихъ пониманіи демократія значила *исократія*, господство равныхъ, или равноправіе (ϛσοπολιτεία, ἰσονομία, ϛσοτιμία, ϛσοτελεία).

Таковы были политическія понятія классической гражданственности. Каковы же наши?

Мы до сихъ поръ смѣшиваемъ гражданъ съ подданными. Мы дѣлаемъ это даже въ обращеніяхъ республиканской власти

---

[1]) Ар. Πολιτικων Ζ (Δ) 4: 2.

къ своимъ согражданамъ [1]). Воспитанные въ понятіяхъ подданства, мы продолжаемъ до сихъ поръ сохранять въ себѣ чувства и образъ мышленія, болѣе свойственный рабамъ, чѣмъ свободнымъ людямъ. Мы продолжаемъ видѣть въ государствѣ лишь принудительное властвованіе, отожествляемъ его съ самовластіемъ правительства, оторваннаго отъ народа, и противополагаемъ государство обществу. Мы до сихъ поръ еще не можемъ въ должной степени усвоить чувства и понятія развитой гражданственности, понятія свободнаго политическаго общества. Что же такое есть государство и какое отношеніе оно имѣетъ къ обществу?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Общество, государство и развитіе гражданственности.

Любое **человѣческое общество**, какъ это прекрасно понялъ и опредѣлилъ еще Аристотель, есть извѣстная исторически сложившаяся форма *самодостаточнаго общенія* людей,— форма, достаточно широкая, чтобы включить въ себя всѣ другія формы общенія (трудового, экономическаго, брачнаго и духовнаго), съ помощью которыхъ сожительствующіе люди—сообщественники—обезпечиваютъ сообща всѣ свои человѣческія и гражданскія потребности. Такую самодостаточную форму общенія людей представляетъ любое независимое, самоуправляющееся племя, любой самостоятельный народъ, каждая свободная и политически организованная нація и всякая другая форма развитаго политическаго общества.

Государство есть политическая организація, политическая или государственная форма общества. Она бываетъ весьма различна и всегда соотвѣтствуетъ опредѣленной степени развитія и состоянію того общества, политическою и государственною организаціей котораго она является. Таково и вѣ-

---

[1]) См., напр., выраженія опроснаго листа для занесенія гражданъ въ списокъ избирателей Учредительнаго Собранія.

чевое народоправство самоуправляющагося племени, и феодализованное племенное государство-княжество, какъ избирательное, такъ и наслѣдственное королевство. То же самое представляетъ собою и каждая городская республика, въ особенности демократическая, которая можетъ служить лучшимъ и простѣйшимъ примѣромъ того, что слѣдуетъ понимать подъ словами *политическое общество* или *государство*. Болѣе сложную форму государства представляетъ сословное государство, сословная монархія и новѣйшая буржуазная республика, а равно и другія сложныя политическія формы, которыя соотвѣтствуютъ дальнѣйшему развитію человѣческаго общества.

Болѣе сложныя формы политическаго общества и государства образуются изъ болѣе простыхъ посредствомъ ихъ сліянія. Такъ вѣчующія племена сливаются въ народности и вѣчевыя народоправства и принимаютъ видъ союзовъ самоуправляющихся народовъ. Феодальныя княжества, перестающія быть самодостаточными и потому становящіяся въ зависимость отъ болѣе могущественныхъ, попадая подъ высокую руку ихъ государей, тоже въ концѣ концовъ сливаются въ болѣе сложное феодальное государство сословнаго характера.

Независимыя городскія республики, переставая быть самодостаточными въ дѣлѣ обезпеченія своей внѣшней безопасности, столь же неизбѣжно принуждены объединяться для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Образуя союзы и федераціи республикъ, они даютъ этимъ начало болѣе сложной республиканской формѣ.

Сословныя государства, переставая быть самодостаточными въ томъ же военномъ отношеніи и попадая въ зависимость другъ отъ друга, подобно феодальнымъ княжествамъ и городскимъ республикамъ, даютъ начало болѣе сложнымъ формамъ національнаго государства. Наконецъ, и національное государство и національно-классовое общество подъ вліяніемъ международнаго общенія, теряя свою самодостаточность, объединяются въ союзы и принимаютъ видъ какихъ-то международныхъ государствъ, которыя въ свою очередь стремятся объединиться и превратиться во всеобъемлющую всемірную

республику. Въ ней, какъ объ этомъ мечтали еще великіе умы древней Эллады, каждый человѣкъ становится настоящимъ гражданиномъ міра.

I. Историческіе примѣры простѣйшихъ обществъ.

Немногихъ историческихъ примѣровъ будетъ вполнѣ достаточно, чтобы наглядно представить и должнымъ образомъ разъяснить себѣ это явленіе, этотъ великій историческій процессъ, этотъ всемірный ходъ развитія политическаго общества.

На самой ранней, дополитической ступени развитія народовъ мы видимъ самоуправляющіяся поземельныя вѣчевыя общины, которыя для лучшаго обезпеченія своихъ общеплеменныхъ народныхъ дѣлъ входятъ въ общеплеменное и своего рода международное общеніе другъ съ другомъ. Живымъ примѣромъ могутъ служить вѣчевыя союзныя народоправства нѣкоторыхъ народностей стараго свѣта, самоуправляющіяся союзныя племена Африки, объединенныя орды Азіи, а равно и, недавно еще бывшія самостоятельными, союзы вѣчевыхъ народоправствъ швейцарскаго Валлиса и Гризона (союзъ десяти вѣчевыхъ земель Валлиса) или валлійская «Конфедерація десятковъ» и объединеніе трехъ земледѣльческихъ народоправствъ Гризона, извѣстныхъ подъ названіемъ Сѣрыхъ союзовъ (Graubunden) [1]).

Важнѣйшія общественныя дѣла такихъ вѣчевыхъ земельобщинъ, касающіяся самыхъ различныхъ сторонъ жизни свободныхъ земледѣльцевъ-общинниковъ, вершатъ ихъ народныя собранія. Дѣла земельныя, хозяйственныя и правно-политическія обсуждаются союзнымъ собраніемъ выборныхъ всѣхъ вѣчевыхъ земель, а окончательно рѣшаются на народномъ вѣчевомъ собраніи каждой земли, входящей въ составъ союза.

По мѣрѣ того, какъ эти вѣчевыя земли, эти союзныя поземельныя и земледѣльческія общины перестаютъ быть са-

---

[1]) Названныхъ такъ по сѣрому цвѣту крестьянскихъ поддевокъ, которыя окрашивали все вѣчевое народное собраніе союза въ сѣрый цвѣтъ.

модостаточными, самоудовлетворяющимися, т.-е. перестаютъ быть способными удовлетворять жизненныя потребности своихъ членовъ исключительно собственными силами и все болѣе и болѣе нуждаются для этого во взаимной помощи и постоянномъ общеніи другъ съ другомъ, на почвѣ этого, болѣе широкаго, «международнаго», общеплеменного общенія создается болѣе широкая и сложная форма поземельнаго или территоріальнаго самодостаточнаго общества.

Это территоріальное или поземельное общество подъ вліяніемъ различныхъ условій своей хозяйственной и правовой жизни разслаивается на людей меньшихъ, слабѣйшихъ и бѣднѣйшихъ, большихъ, сильнѣйшихъ, богатѣйшихъ, старѣйшихъ и знатнѣйшихъ, на благородныхъ, свободныхъ и рабовъ; однимъ словомъ, оно разслаивается на цѣлый рядъ людей и людскихъ слоевъ, которые занимаютъ въ обществѣ различное общественное положеніе и имѣютъ разное значеніе въ общественной жизни, участвуя въ ней самымъ различнымъ образомъ. На этой почвѣ создается господство одного общественнаго слоя надъ другимъ и кладется начало государству.

2. Государство.

Государство въ первоначальномъ точномъ и узкомъ смыслѣ этого слова, происходящаго отъ слова «государь», появляется въ исторіи не ранѣе развитія частной собственности на землю, обезземеленія свободныхъ земледѣльцевъ болѣе сильными и господствующими землевладѣльцами, изъ которыхъ каждый становится своего рода государемъ въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Развитіе крупной собственности на землю и такъ называемый процессъ феодализаціи и крѣпостничества, превращающій прежнихъ свободныхъ земледѣльцевъ въ настоящихъ подданныхъ господствующихъ землевладѣльцевъ, кладетъ конецъ свободному общинному вѣчевому строю. На мѣсто прежняго народнаго вѣча становится собраніе различныхъ благородныхъ и лучшихъ мужей, государствующихъ въ своихъ вотчинахъ и объединяющихся обыкновенно вокругъ самаго могущественнаго и властительнаго землевладѣльца-князя,

признаваемаго всѣми ими своимъ государемъ. Этотъ государь считается ими только первымъ между равными. Можно сказать, что они суть единственные, полноправные «граждане» этого феодальнаго, аристократическаго государства. Такимъ образомъ на мѣсто прежняго вѣчевого народоправства становится избирательное или наслѣдственное аристократическое, землевладѣльческое княжество, которое представляетъ собой простѣйшую форму самодостаточнаго феодальнаго государства. Такими простѣйшими самодостаточными государствами бываютъ всѣ наслѣдственныя княжества, королевства и герцогства въ началѣ ихъ развитія. Но по мѣрѣ того, какъ эти простѣйшія государства перестаютъ быть настолько самодостаточными, чтобы своими силами защитить себя отъ внѣшнихъ враговъ и обезпечить всѣ стороны жизни своихъ членовъ, властители ихъ вынуждаются войти въ *политическое общеніе* другъ съ другомъ и искать взаимной поддержки и союза.

На почвѣ этого вынужденнаго политическаго общенія властителей различныхъ княжествъ, ставшихъ уже несамодостаточными, слагаются самыя различныя формы подчиненія однихъ княжествъ другими, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и властвованіе однихъ государей надъ другими. Происходитъ или насильственное подчиненіе однихъ князей другими, болѣе великими, или самоотдача первыхъ подъ высокую руку вторыхъ и признаніе ихъ суверенитета, или верховенства. Такъ сами государи, единственные полноправные «граждане» своего феодальнаго государства, постепенно превращаются въ настоящихъ подданныхъ болѣе могущественнаго государя. Такъ зависимость порождаетъ, съ одной стороны, подчиненіе, съ другой — власть.

3. Болѣе сложная форма общества и государства сословнаго.

Дальнѣйшій ходъ вынужденнаго соподчиненія цѣлаго ряда простѣйшихъ феодальныхъ государствъ подъ властью болѣе могущественнаго государя приводитъ къ образованію болѣе сложной формы феодальнаго государства. Населеніе его состоитъ изъ людей, которые ведутъ самый различный образъ

жизни, имѣютъ самыя различныя потребности, рѣзко отличаются другъ отъ друга по своему имущественному общественному положенію и образуютъ различные общественные наслѣдственные классы или сословія. Кое-гдѣ попадаются еще свободные земледѣльцы, уцѣлѣвшіе отъ полнаго обезземеленія, но подавляющее большинство ихъ уже давно обезземелено и закрѣпощено, превращено въ особое крѣпостное сословіе крестьянъ. Землевладѣльцы самыхъ различныхъ сортовъ, мелкіе и крупные, благородные и знатные, могущественные и властительные, различные духовные и свѣтскіе князья образуютъ настоящую общественную іерархію господствующаго феодальнаго сословія, которое всею своею массой давитъ на порабощенный народъ. Если къ этимъ двумъ сословіямъ прибавить еще третье — городское, которое слагается въ растущихъ городахъ и состоитъ изъ купцовъ и ремесленниковъ, то мы получимъ наглядную картину разслоенія феодальнаго общества, имѣющаго сословный характеръ. Это цѣлая пирамида сословій, въ основаніи которой лежитъ закрѣпощенное крестьянство, середина состоитъ изъ свободныхъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и купцовъ, а аристократическая вершина — изъ господствующаго землевладѣльческаго феодальнаго сословія, которое распадается на господъ самаго различнаго состоянія и возглавляется наслѣдственнымъ государемъ, великимъ княземъ, княземъ князей или королемъ.

Каждое сословіе обособляется отъ другихъ, такъ какъ оно выполняетъ свою особую роль въ томъ сложномъ общественномъ сотрудничествѣ, которое одновременно является раздѣленіемъ общественнаго труда и обособленіемъ занятій. Крестьяне-земледѣльцы обособляются какъ отъ ремесленниковъ и купцовъ, такъ и отъ воинствующихъ землевладѣльцевъ и помѣщиковъ-дворянъ, какъ отъ благородныхъ и знатныхъ воеводъ, такъ и отъ ихъ вооруженныхъ слугъ. Духовенство обособляется отъ дворянства. Члены каждаго сословія чувствуютъ себя связанными другъ съ другомъ своимъ особымъ образомъ жизни и труда, своими особыми общественными выгодами — интересами, преимуществами и организаціей, своимъ

особымъ положеніемъ въ обществѣ, своими особыми понятіями и своеобразнымъ сословно-общественнымъ самосознаніемъ. Однако, какъ ни обособлены другъ отъ друга различныя сословія и какъ ни различны и даже противоположны ихъ общественныя выгоды, все же они входятъ въ составъ одного и того же общества или народа, находятся по необходимости въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ (хозяйственномъ и духовномъ) и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно когда ихъ странѣ угрожаетъ внѣшняя опасность, живо чувствуютъ взаимную зависимость и связь другъ съ другомъ. Этого никогда не нужно забывать для правильнаго пониманія сословнаго общества и развивающихся въ немъ общественныхъ отношеній. Дѣло въ томъ, что ни одно сословіе не способно существовать самостоятельно. Оно несамодостаточно въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей своихъ членовъ. Земледѣльцы добываютъ хлѣбъ, но нуждаются въ произведеніяхъ ремесленниковъ и товарахъ купцовъ и обратно, дворяне несутъ военную службу, но питаются крестьянами, одѣваются и вооружаются ремесленниками и купцами. Въ такой же зависимости отъ другихъ сословій находится и духовенство, служащее духовному общенію всѣхъ сословій. Всѣ они закрѣпощены другъ другу, и въ особенности тому господствующему феодальному сословію, которое окружаетъ государя и до извѣстной степени раздѣляетъ его власть. Всѣ они чувствуютъ себя жителями одной и той же родной земли, сынами одной и той же родины и церкви, подданными и слугами одного и того же своего собственнаго государя. Таково то сословное общество, которое лежитъ въ основѣ и составляетъ сущность каждаго сословнаго государства и обусловливаетъ все его государственное устройство, конституцію.

4. Самодостаточная городская республика и гражданственность.

Еще въ большей степени чувствуютъ себя членами единаго политическаго общества граждане любой гражданской общины или городской республики, къ какому бы сословію

или классу они ни принадлежали. Дѣло въ томъ, что каждый человѣкъ, чѣмъ больше онъ участвуетъ въ жизни того общества, среди котораго онъ живетъ, тѣмъ болѣе онъ сознаетъ себя его дѣйствительнымъ членомъ. Чѣмъ болѣе имѣетъ онъ гражданскихъ правъ, чѣмъ болѣе участвуетъ онъ въ политическомъ общеніи своихъ согражданъ, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ себя настоящимъ со-общественникомъ, socius'омъ, человѣкомъ-гражданиномъ единаго политическаго общества, которое въ его глазахъ есть его собственное *общественное дѣло* (res publica), родная ему *республика*.

Каждая республика есть въ сущности не что иное, какъ исторически сложившееся *политическое общеніе сограждан*ъ, достаточно развитое и широкое, чтобы включать въ себя всѣ остальныя формы общенія экономическаго, брачнаго, нравственно-правового и проч., съ помощью которыхъ всѣ граждане обезпечиваютъ сообща всѣ стороны своей совмѣстной жизни и достигаютъ возможно болѣе полнаго удовлетворенія своихъ потребностей, стремясь, какъ выражался Аристотель, къ болѣе полной и совершенной жизни.

Поскольку республика удовлетворяетъ всѣ эти разнообразныя потребности своихъ согражданъ, она является вполнѣ самодостаточнымъ и самоуправляющимся политическимъ обществомъ или *автархіей* (самоначаліемъ), какъ говорили греки. А если освободительною борьбою обездоленныхъ согражданъ съ излишествующими и господствующими достигается политическое и общественное равноправіе, то автархія эта превращается въ настоящую исополитейю, или равное совластіе всѣхъ гражданъ, и тогда всѣ они дѣйствительно могутъ себя чувствовать одинаково равноправными членами одного и того же самодостаточнаго и самоуправляющагося политическаго общества, которое говоритъ намъ о вполнѣ развитой гражданственности и о жизни, которою дѣйствительно стоитъ жить.

БИБЛИОТЕКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ

5. Союзъ и федерація республикъ. Союзная гражданственность.

Однако не всѣ гражданскія общины, не всѣ городскія республики бываютъ въ одинаковой степени самодостаточны, не всѣ онѣ могутъ отстоять себя силами своихъ согражданъ отъ сосѣднихъ болѣе могущественныхъ городскихъ республикъ или сословныхъ государствъ. Коринѳъ и Платея не были такъ сильны, какъ Спарта и Аѳины. Спарта и Аѳины не были такъ могущественны, какъ Македонское сословное государство. Римъ былъ болѣе самодостаточенъ и силенъ, чѣмъ сосѣдніе народы. Недостаточно сильныя, чтобы отстоять себя отъ своихъ сосѣдей, часто невполнѣ самодостаточныя и въ другихъ отношеніяхъ, городскія республики или подчинялись болѣе сильнымъ и самодостаточнымъ, или входили въ необходимый союзъ другъ съ другомъ. Такъ подъ верховенствомъ Спарты объединились республики Пелопоннеса. Въ союзъ съ Аѳинами вошли гражданскія общины Евбеи и другихъ острововъ Эгейскаго моря, колоніальныя, переселенческія республики на побережьяхъ Чернаго и Мраморнаго морей и другія. Примѣромъ союза невполнѣ самодостаточныхъ городскихъ республикъ можетъ служить и Ахейскій союзъ, или федерація городскихъ республикъ Ахейи. Аѳинскій союзъ республикъ, почти равносильный Спартанскому союзу, не былъ, однако, такъ силенъ, какъ Македонская сословная монархія, и потому было возможно владычество надъ Греціей Александра, царя Македонскаго, прозваннаго за его великія завоеванія Великимъ.

Римъ былъ болѣе самодостаточенъ и могущественъ, чѣмъ сосѣдніе народы и гражданскія общины, и потому они сперва попали въ зависимость отъ Рима, а потомъ вошли и въ составъ разросшейся Римской республики. Послѣдняя подчинила себѣ даже цѣлый рядъ монархій и сословныхъ государствъ.

Подобныя же явленія повторялись въ Италіи и въ эпоху Возрожденія, когда на землѣ древней Римской республики, захваченной новыми народами, переселившимися изъ

средней и восточной Европы, образовались новыя феодальныя княжества, сословныя монархіи и республики. Примѣрами одинаково могутъ служить и Флоренція, и Венеція, и Генуя, и союзъ городовъ Ломбардіи, и союзы фландрскихъ и германскихъ торговыхъ городовъ, ганзы, и самъ Господинъ Великій Новгородъ, и Псковъ, и Вятка. Всѣ они въ свое время были самостоятельными городскими республиками, которыя, переставая чувствовать себя самодостаточными, или по необходимости входили въ союзъ другъ съ другомъ, или подчинялись болѣе могущественнымъ государствамъ и автархіямъ. Но пока дѣло ограничивалось лишь союзомъ самостоятельныхъ республикъ, изъ которыхъ каждая жила своею обособленною жизнью, до тѣхъ поръ, конечно, въ гражданахъ этихъ союзившихъ республикъ не могло развиться сознаніе ихъ общесоюзнаго единства. Общеніе гражданъ различныхъ республикъ, входившихъ въ союзъ, не было еще настолько развито, чтобы его участники могли начать чувствовать себя членами единаго политическаго общества. Для этого требовалось, чтобы союзъ или федерація республикъ превратились въ единую союзную или федеративную республику. Примѣръ такого превращенія даетъ новѣйшая Швейцарія.

6. Швейцарская союзная республика.

Еще въ началѣ прошлаго столѣтія городскія республики и вѣчевыя земли Швейцаріи были самостоятельными государствами. Правда, они почувствовали уже давно свою несамодостаточность въ дѣлѣ самозащиты отъ внѣшнихъ враговъ, страдая отъ нападенія сосѣдней австрійской монархіи и временами даже подпадая подъ власть австрійскихъ намѣстниковъ. Еще въ XIII столѣтіи, а, можетъ быть, и еще раньше, швейцарскія вѣчевыя земли и городскія республики объединились въ Вѣчный Союзъ народовъ, въ своего рода политическое товарищество на вѣрѣ (Eidgenossenschaft). Но этотъ «Вѣчный Союзъ» народовъ, швейцарскихъ городскихъ республикъ и вѣчевыхъ земель, былъ одновременно и вѣчнымъ междоусобіемъ.

Несмотря на постоянныя столкновенія другъ съ другомъ, несмотря на необходимость искать другъ у друга помощи и взаимной поддержки, швейцарскія городскія республики и вѣчевыя земли жили очень обособленно, и международное общеніе между ними было очень слабо развито Они напоминали собой въ этомъ отношеніи городскія республики Италіи эпохи Возрожденія. Ихъ обособленности и розни благопріятствовали не только разноплеменность населенія, но и природныя условія Швейцаріи, пересѣченной почти непереходимыми цѣпями неприступныхъ горъ.

Жители различныхъ частей или кантоновъ Швейцаріи, какъ стали называться отдѣльныя швейцарскія республики, находились въ постоянныхъ «международныхъ», междуземельныхъ и междугородскихъ торговыхъ и иныхъ сношеніяхъ. Но, повидимому, экономическаго общенія купцовъ различныхъ городскихъ республикъ было недостаточно, чтобы заставить ихъ гражданъ чувствовать единство въ большей степени, чѣмъ рознь. Даже великія религіозныя движенія народовъ, одинаково охватившія какъ нѣмецкіе, такъ и романскіе и итальянскіе кантоны Швейцаріи, не смогли объединить съ помощью духовнаго общенія гражданъ Берна съ гражданами Женевы, гражданъ Цюриха съ гражданами Лозанны, и тѣхъ и другихъ со свободными людьми вѣчевыхъ народоправствъ Швица, Ури, Унтервальдена. Впрочемъ, и у Женевы и у Цюриха были свои собственные пророки, а Ури, Унтервальденъ и другія вѣчевыя земли оставались вѣрными католическому православію. Религія не только не объединяла ихъ, но даже скорѣе способствовала розни. И даже внѣшняя политика и желѣзная рука Наполеона, искусственно создавшаго единую обще-швейцарскую Гельветическую республику, не смогла достичь дѣйствительнаго объединенія швейцарскихъ городскихъ республикъ и вѣчевыхъ земель. Съ паденіемъ Наполеона пала и созданная имъ Гельветическая республика. И только мощному экономическому и умственному развитію XIX вѣка и однообразно-культурному общенію гражданъ нѣ-

мецкихъ, французскихъ и итальянскихъ кантоновъ Швейцаріи удалось объединить ихъ въ единое политическое цѣлое.

Еще въ первой половинѣ XIX-го вѣка не существовало настоящихъ швейцарскихъ гражданъ. Существовали граждане кантона или республики Лозанны, граждане Бернской республики, Цюриха, Женевы, гражданиномъ которой называлъ себя самъ Жанъ-Жакъ Руссо. Но швейцарскихъ гражданъ въ это время еще не было. Чувства и понятія швейцарскаго гражданства было такъ же чужды гражданамъ отдѣльныхъ вѣчевыхъ земель и городскихъ республикъ Швейцаріи, какъ чувства и понятія римскаго гражданства чужды были гражданамъ тѣхъ республикъ, которыя были присоединены къ Риму, но не начали еще жить единою политическою жизнью съ гражданами Рима. Лишь послѣ того, какъ однообразное, обще-культурное, хозяйственное и умственное, экономическое и правно-политическое общеніе жителей самоуправляющихся земель Швейцаріи сдѣлало ихъ населенія зависящими другъ отъ друга въ области удовлетворенія самыхъ необходимѣйшихъ потребностей ихъ жизни, лишь послѣ того, какъ пути сообщенія начали прорѣзывать цѣпи горъ, обособлявшія земли и города Швейцаріи, лишь послѣ того, какъ швейцарскія и городскія республики окончательно потеряли свою прежнюю самодостаточность, стало возможно ихъ дѣйствительное объединеніе и сліяніе въ единое общественное цѣлое.

Несамодостаточность швейцарскихъ кантональныхъ республикъ особенно сильно начала чувствоваться и сознаваться въ первой половинѣ прошлаго (XIX) вѣка, когда, съ одной стороны, въ Швейцаріи началось національное объединеніе различныхъ государствъ и вольныхъ городовъ германскаго союза, а съ другой стороны—возсоединеніе Италіи Въ это время граждане различныхъ кантоновъ Швейцаріи начали ощущать самую настоятельную потребность въ объединеніи всѣхъ швейцарскихъ вѣчевыхъ земель и республикъ въ единое національное или всенародное политическое общество. Насталъ моментъ, когда для обезпеченія своего существованія жите-

лямъ швейцарскихъ кантоновъ, безразлично отъ ихъ нѣмецкаго, французскаго и итальянскаго происхожденія, стало совершенно недостаточно быть гражданами какой-нибудь городской республики или маленькой вѣчевой земли, совершенно безсильной въ борьбѣ съ окружающими могущественными государствами. Насталъ моментъ, когда *національное объединеніе* разноплеменнаго населенія всѣхъ швейцарскихъ кантоновъ сдѣлалось неизбѣжною необходимостью.

Правда, наиболѣе отсталыми въ культурно-политическомъ отношеніи семью католическими кантонами была въ 1847 году сдѣлана попытка избѣжать этой необходимости. Но эта обособленческая попытка ихъ «Особаго союза» (Sonderbund) оказалась совершенно неудачной. И эта неудача только еще лучше показала гражданамъ всѣхъ швейцарскихъ республикъ и земель, что самодостаточность ихъ утеряна ими окончательно и далѣе существовать они могутъ только въ полномъ единеніи, лишь слившись въ *единое* большое, *самодостаточное политическое общество*.

Сложившееся постепенно на почвѣ обще-національнаго, всенароднаго, экономическаго, культурнаго и политическаго общенія жителей отдѣльныхъ земель Швейцаріи, это общество уже достаточно созрѣло, чтобы вылиться въ соотвѣтствующую правовую и государственную форму. И, согласно общему рѣшенію швейцарскихъ кантоновъ, постоянный союзъ ихъ въ 1848 году былъ превращенъ въ единую Союзную Швейцарскую Республику, конституція которой была утверждена всенароднымъ голованіемъ всѣхъ швейцарскихъ гражданъ.

Объединившемуся швейцарскому народу была предоставлена верховная учредительная власть и право пересмотра союзной конституціи, а обычное законодательство было вручено представительному Союзному Собранію, одна палата котораго избирается всѣмъ швейцарскимъ народомъ, а другая— отдѣльными кантонами. Эта союзная конституція обезпечивала всѣмъ кантонамъ полное самоуправленіе во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя касаются только даннаго кантона, и давала

всѣмъ швейцарцамъ равную возможность принимать участіе въ рѣшеніи ихъ обще-національныхъ, союзныхъ дѣлъ и, такимъ образомъ, дѣйствительно осуществляла созданіе единой націи и способствовала ея дальнѣйшему политическому развитію. Она свидѣтельствовала также и о той великой перемѣнѣ, которая произошла въ политическомъ сознаніи гражданъ мѣстныхъ, до этого времени независимыхъ, республикъ. Теперь они, не переставая быть гражданами Женевы, Берна, Цюриха, стали дѣйствительными гражданами единой и всѣмъ имъ общей, близкой и родной Союзной Республики Швейцаріи. Они стали жить одною, общею имъ всѣмъ національною жизнью, непосредственно участвуя въ томъ всенародномъ политическомъ общеніи, самымъ могущественнымъ средствомъ котораго служитъ всенародное голосованіе и непосредственное рѣшеніе всѣмъ народомъ своихъ національныхъ дѣлъ. Непосредственное участіе всѣхъ швейцарскихъ гражданъ въ политической жизни ихъ союзной республики превратило ее въ настоящее всенародное политическое общество.

7. Болѣе сложное сословное государство.

Сословныя государства, какъ тѣ, которыя окружали Швейцарію, такъ и другія, переставая быть самодостаточными для независимаго существованія, тоже принуждены были или подчиняться болѣе могущественнымъ, или объединяться другъ съ другомъ. Такъ всѣ сословныя государства Франціи, начиная съ Иль-де-Франса и кончая Бургундскимъ королевствомъ, были очень рано объединены подъ властью единаго французскаго короля. Подобнымъ образомъ различныя сословныя государства Англіи, переставшія быть самодостаточными въ военномъ отношеніи, были объединены подъ властью англійскаго короля. Русскія княжества и бывшія народоправства были въ концѣ концовъ объединены подъ властью великихъ князей и царей Московскихъ. Сословныя государства Германіи и Австріи были объединены подъ властью императоровъ, избираемыхъ объединившимися государями. Но это объединеніе было весьма поверхностно и непрочно. Оно держалось лишь силою прину-

дительнаго властвованія государей и вовсе не обозначало собой дѣйствительнаго національнаго объединенія сословныхъ обществъ. И эта принудительная власть болѣе могущественнаго государя многими политическими писателями принималась чуть ли не за самый главный признакъ не только сословно-крѣпостническаго монархическаго государства, но и всякаго другого.

8. Развитіе національно-классоваго государства изъ сословнаго въ Англіи.

Англія, даже послѣ созыва великаго парламента Симона-де-Монфора (въ 1265 г.) и образцоваго парламента Эдуарда I (1295 г.), даже во времена постоянно повторяющихся собраній представителей различныхъ сословій, городовъ и сельскихъ мѣстностей, продолжала быть какимъ-то искусственнымъ объединеніемъ различныхъ земель, бывшихъ прежде совершенно самостоятельными феодальными государствами. Доказательствомъ можетъ служить послѣдующій длительный періодъ безконечныхъ феодальныхъ войнъ. Онѣ какъ бы снова возродили къ жизни эти государства, которыя когда-то существовали на мѣстѣ будущей единой Англіи. Только послѣ окончанія феодальныхъ войнъ всякихъ Бѣлыхъ и Алыхъ Розъ, но не ранѣе достаточнаго развитія обмѣна и торговаго общенія между различными городами и мѣстностями Англіи, не ранѣе распространенія мѣнового и денежнаго хозяйства и разложенія феодализма и сословнаго общества, созрѣла Англія для своего окончательнаго превращенія въ единое національное государство. Не только при Тюдорахъ, но даже и при первыхъ Стюартахъ, Англія не была еще національнымъ политическимъ обществомъ, вполнѣ заслуживающимъ право на подобное названіе. Но, когда великая англійская революція охватила въ XVII-мъ вѣкѣ всю страну и даже не только Англію, но и Шотландію, когда всеобщій революціонный водоворотъ втянулъ въ себя всѣхъ дѣеспособныхъ англійскихъ гражданъ, когда имъ приходилось выбирать одно изъ двухъ — бороться за права всего народа и парламента противъ само-

властія короля или съ королемъ и частью англійской знати идти противъ подавляющаго большинства народа,—тогда дѣйствительно вся Англія объединилась въ единую націю, борющуюся за свои права. Впрочемъ, этому способствовало и предшествующее великое религіозное движеніе, извѣстное подъ именемъ пуританской революціи. Духовное общеніе жителей самыхъ различныхъ областей весьма способствовало ихъ политическому общенію и объединенію. Непосредственное участіе въ политическомъ общеніи во время великой революціи, всеобщая борьба за гражданскую свободу будили въ англичанахъ чувство общности ихъ національныхъ, общенародныхъ интересовъ, ихъ національное, политическое самосознаніе, стремленіе къ самоуправленію объединеннаго народа. Все это привело къ образованію англійской республики, которая была истиннымъ предтечею будущаго національнаго политическаго общества.

Англійская республика (1649—1660), руководимая Кромвелемъ, уже указывала на то, что Англія изъ прежняго сословнаго государства съ его принудительною властью надъ всѣми населенными землями, вошедшими въ его составъ, дѣйствительно превращается въ единое самоуправляющееся и самодостаточное политическое общество. Правда, это общество въ то время далеко не обнимало всѣхъ англичанъ. Послѣ паденія республики (1660) дѣйствительное участіе въ политической жизни Англіи ограничивалось почти исключительно правящими классами. Однако, все же это была уже настоящая нація, хотя и нація господствующихъ классовъ, создавшихъ съ помощью труда рабочихъ классовъ богатѣйшія національныя, матеріальныя и духовныя богатства. Это было національно-классовое политическое общество, получившее форму представительнаго національно-классоваго государства.

9. Образованіе французскаго національно-классоваго государства.

Подобный же ходъ образованія націи наблюдаемъ мы и во Франціи. Въ XV-мъ столѣтіи различныя сословныя обще-

ства, вошедшія въ составъ французскаго сословнаго государства, еще не представляли чего-нибудь единаго и сплоченнаго. Лучшимъ доказательствомъ, въ какой степени Франція того времени была принудительнымъ объединеніемъ отдѣльныхъ сословныхъ обществъ, бывшихъ еще незадолго передъ этимъ самостоятельными государствами, могутъ служить французскіе Генеральные Штаты того времени Такъ, напр., на собраніи Генеральныхъ Штатовъ въ Турѣ (въ 1483 г.) представители сословій дѣлились на шесть областныхъ группъ, секцій, изъ которыхъ каждая соотвѣтствовала одному изъ тѣхъ сословныхъ государствъ, которыя, переставъ быть самостоятельными, были вынуждены признать надъ собою власть французскаго короля. Такъ, одна секція состояла изъ сословныхъ представителей дворянства, духовенства и горожанъ Парижа и другихъ мѣстностей, составлявшихъ прежде французское королевство Иль-де-Франса. Другая областная группа была образована представителями сословій Бургундіи, бывшей еще не задолго передъ этимъ совершенно самостоятельнымъ феодально-сословнымъ государствомъ. Третья секція была сословно-представительной группой Нормандіи, прежняго Нормандскаго герцогства и т. д. И представители сословій каждой изъ этихъ земель, входившихъ въ составъ французскаго сословнаго государства, засѣдали особо и подавали свои голоса отдѣльно отъ сословій другихъ мѣстностей Франціи, наглядно свидѣтельствуя этимъ, что Франціи, какъ единаго національнаго политическаго общества, еще не существуетъ, французской націи еще нѣтъ.

Она сложилась на той же почвѣ экономическаго и политическаго, общекультурнаго и умственнаго международнаго общенія, которое обусловило образованіе англійской націи изъ вынужденнаго и насильственнаго объединенія цѣлаго ряда феодальныхъ государствъ подъ властью болѣе могущественнаго короля. И въ данномъ случаѣ объединеніе ихъ было обусловлено развитіемъ обмѣна и торговыхъ сношеній между различными городами, благодаря культурному, религіозному и умственному общенію жителей самыхъ различныхъ мѣстностей

Франціи. Особенно же важное значеніе для созданія французской націи имѣло то политическое общеніе, которое объединило французовъ въ борьбѣ за гражданскія права во время Великой французской революціи.

Подобно англійской націи, французскій народъ впервые сознаетъ себя, какъ единую націю, въ моментъ великой революціи. Прекрасныя слова французской марсельезы остаются навсегда краснорѣчивымъ памятникомъ этого національнаго самосознанія.

Въ Великой французской революціи принимали самое непосредственное участіе всѣ слои французскаго общества, всѣ сословія и классы Франціи. Одни лишь крестьяне находились до извѣстной степени въ сторонѣ отъ великаго революціоннаго общенія французскихъ гражданъ. Но французская демократическая республика, провозглашенная въ 1793 году, должна была объединить и ихъ посредствомъ ихъ участія во всенародныхъ голосованіяхъ и общенаціональномъ дѣлѣ. Правда, демократическая республика 1793 г. не была осуществлена въ дѣйствительности и французское политическое общество оказалось національно-классовымъ.

Однако, это классовое общество все же представляетъ собою сложившуюся націю, поскольку въ немъ проявляется политическое общеніе и сотрудничество различныхъ классовъ въ обще-національномъ дѣлѣ, поскольку эти классы чувствуютъ себя лишь частями единаго національнаго политическаго общества.

10. Рожденіе россійской націи и гражданственности.

Подобно англійской націи, которая окончательно сложилась и сознала себя во время Великой англійской революціи, и подобно французской націи, которая окончательно сложилась и сознала себя въ моментъ Великой французской революціи, въ настоящій моментъ Великой россійской революціи должна сложиться и сознать себя и нація россійская.

Правда, до сихъ поръ мы видимъ вокругъ себя какъ будто нѣчто совсѣмъ обратное.

Различныя народности Россіи, покоренныя и по большей части давно уже переставшія быть самодостаточными, насильственно присоединенныя къ Россійской имперіи и переставшія жить самостоятельною политическою жизнью, въ настоящее время какъ бы оживаютъ и стремятся стать самостоятельными политическими обществами. Всюду, по всей Россіи провозглашаются мѣстныя и національныя республики.

Исторія какъ бы мститъ республикѣ россійской за долгое угнетеніе ея народовъ русскими царями. Страдая отъ порабощенія царями и оставаясь вмѣстѣ со всей Россіей пятномъ невѣжества въ Европѣ, угнетенные народы, почуявъ свободу, какъ бы стремятся теперь освободиться отъ подчиненія даже и республиканскому, революціонному россійскому правительству. Правда, происходитъ это не безъ закулисныхъ стараній нѣмецкаго императорскаго правительства, ловящаго рыбу въ мутной водѣ анархической революціи различныхъ народностей, переходящихъ изъ русскихъ въ нѣмецкія руки.

На самомъ дѣлѣ, кромѣ Польши и Финляндіи, ни одна изъ земель прежней Россійской имперіи не можетъ стать вполнѣ самостоятельной. Да и Финляндія и Польша врядъ ли настолько самодостаточны, чтобы стать республиками, совершенно независимыми отъ своихъ сосѣдей.

Еще въ большей степени можно это сказать про различныя другія страны и народности, входящія въ составъ Россіи.

Дѣло въ томъ, что и Литва, и Латвія, и Малороссія или русская Украина, и Грузія, правда въ различной степени, но давно уже перестали быть вполнѣ самодостаточными политическими обществами или государствами. И врядъ ли даже Польшѣ и Финляндіи можно стать совершенно независимыми отъ своихъ болѣе могущественныхъ сосѣдей, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи.

Впрочемъ, можно сказать, что и сама Россія уже не можетъ быть названа вполнѣ самодостаточной страной.

Нѣмцы весьма успѣшно стремились сдѣлать изъ Россіи рынокъ не только для своихъ промышленныхъ, но и для

своихъ умственныхъ произведеній. Они всячески пытались поработить Россію, превративъ ее въ свою колонію не только въ хозяйственномъ, но и въ духовномъ отношеніи. Они порабощали россійскихъ обывателей не только силой своей техники, но и своею научною нѣмецкою схоластикою и идеологіей. Многіе русскіе, видя въ нѣмцахъ своихъ, едва ли не единственныхъ, учителей, ограничивая свое образованіе почти исключительно нѣмецкими книжками, заполняющими до сихъ поръ русскій книжный рынокъ, переставали не только думать, но даже и писать и говорить по-русски. Русскій языкъ не только переполненъ нѣмецкими словами и понятіями, но усвоилъ даже и обороты нѣмецкой рѣчи. Россійская соціалъ-демократія, несмотря на провозглашаемый ею интернаціонализмъ, пропитана нѣмецкою идеологіей и не только ведетъ свое происхожденіе отъ нѣмецкой, но и дѣйствуетъ подъ нѣмецкимъ вліяніемъ.

Какое еще нужно доказательство духовнаго порабощенія русской образованности и интеллигенціи?

Однако, кажется, все же пришло время для освобожденія русскаго народа отъ всяческаго рабства, какъ внутренняго, такъ и иноземнаго.

Подобно Великой англійской революціи, подобно Великой французской революціи, подобно великимъ революціямъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ, Великая русская революція превращаетъ россійскихъ обывателей, вчерашнихъ рабовъ, въ сознательныхъ гражданъ. Бурный вихрь Великой революціи мѣшаетъ карты всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, и въ своемъ безудержномъ поступательномъ движеніи увлекаетъ за собой всю прежнюю людскую пыль, пробуждая черноземную силу великой крестьянской страны.

II. Націонализмъ и интернаціонализмъ.

Взаимное общеніе народностей, населяющихъ Россію, въ сущности есть общеніе международное, хотя мы и не привыкли такъ понимать его. Но какъ же иначе возможно понимать общеніе Польши и Россіи, общеніе великороссовъ и украин-

цевъ, русскаго и грузинскаго народа, армянъ, татаръ и всякихъ другихъ народностей или національностей Россіи? И это международное общеніе различныхъ національностей лежитъ въ основѣ новой, создающейся на нашихъ собственныхъ глазахъ, Россіи. Это долженъ понимать каждый россійскій гражданинъ, въ особенности тотъ, кто зоветъ себя международникомъ, интернаціоналистомъ. Каждый истинный и сознательный интернаціоналистъ долженъ усвоить, что нельзя въ одно и то же время быть и интернаціоналистомъ и привѣтствовать націонализмъ и стремленіе національностей къ полной независимости, если національности эти уже утратили свою самодостаточность, способность жить совершенно независимо другъ отъ друга.

Мнѣ скажутъ, что перестала быть вполнѣ самодостаточной и Россія, взятая какъ совокупность всѣхъ народностей, входившихъ въ составъ Россійской имперіи Но, отвѣчаю я, здѣсь дѣло въ степени. Не была вполнѣ самодостаточна и Кіевская Русь, зависѣвшая во многихъ отношеніяхъ не только отъ другихъ русскихъ земель, но и отъ Византіи. Однако, она существовала, какъ самостоятельное государство, пока ея несамодостаточность не проявилась въ бо́льшей степени зависимости отъ другихъ народовъ, пока она не оказалась недостаточно сильной, чтобы отстоять себя отъ внѣшняго врага. Это лишь новое доказательство въ пользу того, что не могутъ стать совершенно независимыми и тѣ народности Россіи, которыя не самодостаточны не только въ экономическомъ, но и въ военномъ отношеніи. Не была вполнѣ самодостаточна и Московская Русь, родившаяся въ плѣну, подъ татарскимъ игомъ, родившаяся, какъ данница татаръ. Однако, объединеніе различныхъ несамодостаточныхъ русскихъ княжествъ и земель вокругъ великаго княжества Московскаго, сдѣлало Московскую Русь достаточно сильной, чтобы освободиться отъ татарскаго ига и зависимости и стать даже и въ военномъ отношеніи вполнѣ самодостаточной страной. Лучшее доказательство того, что не обособленіемъ, а объединеніемъ народовъ достигается самодостаточность каждой новой рождающейся націи. Не со-

всѣмъ самодостаточны даже и современныя Германія и Франція, зависящія въ дѣлѣ удовлетворенія экономическихъ потребностей своего населенія даже отъ Россіи, отъ ввоза русскаго хлѣба и сырья. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несамодостаточна даже сама Англія, уже принужденная входить въ международныя соглашенія съ Франціей, Японіей и даже Россіей для обезпеченія своихъ національныхъ интересовъ. Это примѣръ того, что въ настоящее время національные интересы даже самыхъ могущественныхъ народовъ нуждаются въ интернаціональной поддержкѣ для своего обезпеченія. Въ настоящее время международныя соглашенія происходятъ не только для обезпеченія существованія такихъ небольшихъ политическихъ обществъ, какъ Бельгія и Швейцарія, которыя совершенно несамодостаточны для борьбы со своими могущественными сосѣдями. Теперь международныя соглашенія заключаются и между самыми могущественными націями и государствами съ тою же цѣлью обезпеченія національныхъ интересовъ и самаго существованія націй. Отсюда ясно, что международность, интернаціонализмъ, понимаемый какъ слѣдуетъ, даже съ точки зрѣнія интересовъ націи, не есть врагъ національности, народности. Но интернаціонализмъ, понимаемый какъ космополитизмъ, и націонализмъ, понимаемый какъ господство и насиліе одной націи надъ другой, конечно, смертельные враги.

Космополитизмъ—самый страшный врагъ націонализма и даже интернаціонализма, поскольку интернаціонализмъ служитъ поддержкою націонализма, а это бываетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ международныя соглашенія заключаются для лучшаго обезпеченія національныхъ аппетитовъ. И все же нельзя не признать того, что будущее принадлежитъ не интернаціонализму, а космополитизму. Нельзя не признать того, что интернаціонализмъ есть лишь промежуточная, переходная ступень отъ націонализма къ космополитизму. Это долженъ ясно понимать каждый сознательный интернаціоналистъ-международникъ. Если только онъ вполнѣ сознательный и достаточно знакомый съ исторіей народовъ человѣкъ, то не можетъ онъ привѣтствовать и стремленія не только малыхъ, но и

большихъ національностей къ обособленію и полной независимости. Не можетъ онъ привѣтствовать этого потому, что не въ этомъ направленіи совершается ходъ міровой исторіи, не въ этомъ направленіи идетъ развитіе самодостаточнаго политическаго общества.

12. Образованіе новыхъ націй и развитіе новаго самодостаточнаго политическаго общества на почвѣ общенія и объединенія народовъ и національностей.

Дѣло въ томъ, что всѣ народы и всѣ государства, переставая быть самодостаточными, посредствомъ международныхъ соглашеній и международнаго общенія идутъ черезъ народность, черезъ интернаціонализмъ, къ космополитизму, къ постепенному сліянію всѣхъ политическихъ обществъ въ единую міровую союзную республику народовъ. Какъ народность уступаетъ свое мѣсто международности, такъ международность даетъ дорогу всемірности, которая только одна можетъ быть признана конечнымъ стремленіемъ и общественнымъ идеаломъ человѣчества.

Но, съ другой стороны, если международникъ признаетъ право даже малыхъ націй и народностей на самоопредѣленіе и самоуправленіе, то, конечно, не въ меньшей, а въ еще большей степени, онъ долженъ признавать это право за тѣми болѣе великими націями, которыя создаются на почвѣ международнаго общенія и соглашенія малыхъ, на почвѣ сліянія несамодостаточныхъ народностей въ болѣе величественное самодостаточное политическое общество.

На нашихъ глазахъ уже создалось не одно такое общество или государство. Примѣрами могутъ служить и Австрія и Германія. Послѣдняя создалась соглашеніемъ родственныхъ другъ другу германскихъ государствъ, переставшихъ быть вполнѣ самодостаточными, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Ихъ политическому объединенію въ Германскую имперію предшествовалъ ихъ таможенный союзъ. Германская имперія была спаяна не столько кровью и желѣзомъ, сколько золотомъ, серебромъ и мѣдью. Правда, Гер-

манская имперія не можетъ быть названа свободной націей. Монархическая Германія еще не можетъ быть названа настоящимъ политическимъ обществомъ свободныхъ гражданъ. Нѣтъ, однако, сомнѣнія въ томъ, что она скоро станетъ имъ, слѣдуя естественному ходу своего дальнѣйшаго политическаго развитія. Законы политическаго развитія народовъ столь же непреложны для Германіи, какъ и для другихъ народовъ міра.

Другая несравненно болѣе величественная и замѣчательная, новая слагающаяся нація есть Greater Britain, «*Болѣе Великая Британія*», болѣе великая, чѣмъ прежняя, всѣмъ намъ хорошо извѣстная Великобританія.

Что это за нація? «Болѣе Великая Британія» представляетъ собой поразительное преобразованіе, настоящую реорганизацію прежней Англійской имперіи. Прежняя Англія, Англія въ тѣсномъ смыслѣ слова, англійское государство Тюдоровъ и Стюартовъ, давно уже перестала быть самодостаточною націей. Даже послѣ объединенія съ Шотландіей, послѣ окончательнаго подчиненія Ирландіи и превращенія изъ единаго и однороднаго въ разнонародное, трехнаціональное Соединенное Королевство Великобританію, Англія, сдѣлавшись такимъ образомъ болѣе самодостаточной, все же была принуждена жить на счетъ своихъ колоній. Великобританія, ограниченная территоріей трехъ прежнихъ націй, англійской, шотландской и ирландской, перестала быть самодостаточной послѣ того, какъ колоніи, основанныя ея выходцами въ Америкѣ и другихъ странахъ, начали поддерживать свою прежнюю родину, метрополію, своими средствами. *Несамодостаточность* Великобританіи сдѣлала ее государствомъ паразитическимъ, живущимъ на счетъ эксплоатируемыхъ колоній. Ихъ населенія, облагаемыя поборами, принуждены были дѣлиться своими жизненными средствами съ господствующею метрополіей. Эта эксплоатація несамодостаточною метрополіей своихъ колоній была такова, что доводила ихъ до вооруженныхъ возстаній, которыя не всегда успѣшно подавливались англичанами. Примѣромъ можетъ служить возстаніе американ-

скихъ колоній, превратившихся въ независимые Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Эта революція произошла въ концѣ XVIII-го вѣка. Черезъ полъ-столѣтія и новыя англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ (Канада) начали грозить повтореніемъ подобной революціи, по тѣмъ же самымъ причинамъ. Лишившись своихъ прежнихъ колоній, Англія стала съ неменьшимъ, если еще не съ большимъ рвеніемъ эксплоатировать новыя и этимъ едва не довела Канаду до возстанія и провозглашенія независимости. Избѣжать этого Англіи удалось лишь предоставленіемъ Канадѣ полной свободы и самоуправленія. Весь расчетъ Англіи—не потерять Канады—былъ основанъ на взаимности и общности культурныхъ, экономическихъ и политическихъ потребностей обѣихъ странъ. Канада, угнетаемая и эксплоатируемая англійскимъ правительствомъ, готовая освободиться отъ Англіи, сразу же измѣнила свое отношеніе къ ней, лишь только англійское правительство прекратило свою грубо-эксплоататорскую политику и признало права канадскаго народа. Изъ скрытаго врага и недоброжелателя Англіи Канада превратилась въ ея друга и союзника. То же самое произошло черезъ нѣкоторое время съ Австраліей, а потомъ и съ южно-африканскими республиками. Австралія изъ колоній, служившихъ для Англіи еще въ серединѣ XIX-го столѣтія мѣстомъ ссылки уголовныхъ преступниковъ, превратилась въ Союзную Австралійскую Республику, еще болѣе демократическую по своему политическому устройству, чѣмъ Канада. Новая Зеландія превратилась въ самоуправляющееся политическое общество еще раньше. Южно-африканскія колоніи и республики образовали Южно-африканскую федерацію. Все это совершенно измѣнило взаимныя отношенія метрополіи и колоній и превратило Англійскую имперію въ союзъ республикъ. Великобританія, ставшая «Болѣе Великою Британіей», начала управляться не столько прежнимъ англійскимъ парламентомъ, сколько цѣлымъ рядомъ мѣстныхъ парламентовъ, съѣздами и соглашеніями правительствъ самоуправляющихся колоній съ англійскимъ правительствомъ. Однимъ словомъ, изъ несамо-

достаточной во многихъ отношеніяхъ Великобританіи Англія превратилась въ великую республиканскую федерацію, которая сохраняетъ лишь по внѣшности монархическую форму, а на самомъ дѣлѣ представляетъ собой величественную союзную республику народовъ, замѣчательный примѣръ новѣйшаго самодостаточнаго политическаго общества, международнаго не только по своему составу, но и по своему устройству.

Это удивительное превращеніе паразитической метрополіи и эксплоатируемыхъ ею колоній въ свободное и равноправное союзное государство должно было неизбѣжно отразиться въ политическомъ сознаніи жителей какъ метрополіи, такъ и колоній. И дѣйствительно, и англичане, и канадцы, и австралійцы, и африкандеры начали называть себя британцами (British'er) или британскими гражданами,—наименованіе, вполнѣ соотвѣтствующее тому международному политическому обществу, членами котораго они являются. Въ его основѣ лежитъ самодостаточное, экономическое и политическое, культурно-правовое и умственное общеніе жителей всѣхъ союзныхъ странъ, входящихъ въ составъ британской федераціи народовъ.

Плодомъ того же свободнаго и самодостаточнаго экономическаго и политическаго общенія должна стать и новая Россія. Въ настоящее время, какъ свободная страна, она можетъ существовать лишь какъ союзъ различныхъ народовъ и національностей, стремящихся сообща обезпечить свое существованіе, свободу и совокупную самодостаточность. Ихъ общеніе, необходимое для обезпеченія самыхъ различныхъ сторонъ жизни и самыхъ жизненныхъ потребностей ихъ гражданъ, объединяетъ ихъ и сливаетъ въ единое самодостаточное политическое общество, дѣйствительнымъ гражданиномъ котораго неизбѣжно становится каждый, кто дѣйствительно и непосредственно участвуетъ въ этомъ международномъ политическомъ общеніи Россіи, которая только теперь можетъ стать общею родиной всѣхъ ея народовъ. Россійской націи до сихъ поръ еще не существовало. Но въ бурномъ вихрѣ Великой революціи, охватившей всѣ національности Россіи, она рождается,

какъ плодъ ихъ политическаго общенія. Таково общественное и политическое, таково соціологическое значеніе международнаго общенія. Оно всегда и всюду одинаково неизбѣжно ведетъ сперва къ объединенію, а потомъ и къ слянію самыхъ различныхъ народовъ, національностей и политическихъ обществъ въ болѣе величественную націю, въ болѣе великій народъ, въ несравненно болѣе самодостаточное политическое общество.

Въ этомъ развитіи самодостаточнаго политическаго общества и скрывается загадочная тайна политическаго развитія народовъ, сліянія малыхъ націй въ болѣе великія, смѣны малыхъ государствъ болѣе величественными политическими формами. Необходимость для каждаго народа и каждаго политическаго общества быть самодостаточнымъ, чтобы существовать, была указана еще Аристотелемъ и теперь раскрыта.

Эта тайна должна стать теперь всѣмъ понятной и самоочевидной истиною, политическою аксіомой, не требующей доказательствъ, ибо она наглядно подтверждается всею историческою жизнью человѣчества, всѣмъ ходомъ его общественнаго и политическаго развитія, начиная съ первобытной полустадной бродячей группы дикарей и ихъ междуплеменныхъ союзовъ и кончая новѣйшими международными соглашеніями современныхъ великихъ націй.

13. Тайна самодостаточнаго общества и безконечной смѣны его историческихъ и доисторическихъ формъ.

Бродячія тотемическія группы, теряя свою самодостаточность и поэтому по необходимости входя сперва въ постоянное общеніе, а потомъ и въ союзъ другъ съ другомъ, даютъ начало родовому обществу, которое состоитъ изъ родовыхъ союзовъ, сливающихся въ племена. Племена, превращаясь въ осѣдлыя племенныя общества, даютъ начало поземельнымъ общинамъ, вѣчевымъ землямъ, которыя въ свою очередь могутъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока они самодостаточны. Когда они перестаютъ быть самодостаточными въ какомъ бы то ни было отношеніи, они въ свою очередь

вынуждаются входить въ постоянное общеніе другъ съ другомъ и составлять союзы вѣчевыхъ земель. То же самое, столь же неизбѣжно, происходитъ и съ феодализованными землями, съ различными феодальными княжествами и государствами. Теряя свою самодостаточность, отдѣльныя государства, или отдѣльные народы, вынуждаются равнымъ образомъ искать общенія другъ съ другомъ и для обезпеченія своего существованія входить въ международные соглашенія и союзы. Но ихъ международное общеніе столь же неизбѣжно сливаетъ ихъ въ концѣ концовъ въ единыя націи, какъ международное общеніе племенъ сливаетъ племена въ народы. То же самое, повторяется, какъ видимъ, и съ самими націями. Современное интернаціональное общеніе столь же очевидно, какъ и прежнее международное общеніе, ведетъ къ образованію болѣе величественнаго самодостаточнаго и самоудовлетворяющагося человѣческаго общества.

Само собою разумѣется, что развитіе человѣческаго общества, какъ гражданскаго, такъ и политическаго, не останавливается на образованіи международно-національныхъ государственныхъ союзовъ, какими являются Германія и Австрія. Не кончается его развитіе и образованіемъ международно-національныхъ политическихъ союзовъ, какимъ является «Болѣе Великая Британія». Не завершается оно и соглашеніями и союзами, какіе заключаются сейчасъ между такъ называемыми «великими державами» или новѣйшими націями международнаго состава.

Развитіе гражданственности и политическое развитіе народовъ не останавливается на международности и интернаціонализмѣ. Международное общеніе естественно продолжаетъ идти дальше, стремится объять весь міръ, дѣлается всемірнымъ, идетъ къ космополитизму. Интернаціонализмъ въ извѣстной степени пережитъ и существующими политическими обществами, поскольку они представляютъ собою плодъ общенія, объединенія и сліянія націй и народовъ, вошедшихъ въ ихъ составъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ современная общественная, какъ экономическая, такъ и умственная, какъ правовая, такъ и

политическая, жизнь вышла уже за предѣлы ограниченной международности и интернаціонализма и принимаетъ міровой характеръ.

Всемірные союзы уже осуществляются не только въ области международнаго почтоваго общенія, но также и въ другихъ областяхъ міровой жизни. Современная наука, умственное общеніе ученыхъ безспорно уже имѣетъ не только національное и интернаціональное, но и міровое, космополитическое значеніе. И то же самое можно сказать про современное искусство и литературу. Толстой, какъ и Эдиссонъ, Шаляпинъ, какъ и Айседора Дунканъ, Мечниковъ, какъ и Дарвинъ, какъ Кюри, какъ Склодовская и Ковалевская, имѣютъ значеніе не только для народа, ихъ породившаго и воспитавшаго, но и для всего человѣчества. Ихъ открытія и изобрѣтенія, равно какъ и ихъ писанія и искусство, дороги людямъ всего міра. Плодами ихъ талантовъ и способностей пользуются всѣ, кто только можетъ.

Интернаціонализмъ, разумѣется, желателенъ во всѣхъ тѣхъ областяхъ современной общественной жизни, въ которыхъ еще неосуществимъ космополитизмъ. Такова область политическаго властвованія и современная гражданственность, которая уже охвачена всевозможными международными соглашеніями самыхъ различныхъ націй. Но даже и въ области гражданственности наше завѣтное желаніе, наша конечная цѣль и идеалъ — не международность, не интернаціонализмъ, а всемірность, космополитизмъ. Ибо нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мы идемъ неудержимо къ той міровой республикѣ, которую предвидѣли еще классическіе мыслители древней Греціи. Человѣческое общество расширяется все болѣе и болѣе. Оно выросло уже изъ рамокъ націй. Національное государство обобществляется и превращается въ политическое общество народовъ. А его дальнѣйшее развитіе дѣлаетъ насъ гражданами міра.

Въ этомъ заключается сущность мірового развитія народовъ и самодостаточнаго политическаго общества. Тайна его уже раскрыта. Въ чемъ же заключается сущность его политическаго устройства, конституціи любого государства?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Политическая организація общества.

I. Государство и гражданственность.

Стоитъ только внимательно всмотрѣться въ любую политическую организацію самодостаточнаго общества или государства, чтобы увидѣть, какъ неразрывно связаны они другъ съ другомъ. Всякая политическая организація общества, любое государство всегда обусловливается опредѣленною ступенью развитія самодостаточнаго общества и гражданственности, обусловливается даннымъ состояніемъ общества и тѣмъ соотношеніемъ общественныхъ слоевъ, группъ, классовъ, какое сложилось къ данному моменту въ данномъ обществѣ, народѣ или націи.

Не даромъ говорятъ, что каждый народъ имѣетъ правительство, какое онъ заслуживаетъ. И въ самомъ дѣлѣ, монархіи, какъ и республики, самодержавіе государей, какъ и самодержавіе народовъ, конечно, не случайность. Монархъ можетъ господствовать лишь тамъ, гдѣ общество не имѣетъ силы, гдѣ народъ не способенъ осуществить свои права, гдѣ любой общественный классъ готовъ признать любую власть, только не власть враждебнаго ему класса, гдѣ подданные темны и политически неразвиты настолько, что не понимаютъ значенія междоусобій для политической свободы. Республика же можетъ существовать лишь тамъ, гдѣ вмѣсто подданныхъ мы видимъ свободныхъ гражданъ, готовыхъ на самопожертвованіе во имя спасенія народа, готовыхъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои гражданскія права и народную свободу отъ всякаго врага.

Не даромъ видимъ мы, что политическая свобода и права народа лучше всего осуществлены въ тѣхъ странахъ, гдѣ больше всего было пролито за гражданскія, народныя права народной и гражданской крови. Воистину только борьбой добываются права, достигается переходъ власти въ руки большинства народа. Право на народную свободу можетъ быть добыто лишь цѣною жизни мужественныхъ и самоот-

верженныхъ людей, способныхъ быть дѣйствительными гражданами родины. Такъ было въ древней Греціи, въ классическихъ Аѳинахъ и въ другихъ греческихъ республикахъ. Такъ было въ древнемъ Римѣ. Такъ было въ городскихъ общинахъ, коммунахъ и республикахъ средневѣковья и эпохи Возрожденія, какъ въ итальянской Флоренціи, такъ и въ славянскомъ Новгородѣ. Такъ было въ Англіи. Такъ было въ Бельгіи, гдѣ было пролито такъ много крови за свободу. Такъ было въ странѣ самой развитой гражданственности, въ Швейцаріи, въ которой каждый шагъ къ народоправству былъ новою самоотверженною борьбою гражданъ за свои гражданскія права на власть во имя верховныхъ правъ народа

Такъ было всюду, гдѣ хотя и цѣною неисчислимыхъ и безцѣнныхъ жертвъ, но все же въ концѣ концовъ восторжествовало право народа на самоопредѣленіе и самоуправленіе, гдѣ восторжествовало право всѣхъ гражданъ на непосредственное и равное участіе въ верховной власти своего народа, въ рѣшеніяхъ важнѣйшихъ дѣлъ родной страны, т.-е., иначе говоря, въ вершеніи своей собственной судьбы.

Въ основѣ любого политическаго общества всегда лежитъ гражданственность. Въ основѣ любой организаціи верховной власти всегда лежитъ опредѣленное соотношеніе общественныхъ силъ, т.-е. тѣхъ общественныхъ группъ и классовъ, на которые распадается любое общество, любой народъ, любая нація. Конституція любого государства есть въ сущности не что иное, какъ плодъ его гражданственности.

2. Сущность конституціи. Пониманіе Лассаля и Аристотеля.

Конституція любого государства есть въ сущности не что иное, какъ опредѣленное соотношеніе различныхъ общественныхъ группъ и классовъ, которые въ политической жизни каждаго гражданскаго общества играютъ роль общественныхъ силъ, двигающихъ всю политическую жизнь и приводящихъ въ движеніе всю государственную машину.

Это было понято великими умами уже давно. Извѣстно, что еще сравнительно недавно, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, Фердинандъ Лассаль, выдающійся соціалистическій нѣмецкій агитаторъ, въ своихъ зажигательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокихъ рѣчахъ, выяснялъ германскимъ рабочимъ сущность конституціи любого государства. При этомъ Лассаль наглядно рисовалъ рабочимъ ту общественную основу, на которой держится весь государственный порядокъ, который есть не что иное, какъ правно-политическое выраженіе господствующаго общественнаго строя и дѣйствительнаго соотношенія различныхъ классовъ.

Конституція Германіи, говорилъ Лассаль, не есть листъ писчей бумаги, не есть только запись основныхъ законовъ. Нѣтъ, конституція Германіи, на самомъ дѣлѣ, есть дѣйствительное *соотношеніе общественныхъ силъ* различныхъ слоевъ германскаго народа. Въ составъ дѣйствительной конституціи Германіи входитъ и дворянство, вліяющее на короля и дворъ. Ея не менѣе существенную часть составляютъ и промышленники и финансисты. Германскіе крестьяне и рабочіе суть тоже части германской конституціи. Всѣ эти классы, взятые въ дѣйствительномъ соотношеніи ихъ силъ, представляютъ собой *общественную основу* германской конституціи, которая есть не что иное, какъ государственный правопорядокъ, обусловленный дѣйствительнымъ соотношеніемъ силъ различныхъ классовъ.

Впрочемъ, еще задолго до Лассаля ту же замѣчательную мысль высказалъ Аристотель. 2.200 лѣтъ тому назадъ Аристотель далъ свое геніальное опредѣленіе конституціи. И можно сказать, что этого опредѣленія еще никто не превзошелъ. Классическое опредѣленіе Аристотеля гласитъ:

«*Политейя*» (т.-е. гражданское или политическое общество, конституціонно-демократическая республика) «*есть организація властей, которыя всѣ (граждане) распредѣляютъ между собой или сообразно силъ*

участвующихъ (во властвованіи), или согласно ихъ общему равенству» [1]).

Проф. Jowett, лучшій англійскій переводчикъ **Политики** Аристотеля, передаетъ это замѣчательное опредѣленіе такъ:

«**Конституція** *есть организація общественныхъ должностей, которыя всѣ граждане распредѣляютъ между собой, согласно общественной силѣ, какою обладаютъ различные общественные классы»* [2]).

Оба опредѣленія конституціи, какъ древнѣйшее классическое опредѣленіе Аристотеля, такъ и опредѣленіе Лассаля, имѣютъ одинъ и тотъ же соціологическій характеръ и совершенно одинаково видятъ сущность конституціи въ строѣ самого общества, въ соотношеніи его классовъ. Оба опредѣленія вытекаютъ изъ пониманія той неразрывной связи, какая существуетъ между гражданственностью и государственностью, между состояніемъ общества и его политическою организаціей, между соотношеніемъ общественныхъ классовъ и различными видами властвованія, между формами классоваго господства и формами правленія.

3. Новѣйшее пониманіе.

Въ новѣйшее время необходимая зависимость и неразрывная связь общественнаго строя и государственнаго устройства выяснялась какъ представителями научнаго соціализма, такъ и представителями политической науки и соціологіи.

Общественно-групповое ученіе о политической жизни и формахъ властвованія, теорія классовой борьбы, какъ причины революціи, смѣны формъ правленія, развитая впервые Аристотелемъ, въ новѣйшее время была обоснована сторонниками экономическаго пониманія исторіи. Постепенно эта общественно-групповая теорія стала всеобщимъ достоя-

---

[1]) Πολιτικον Ζ (Δ) 3:3.

[2]) The Politics of Aristotle tr. by B. Jowett. Oxford 1885 IV. 3:5.

ніемъ историковъ, стремящихся къ научному объясненію политической исторіи различныхъ странъ. Въ настоящее время теорія эта усваивается и юристами, такими, какъ Оріу (Hauriou)[1]) и Дюги (Duguit)[2]) во Франціи. Но особенно интересна обстоятельно развитая, общественно-групповая теорія американскаго соціолога Артура Бентли[3]). Бентли изложилъ свою теорію въ своемъ научномъ изслѣдованіи тѣхъ *общественныхъ давленій*, которыя обусловливаютъ собой ходъ властвованія, процессъ правленія. Онъ показалъ, какъ властвованіе любого правительства по необходимости измѣняется въ зависимости отъ того давленія, которое оказываетъ на правительство та или другая могущественная общественная группа, классъ или даже чисто временная сила массы гражданъ, соединившихся для достиженіи какой-нибудь одной общей цѣли, напр., для борьбы за свободу школы, за свободную торговлю, противъ пьянства и т. д. Бентли указываетъ на то, что власть всегда находится подъ тѣмъ или инымъ общественнымъ давленіемъ классовъ и группъ и служитъ орудіемъ ихъ господства и средствомъ достиженія ихъ цѣлей. Въ подтвержденіе своей теоріи Бентли приводитъ не малое число самыхъ поучительныхъ примѣровъ, которые беретъ и изъ русской жизни, отмѣчая роль всероссійскаго дворянства, сыгранную съ помощью Столыпина.

Впрочемъ, не только соціологи, въ родѣ Бентли, и юристы, въ родѣ Оріу и Дюги, говорятъ о томъ общественномъ давленіи, которое всегда и всюду обусловливаетъ собой дѣятельность правительствъ. Государствовѣды и въ особенности публицисты, въ родѣ Джевсона[4]), давно уже отмѣчаютъ это, описывая внѣпарламентскую дѣятельность различныхъ

---

[1]) Hauriou, Precis de droit public.

[2]) L. Duguit, L'Etat. Paris 1901. Vol. II. 1903.

[3]) Arthur F. Bentley, The Process of Government. A study of social pressures. Chicago 1908.

[4]) Henry Jephson, The Platform. Существуетъ русскій переводъ—Джевсонъ, Платформа, ея возникновеніе и развитіе. 2 т. СПБ. 1901.

партій, отмѣчая политическое значеніе народныхъ собраній, митинговъ, петицій, демонстрацій и проч.

4. Общественное давленіе и русская дѣйствительность.

Современная русская дѣйствительность, какъ и прежняя, можетъ служить поучительнымъ примѣромъ какъ той неразрывной связи, которая существуетъ между государственностью и гражданственностью, такъ и того общественнаго давленія, которое одинаково неизбѣжно обусловливаетъ дѣятельность всякаго правительства.

Мы были очевидцами царскаго самодержавія, ограниченнаго общественнымъ давленіемъ передовыхъ слоевъ русскаго общества въ 1905 году и поддержаннаго противоположнымъ общественнымъ давленіемъ реакціоннаго россійскаго дворянства. Мы были свидѣтелями полнаго крушенія царскаго самодержавія подъ общественнымъ давленіемъ буржуазіи и рабочихъ, послѣ того, какъ царское правительство лишилось даже сочувствія дворянства и увидѣло противъ себя не только возставшихъ рабочихъ, но и штыки своихъ собственныхъ солдатъ. Россійская революція, точнѣе сверженіе царизма, была совершена объединеніемъ всѣхъ живыхъ общественныхъ силъ городского общества: революціонной интеллигенціи, рабочихъ и солдатъ, цензовой Государственной Думы и буржуазіи, средней, мелкой и даже крупной.

Мы видѣли Временное революціонное Правительство, созданное Временнымъ Комитетомъ цензовой Государственной Думы по соглашенію съ олигархическимъ Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Мы живо чувствовали то общественно-групповое давленіе, какое оказывалъ этотъ Совѣтъ на всю правительственную дѣятельность. Потомъ мы были свидѣтелями революціоннаго правленія, совершавшагося подъ давленіемъ самыхъ различныхъ общественныхъ группъ, изъ которыхъ каждая всѣми силами старалась захватить власть въ свои руки и заставить правительство дѣйствовать по своему желанію. Не разъ мы наблюдали переломъ или кризисъ власти, коренную перемѣну въ составѣ и

дѣятельности правительства, подъ давленіемъ той или иной общественной группы, усилившейся благодаря ея возросшему вліянію на массы городского населенія, окружающаго правительство, а также и благодаря ея усилившемуся вліянію въ странѣ и въ общественныхъ организаціяхъ. Мы видѣли, какъ измѣняется составъ не только Временнаго Правительства, но и учрежденій мѣстнаго самоуправленія, подъ давленіемъ различныхъ партій, смотря по тому, которая изъ нихъ пользуется особеннымъ сочувствіемъ массъ населенія, недостаточно сознательныхъ для того, чтобы ихъ сочувствіе было болѣе основательнымъ и длительнымъ. Непостоянство въ этомъ отношеніи неизбѣжно колеблетъ власть въ самой ея основѣ, лишаетъ ее силы, увѣренности въ общественной поддержкѣ, въ своемъ завтрашнемъ днѣ, ведетъ къ безвластію. Это ли не доказательство того подавляющаго дѣйствія, которое оказываетъ общественное давленіе на правительство? Вся дѣятельность нашего Временнаго Правительства, весь ходъ настоящаго правленія въ Россіи есть самая наглядная картина правленія, обусловленнаго измѣняющимся общественнымъ давленіемъ.

5. Русско-нѣмецкое противопоставленіе государства обществу.

Послѣ всего сказаннаго покажется, конечно, страннымъ, какъ можно противопоставлять государство обществу, какъ это дѣлаютъ многіе нѣмецкіе писатели, ученые и государственные дѣятели, а вслѣдъ за нѣмецкими и русскіе, воспитанные нѣмецкою государственною наукой. Эта нѣмецкая государственная наука, есть, конечно, неизбѣжный плодъ еще нераскрѣпостившагося народа и господствующаго монархическаго государства. Господствующая школа нѣмецкаго государственнаго права создалась въ душной атмосферѣ императорскаго и королевскаго правительства, готоваго видѣть въ нѣмецкомъ обществѣ своего врага и потому столь же естественно противополагающаго себя ему, какъ и прежнее царское русское правительство. Самодержавное правительство и самоуправляющееся политическое общество, конечно, суть вещи дѣйствительно противоположныя. И, если подъ государствомъ понимать пра-

вительство, какъ понимаютъ это нѣмецкіе Бисмарки и русскіе Столыпины, то, разумѣется, придется противополагать и государство обществу. Но вѣдь надо же понимать, что такое представляютъ собой сами эти Столыпины и Бисмарки, называющіе себя не слугами народа, и даже не слугами представителей народа, а слугами его Величества. Государство, понимаемое съ точки зрѣнія королевской или царской дворни, конечно, ограничивается слугами монарха, опричиной, администраціей, полиціей и бюрократіей. Не даромъ сами нѣмцы называли свое государство полицейскимъ и бюрократическимъ. Но развѣ объ этомъ государствѣ приходится намъ говорить, когда идетъ рѣчь о государствѣ, какъ о государственной или политической организаціи гражданскаго общества, и о его конституціи?

Конечно, государство, какъ въ обычномъ, житейскомъ, такъ и въ научномъ смыслѣ слова, можно сказать, рѣшительно не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ, утвердившимся въ нѣмецкой государственной схоластикѣ, обслуживающей германское правительство и существующей съ цѣлью оправданія монархическихъ началъ и подавленія германскаго народа монархическою властью.

Къ нашему несчастью, наши русскіе государствовѣды и представители государственнаго права учились въ схоластической нѣмецкой школѣ и изъ нея перенесли противопоставленіе государства обществу и въ русскую науку. Несчастная судьба Россіи: имѣть ближайшими сосѣдями нераскрѣпостившуюся Пруссію, монархическую Германію, представляющуюся русскому интеллигенту вѣнцомъ и совершенствомъ человѣческой культуры. Впрочемъ, нѣмцы, хотя они и остаются до сихъ поръ двойными вѣрноподданными, не только германскаго императора, но и различныхъ прусскихъ, саксонскихъ и прочихъ королей, разумѣется, не виноваты въ нашемъ духовномъ рабствѣ.

Конечно, главная причина нашихъ крѣпостническихъ понятій—наше собственное политическое неразвитіе, недостаточность самостоятельнаго и свободнаго политическаго мышленія. Неспособные выработать самостоятельно нужныя намъ политическія понятія, мы стремимся получить у своихъ ближайшихъ сосѣдей и въ этомъ отношеніи становимся въ зависимость отъ

нихъ. Не умѣя удовлетворить самостоятельно свою умственную потребность въ нужныхъ намъ государственно-правовыхъ понятіяхъ, мы ихъ заимствуемъ у нѣмцевъ и такимъ образомъ неизбѣжно попадаемъ въ умственное рабство. Ибо къ этому ведетъ всякая зависимость въ области удовлетворенія умственныхъ потребностей.

Но, будь нашими непосредственными сосѣдями не нѣмцы, а политически болѣе развитые народы (французы, англичане или американцы), мы, даже и не освободившись отъ нашего умственнаго рабства, не стояли бы такъ низко по господствующимъ у насъ общественнымъ и политическимъ понятіямъ, какъ сейчасъ, когда мы еще продолжаемъ видѣть свѣтъ только изъ нѣмецкаго окна, даже и закрытаго войной. Будь на мѣстѣ нѣмцевъ англичане или американцы, мы не противопоставляли бы государство обществу, какъ это дѣлаютъ нѣмецкіе ученые, воспитанные въ чувствахъ и понятіяхъ подданства, а не свободнаго гражданства. Общественной и политической мысли англо-американцевъ это противопоставленіе государства и общества совершенно чуждо. Государство въ глазахъ американскихъ и англійскихъ гражданъ и политическихъ мыслителей есть политическое общество или политическая община (political community) согражданъ. Дѣло въ томъ, что политическія понятія англо-американцевъ сложились подъ вліяніемъ свободной политической жизни, подъ вліяніемъ того политическаго общенія согражданъ, которое дѣлаетъ ихъ непосредственными участниками верховной власти, организуемой различными политическими партіями.

И, если мы остаемся до сихъ поръ въ значительной степени чужды развитымъ политическимъ понятіямъ, то это, конечно, только потому, что у насъ еще не развита гражданственность, не развито само государство, какъ политическое общество. Но даже и наше политическое неразвитіе можетъ служить лишь новымъ доказательствомъ той неразрывной связи, которая существуетъ между обществомъ и государствомъ, между формами правленія и гражданственностью.

ЧАСТЬ II.

Политическое общество и законъ классовой борьбы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Гражданственность и классовая борьба.

I. Гражданственность и республиканизмъ общественнаго класса.

Естественное стремленіе къ свободѣ, къ самоуправленію и къ самоопредѣленію свойственно не только сознательному человѣку, отдѣльной личности. Оно свойственно и цѣлой совокупности, связанныхъ другъ съ другомъ, личностей. Оно свойственно и политическому обществу, каждому сознательному народу. Иначе бы мы не говорили объ общественномъ самосознаніи и самоуправленіи, о самоопредѣленіи и самоуправленіи народовъ. Но подобное же стремленіе свойственно и каждой самостоятельной общественной единицѣ, группѣ, классу.

Каждый общественный классъ, каждая общественная группа естественно стремится къ самосохраненію и къ обезпеченію своихъ выгодъ — интересовъ — своими собственными силами, всѣми средствами, какія только она имѣетъ. Съ этой цѣлью каждый классъ стремится захватить въ свои руки и общественную власть. И на политическія учрежденія онъ смотритъ, какъ на орудія классоваго господства, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ различныя политическія учрежденія различнымъ образомъ.

Стремясь къ тому, чтобы захватить политическія учрежденія и верховную власть въ собственныя руки, каждый об-

щественный классъ естественно является республиканцемъ по своимъ политическимъ стремленіямъ. Это можно сказать съ одинаковымъ правомъ про каждый сознательный и организованный классъ,—все равно, будь это классъ землевладѣльческій, промышленный, капиталистическій или рабочій, безразлично. Доказательствомъ можетъ служить существованіе республикъ, которыя бываютъ и аристократическими, и плутократическими, и демократическими. Республика можетъ быть политическимъ самоуправленіемъ не всего народа, а лишь нѣкоторой его части, нѣсколькихъ или даже какого-нибудь одного господствующаго класса. Примѣры многочисленны. Ихъ даетъ исторія всѣхъ временъ и странъ. Намъ хорошо извѣстны аристократическія, и плутократическія, и демократическія республики Аѳинъ, Спарты, Рима и другія республики классическаго міра. Намъ извѣстны также й сословныя, и классовыя республики и средневѣковья, и эпохи Возрожденія, и болѣе новаго времени. Наконецъ, мы сами видимъ существованіе республикъ представительныхъ, крупнобуржуазныхъ, капиталистическихъ, и республикъ мелкобуржуазныхъ, демократическихъ.

Было бы большой ошибкой считать какой бы то ни было общественный классъ противореспубликанскимъ по самой его природѣ. Это значило бы считать общественный классъ противообщественнымъ. Это значило бы не понимать самой сущности общественнаго класса, какъ извѣстной совокупности гражданъ, естественно стремящихся къ сообществу, къ общественной самозащитѣ, къ самоуправленію, къ своему классовому господству въ обществѣ, къ республиканизму, хотя и ограниченному общественными и политическими выгодами даннаго класса.

2. Политическія учрежденія, какъ орудія классоваго господства.

Многолюдныя народныя собранія и голосованія, немнолюдныя собранія и совѣщанія старѣйшихъ, лучшихъ, наслѣдственныхъ или избранныхъ, и единоличный вождь—вотъ три

основныя политическія учрежденія, которыя, въ различномъ видѣ, мы находимъ у всѣхъ народовъ, на всемъ протяженіи общественнаго и политическаго развитія человѣчества.

Соотвѣтственно опредѣленной ступени политическаго развитія общества вождь принимаетъ видъ избираемаго или наслѣдственнаго князя, короля, ограниченнаго или неограниченнаго монарха, императора, или избираемаго главы государства, президента республики, или главы правительства, предсѣдателя совѣта министровъ и проч.

Собраніе старѣйшихъ, лучшихъ и избранныхъ мы видимъ и въ формѣ аристократическаго совѣта старѣйшинъ, древняго ареопага, сената, средневѣковаго уитаногемота, собранія наслѣдственныхъ господъ, лордовъ. Мы можемъ видѣть это же собраніе избранныхъ и въ собраніи представителей сословій, въ сословномъ англійскомъ парламентѣ, французскихъ генеральныхъ штатахъ, испанскихъ кортесахъ, русскихъ земскихъ соборахъ и новѣйшихъ олигархическихъ, плутократическихъ парламентахъ, самодержавныхъ или ограниченныхъ народомъ.

Народное собраніе и голосованіе можетъ имѣть видъ вѣча, собравшагося народа, общаго схода главъ семей и домохозяевъ. Оно можетъ быть народнымъ собраніемъ горожанъ, сообща рѣшающихъ свои дѣла на городской площади. Таковы старыя формы народныхъ голосованій. Новыя — совсѣмъ иныя. Онѣ даже не требуютъ собранія голосующихъ въ одно мѣсто. Въ наши дни для рѣшенія политическихъ дѣлъ непосредственно народомъ, самими гражданами, вовсе и не требуется собранія ихъ въ одно мѣсто. Дѣло рѣшается не собраніемъ гражданъ, а собраніемъ голосовъ, письменныхъ рѣшеній гражданъ, подающихъ свои голосовочныя записки съ отвѣтами на вопросы, предлагаемые правительствомъ.

Таковы основныя политическія учрежденія, которыя существуютъ на всемъ протяженіи исторіи у всѣхъ народовъ, но развиваются далеко не одинаково, а, обыкновенно, на счетъ другъ друга. Такъ что иногда мы видимъ хорошо лишь одно или два изъ нихъ, а третье скрыто, или временно не существуетъ даже вовсе. Такъ, мы нерѣдко видимъ самодержавную

монархію безъ признака существованія народнаго собранія или народнаго голосованія, съ совѣтомъ, влачащимъ самое жалкое существованіе, или, наоборотъ, видимъ совѣтъ, представительное собраніе или парламентъ, господствующій надъ государемъ и народомъ. Или, наконецъ, мы видимъ на первомъ планѣ самъ народъ, законодательствующій какъ непосредственно, такъ и съ помощью парламента. При этомъ можетъ не существовать и никакого главы демократической республики.

Различное развитіе этихъ основныхъ политическихъ учрежденій цѣликомъ зависитъ отъ соотношенія классовъ, смотрящихъ на политическія учрежденія, какъ на орудія своего властвованія и организаціи государства. Такъ, олигархическій совѣтъ, парламентъ, оказывается такимъ же естественнымъ орудіемъ господства въ рукахъ аристократіи и буржуазіи, какимъ бываетъ народное собраніе или голосованіе для господства народнаго большинства согражданъ. Единоличная власть главы республики и правительства, а иногда и самъ монархъ, тоже бываютъ орудіями классоваго господства, какъ и личнаго господства, надъ обезсиленными классами.

Каждый классъ, достаточно сильный для того, чтобы достичь господства въ обществѣ и захватить верховную общественную власть въ свои собственныя руки, конечно, организуетъ свою республику, соотвѣтственно своимъ классовымъ желаніямъ и интересамъ. Такая республика, конечно, будетъ носить опредѣленный классовый характеръ.

Если верховную власть въ странѣ захватитъ немногочисленная аристократія или плутократія, крупные собственники, землевладѣльцы или капиталовладѣльцы, то республика неизбѣжно будетъ совѣтскою или парламентскою олигархіей, самодержавіемъ верховнаго государственнаго совѣта или парламента.

Если же многочисленный и сознательный мелкобуржувзный или рабочій классъ, или политически развитое крестьянство окажется способнымъ захватить власть въ свои руки, то республика, организованная этими многолюдными общественными классами, если они дѣйствительно политически сознательны

и организованы, столь же естественно будетъ носить демократическій характеръ народнаго правленія съ помощью державнаго народнаго собранія или всенародныхъ голосованій (плебисцита, референдума и проч.).

Политическія учрежденія (какъ совѣтъ, парламентъ, такъ и народное собраніе, всенародное голосованіе) въ обоихъ случаяхъ, какъ это обыкновенно бываетъ, будутъ орудіями политическаго господства того или иного класса. Не даромъ же парламенты и совѣты считаются такими же излюбленными средствами господства немногочисленныхъ олигархическихъ классовъ, а народныя собранія и голосованія, плебисциты и референдумы—такими же излюбленными средствами господства демократическихъ народныхъ массъ.

Но, если это такъ, если всякій общественный классъ, будь онъ аристократическій или плутократическій, землевладѣльческій или торгово-промышленный, крупно-буржуазный или мелко-буржуазный, крестьянскій или рабочій, безразлично, есть классъ *общественный* по всей природѣ и *республиканскій* по своимъ политическимъ стремленіямъ, если это такъ, то невольно самъ собой напрашивается вопросъ: если это такъ, то какимъ образомъ возможны единоличные захваты политической власти всякими политическими самозванцами, какъ могутъ существовать тиранніи и монархіи?

Правильный и ясный отвѣтъ на этотъ политическій вопросъ можетъ дать лишь внимательное изученіе той борьбы классовъ, которая считается главнымъ содержаніемъ политической исторіи. Отвѣтъ можетъ быть данъ лишь выясненіемъ того значенія, какое получаетъ классовая борьба при извѣстныхъ обстоятельствахъ и политическихъ условіяхъ. Эти условія въ однихъ случаяхъ дѣлаютъ классовую борьбу очень плодотворной для демократизаціи республики и достиженія полнаго политическаго равноправія, въ другихъ же случаяхъ дѣлаютъ не только безплодной, но и гибельной для самаго существованія любого политическаго общества, любой классовой и даже демократической республики. Все зависитъ отъ того, что представляютъ собою борющіеся классы, и ка-

кова ихъ общественная сила. Возможно ли между ними какое-нибудь политическое соглашеніе? А если такое соглашеніе невозможно, то имѣется ли среди борющихся классовъ такой, который достаточно силенъ, чтобы захватить всю политическую власть въ собственныя руки.

Надо обратиться къ исторіи гражданственности и борьбы общественныхъ классовъ въ самыхъ различныхъ странахъ для того, чтобы должнымъ образомъ выяснить этотъ вопросъ. Онъ былъ поставленъ вполнѣ опредѣленно и даже вполнѣ правильно рѣшенъ для классическаго міра еще Аристотелемъ, который, на основаніи обстоятельнаго изученія политической исторіи 157 извѣстныхъ ему народовъ, обществъ и государствъ, вывелъ въ своей «Политикѣ», соціологическій законъ возникновенія, существованія и *смѣны различныхъ политическихъ формъ и системъ властвованія въ зависимости отъ измѣненія соотношенія классовъ и различныхъ условій классовой борьбы.*

3. Гражданственность и классовая борьба въ Аѳинахъ.

Въ своей «Аѳинской Политейѣ», или конституціонной исторіи Аѳинъ, Аристотель выясняетъ значеніе классовой борьбы въ Аѳинахъ, со всѣми ея послѣдствіями для политическаго общества.

На первыхъ страницахъ этой исторіи передъ нами раскрывается картина древнихъ, еще аристократическихъ, Аѳинъ. Обезземеленный народъ закрѣпощенъ знатными и богатыми землевладѣльцами. За шестую часть жатвы земледѣльцы обрабатываютъ поля господствующихъ землевладѣльцевъ, почему и называются гектоморами или шестерниками. Страною правитъ землевладѣльческій совѣтъ, собраніе благородныхъ, главъ или представителей аристократическихъ родовъ. Ихъ классовое господство въ Аѳинской республикѣ продолжается до тѣхъ поръ, пока не развивается гражданственность ремесленниковъ и купцовъ, стремящихся къ освобожденію отъ аристократическаго гнета и къ захвату власти въ собственныя руки. Въ своемъ стремленіи къ буржуазному республиканизму

городскія сословія естественно наталкиваются на рѣшительное сопротивленіе господствующаго землевладѣльческаго класса знати и вступаютъ съ нимъ въ смертельную борьбу. Съ этой цѣлью различные общественные классы горожанъ, купцовъ и ремесленниковъ, а также и крестьяне, входятъ въ соглашеніе другъ съ другомъ и, объединившись подъ предводительствомъ купца Солона, въ 594 году до начала нашего лѣтосчисленія совершаютъ въ Аѳинахъ революцію.

Но соглашеніе классовъ, создавшееся лишь съ единственною цѣлью освобожденія себя отъ господства землевладѣльческой аристократіи, существуетъ, пока не сломленъ общій врагъ. Какъ только правящее собраніе знати, Совѣтъ Четырехсотъ благородныхъ эвпатридовъ, былъ низвергнутъ, верховная власть перешла въ руки представительнаго собранія тѣхъ общественныхъ классовъ, между которыми были распредѣлены всѣ общественныя должности, правительственныя и судебныя. Но дѣлежъ общественной власти между различными общественными классами купцовъ, ремесленниковъ и крестьянъ привелъ къ тому, что ихъ временное соглашеніе смѣнилось ихъ междоусобною борьбой, которая дошла до того, что самъ вождь народа и руководитель революціи, Солонъ, былъ принужденъ удалиться изъ Аѳинъ, бѣжа отъ народнаго недовольства его преобразованіями.

Четыре общественныхъ класса, организованныхъ Солономъ (богатый классъ крупныхъ собственниковъ-пентакосіомедимновъ, менѣе богатый, но знатный классъ благородныхъ всадниковъ, составляющихъ аѳинскую конницу, классъ зевгитовъ, людей средняго достатка, наполнявшихъ ряды хорошо вооруженной пѣхоты [тяжеловооруженные гоплиты, составлявшіе ея основную силу], и, наконецъ, классъ земледѣльцевъ-ѳетовъ, классъ недостаточныхъ, бѣдныхъ гражданъ, ежегодный доходъ которыхъ не достигаетъ стоимости 100 четвериковъ ячменя), пользовались весьма различнымъ положеніемъ въ Аѳинской республикѣ и поэтому вели ожесточенную борьбу другъ съ другомъ за свои права. Почти безправная, но многочисленная городская бѣднота возставала противъ плутократіи, за-

нявшей въ преобразованной Солономъ Аѳинской республикѣ мѣсто прежней аристократіи. Низверженная аристократія готова была войти даже въ соглашеніе съ народомъ для пораженія плутократіи. Народъ, т.-е. бѣднѣйшіе классы населенія, ремесленники и крестьяне, готовъ былъ идти за всякимъ, кто обѣщалъ ему избавленіе отъ власти господствующихъ классовъ. Ожесточенная междоусобная борьба классовъ, стремившихся всячески обезсилить другъ друга, обезсиливала все общество, лишала общественныхъ силъ Аѳинскую республику.

Такъ какъ въ это время соглашеніе между борющимися классами было совершенно невозможно и такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одинъ изъ борющихся классовъ не могъ одержать рѣшительной побѣды надъ всѣми остальными, то эта классовая борьба временно была не только безысходна и безплодна для каждаго изъ борющихся классовъ, но и гибельна для всего народа, для политической свободы и существованія республики. При такихъ условіяхъ эта гражданская борьба могла быть полезна, могла быть на руку только политическимъ честолюбцамъ, самозванцамъ, разлпчнымъ политическимъ проходимцамъ, которые готовы воспользоваться всѣмъ, чѣмъ только можно, для того, чтобы захватить расшатанную общественную власть въ собственныя руки, для своихъ противообщественныхъ личныхъ цѣлей. Сдѣлать это бываетъ въ особенности легко для тѣхъ льстецовъ и обманщиковъ народа, которые умѣютъ заручиться сочувствіемъ и поддержкою легко обманываемыхъ невѣжественныхъ массъ, готовыхъ идти за каждымъ, кто обѣщаетъ темнымъ и голоднымъ бѣднякамъ медовыя рѣки въ кисельныхъ берегахъ.

Въ Аѳинахъ такимъ льстецомъ и обманщикомъ народа оказался честолюбивый Писистратъ, вышедшій изъ рядовъ недовольной аѳинской знати. Съ помощью вооруженной силы своихъ друзей Писистратъ два раза захватывалъ власть въ Аѳинахъ, утверждая свое личное господство, тиранію надъ всѣми, взаимно обезсиленными классами.

Послѣ перваго захвата власти Писистратомъ противъ него составился республиканскій заговоръ и общими усиліями наи-

болѣе свободолюбивыхъ гражданъ Писистратъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ. Но, умѣло дѣйствуя по правилу тирановъ— «раздѣляй и властвуй», Писистратъ сумѣлъ разрушить соглашеніе республиканцевъ и захватить, обезсиленную борьбою, власть снова въ свои руки. Умѣло пользуясь раздѣленіемъ и враждою классовъ, Писистратъ не только могъ удержать верховную власть въ Аѳинахъ въ своихъ рукахъ до самой своей смерти, но и передать, захваченную имъ, власть своимъ сыновьямъ. Такъ, на почвѣ безысходной борьбы классовъ и обезсиленія общества, доведеннаго до безвластія, водворилась въ Аѳинахъ тиранія, самовластіе политическаго самозванца, льстеца и обманщика народа.

Держащееся вооруженной силой и обманомъ обольщенныхъ, невѣжественныхъ и недовольныхъ народныхъ массъ, самовластіе Писистратидовъ могло, конечно, продолжаться до тѣхъ поръ, пока длился этотъ обманъ народа. При первомъ же неумѣломъ шагѣ тирановъ, захватившихъ власть въ государствѣ не для народной пользы, а для своей личной выгоды, обманъ неизбѣжно долженъ былъ обнаружиться. И, когда Писистратиды, упоенные захваченною властью, превратили ее въ открытое и совершенно беззастѣнчивое самовластье, когда они перестали воздерживаться отъ насилій и начали распоряжаться жизнью своихъ согражданъ, какъ своимъ достояніемъ, то и темная, невѣжественная и обольщенная тиранами городская бѣднота, наконецъ, прозрѣла. Руководимый сознательными гражданами, аѳинскій народъ возсталъ противъ тирановъ. И даже съ помощью иноземной арміи имъ не удалось вернуть утерянную власть. Общественные классы, приведенные горькимъ политическимъ опытомъ гибельной междоусобной борьбы къ соглашенію другъ съ другомъ, оказались достаточно сильными не только для того, чтобы защитить свою республику отъ новыхъ покушеній со стороны различныхъ политическихъ проходимцевъ, поддерживаемыхъ внѣшними врагами, но и организовать свою собственную власть, способную осуществить народныя права и преобразованія, необходимыя для большинства аѳинскаго народа.

При Клисѳенѣ аѳинская демократія добилась полнаго преобразованія республики, превращенія ея въ настоящее народоправство. Прежнее мѣстное самоуправленіе, сохранявшее аристократическій характеръ, было преобразовано на демократическихъ началахъ. Верховный Совѣтъ былъ составленъ изъ 500 человѣкъ, избираемыхъ десятью мѣстными округами—филами, по 50 представителей отъ каждой. Этотъ верховный Совѣтъ имѣлъ для аѳинскихъ гражданъ значеніе парламента. Но онъ не обладалъ неограниченною властью. Верховная власть считалась принадлежащей непосредственно самому народу, всѣмъ гражданамъ, въ ихъ державной совокупности, точнѣе, большинству державнаго народнаго собранія. Совѣтъ республики, избираемый народомъ, вѣдалъ управленіе и долженъ былъ подготавливать рѣшенія различныхъ политическихъ вопросовъ, предлагаемыхъ гражданамъ на Народномъ Собраніи на утвержденіе самого народа.

Такимъ образомъ, классовая борьба въ Аѳинахъ, бывшая одно время совершенно безысходной, безплодной для народа и гибельною для республики, въ концѣ концовъ оказалась очень плодотворной, какъ борьба за гражданское и политическое равноправіе. Оно было достигнуто тогда, когда въ рукахъ аѳинской демократіи оказались достаточныя денежныя средства, чтобы вознаграждать гражданъ за ихъ занятіе политическими дѣлами. Тогда народное собраніе на самомъ дѣлѣ стало совластіемъ всѣхъ гражданъ, которые взяли въ собственныя руки всю верховную власть въ Аѳинскомъ народномъ государствѣ. Тогда въ Аѳинахъ водворилась демократическая республика. А это отразилось соотвѣтствующимъ образомъ и на политическихъ понятіяхъ. Свидѣтельствомъ можетъ служить вся общественная и политическая греческая литература, и Ѳукидидъ, и Платонъ, и Аристотель, и многіе другіе аѳинскіе мыслители и писатели того времени. Рѣчь Перикла объ аѳинской демократіи, переданная Ѳукидидомъ, была уже приведена. Аристотель же передаетъ аѳинскія демократическія понятія этого времени въ слѣдующихъ словахъ:

«Народное собраніе должно имѣть верховную власть во

всѣхъ дѣлахъ, а исполнительная власть не должна имѣть верховныхъ полномочій ни въ чемъ или, по крайней мѣрѣ, въ весьма немногихъ вопросахъ. Изъ всѣхъ политическихъ учрежденій выборный совѣтъ есть наиболѣе демократическое, въ томъ случаѣ, когда у народа нѣтъ средствъ оплачивать политическую дѣятельность всѣхъ гражданъ. Но если имѣются средства для вознагражденія всѣхъ гражданъ, тогда даже и совѣтъ лишается власти, такъ какъ въ этомъ случаѣ народъ рѣшаетъ всѣ дѣла самъ»[1]).

Исополитейя, политическое равноправіе и равное совластіе всѣхъ гражданъ, правда, было осуществлено аѳинской демократіей съ денежною помощью эксплоатируемыхъ союзниковъ. Кромѣ этихъ средствъ и тѣхъ, которыя давало рабство, другихъ средствъ не было для обезпеченія всѣмъ гражданамъ возможности равнаго непосредственнаго участія въ политическихъ дѣлахъ. Тотъ рабъ желѣзный, который по геніальной мысли Аристотеля долженъ былъ смѣнить собою человѣческаго раба, еще не былъ изобрѣтенъ, хотя пониманіе значенія машинизма для осуществленія соціализма и было предвосхищено еще въ глубокой древности. И потому, были необходимы другія средства для осуществленія равнаго совластія согражданъ, добившихся упорною борьбою полнаго осуществленія народныхъ правъ.

Въ древнемъ Римѣ политическое дѣло не дошло до этого. Но и въ Римѣ политическое значеніе классовой борьбы, какъ положительная, такъ и отрицательная сторона ея, выразилось достаточно ясно и наглядно.

4. Гражданственность и классовая борьба въ Римѣ.

Римская республика, несмотря на все свое величіе, не могла достичь высоты политическаго развитія Аѳинъ, служившихъ и для Рима непосягаемымъ примѣромъ классической гражданственности и народоправства. Римъ былъ ученикомъ Эллады. Но римская гражданственность никогда не могла

---

[1]) Πολιτικων Η (Ζ) 2:8—9.

равняться съ гражданственностью демократическихъ Аѳинъ, съ совластіемъ аѳинскихъ гражданъ.

Политическое развитіе Рима не пошло далѣе политическаго совластія земельной и городской аристократіи и крестьянства. Оно опредѣленно ярко выразилось окончательно въ знаменательныхъ словахъ — Senatus Populusque Romanus («Сенатъ и Римскій народъ»), которыя въ сокращенномъ видѣ—S. P. Q. R.—писались на всѣхъ знаменахъ римскихъ легіоновъ. Слова эти говорили объ извѣстномъ двоевластіи и распаденіи римскаго гражданскаго общества на двѣ части: на немногочисленный олигархическій классъ богатыхъ и знатныхъ римлянъ, дававшихъ изъ своей среды владѣтельныхъ сенаторовъ, и на народныя массы крестьянъ и горожанъ. Первые сдѣлали политическимъ орудіемъ своего господства римскій сенатъ, состоявшій изъ патриціевъ или главъ благородныхъ римскихъ фамилій, старѣйшинъ знатныхъ родовъ. Вторые естественно воспользовались для защиты своихъ народныхъ правъ народными собраніями и голосованіями, плебейскими комиціями и плебисцитами.

Вся исторія римскаго народа, начиная съ изгнанія царей и кончая появленіемъ императоровъ и гибелью республики, наполнена классовой борьбой аристократіи патриціевъ съ демократіей плебеевъ. Эта классовая борьба очень поучительна. Она раскрываетъ передъ нами всѣ свои, какъ положительныя, такъ и отрицательныя, стороны.

Послѣ изгнанія царей верховная власть въ Римѣ, какъ и въ Аѳинахъ, перешла въ руки господствовавшей земельной аристократіи. Доведенные притѣсненіями патриціевъ до отчаянія, до мысли о выселеніи, плебеи возстали и, удалившись на Священную Гору, рѣшили основать свою особую народную республику. Передъ этою опасностью патриціи смутились. Не будучи уже въ силахъ господствовать надъ возставшимъ народомъ по прежнему, патриціи рѣшили уступить плебеямъ частицу своихъ правъ и войти съ ними въ политическое соглашеніе. Патриціи предоставили плебеямъ свою собствен-

ную политическую организацію подъ управленіемъ избираемыхъ плебеями должностныхъ лицъ, трибуновъ и эдиловъ.

Это политическое соглашеніе двухъ борющихся общественныхъ классовъ римскаго народа было единственнымъ возможнымъ положительнымъ выходомъ изъ классовой борьбы, которая, продолжаясь по прежнему, могла лишь привести къ гибели обоихъ классовъ, а слѣдовательно, и къ гибели республики.

Дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ борющихся классовъ въ данномъ случаѣ не былъ достаточно силенъ, чтобы окончательно сломить сопротивленіе другого и обезпечить собственными силами свое безраздѣльное господство въ государствѣ. Вотъ почему, не желая гибели своей республики, патриціи и плебеи пришли къ тому необходимому политическому соглашенію другъ съ другомъ, которое легло въ основу римской республики. Это соглашеніе дѣлаетъ понятнымъ и символическое соединеніе двухъ словъ «сенатъ» и «народъ» съ помощью союза que. Символическая надпись на римскихъ знаменахъ выражала самую сущность конституціи римской республики. Римская исторія показала, что до тѣхъ поръ, пока соглашеніе римской аристократіи съ римской демократіей было возможно и имѣло силу, могла существовать и римская республика, не опасаясь гибельныхъ послѣдствій классовой борьбы и гражданскихъ войнъ.

Классовая борьба плебеевъ съ патриціями велась за политическое равноправіе. Въ серединѣ четвертаго столѣтія до нашего лѣтосчисленія римскіе плебеи добились такихъ политическихъ правъ, которыя открыли имъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Патриціи считали необходимымъ уступать, входить въ соглашеніе съ плебеями. И это соглашеніе было въ 366 году ознаменовано основаніемъ особаго храма «*Согласія*».

Пока это *согласіе* существовало въ Римѣ, имъ держалась и римская республика. Но дѣло совершенно измѣнилось, когда измѣнились не только условія дальнѣйшей классовой борьбы, но и сами борющіеся классы. Это случилось послѣ

тѣхъ почти безпрерывныхъ войнъ, которыя вела римская республика со всѣми окружавшими ее народами. Войны эти обогатили нѣкоторыхъ римскихъ гражданъ и разорили римское крестьянство. Особенно быстро происходило при этомъ обогащеніе тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя посылались римскимъ сенатомъ, въ качествѣ намѣстниковъ, для управленія завоеванными землями и собиранія налоговъ съ ихъ населенія.

Войны способствовали одновременно и развитію крупнаго землевладѣнія, и разоренію малоземельнаго крестьянства. Онѣ способствовали одновременно развитію рабства и рабовладѣльческаго крупнаго хозяйства, онѣ превращали самостоятельныхъ крестьянъ въ солдатъ, живущихъ жалованьемъ и военною добычей.

Послѣ пуническихъ войнъ и разрушенія Карѳагена мѣсто прежнихъ патриціевъ въ Римѣ заняли новые крупные земельные собственники, рабовладѣльцы. Мѣсто самостоятельныхъ крестьянъ занялъ неимущій, обездоленный классъ пролетаріевъ или «производителей дѣтей», какъ понималось первоначально въ Римѣ слово «пролетарій». Кромѣ того, создался многочисленный классъ рабовъ. Онъ не только наполнялъ дома богатыхъ римскихъ гражданъ, всадниковъ, но и обрабатывалъ ихъ земли. Онъ пополнялъ порѣдѣвшіе ряды ремесленниковъ и даже служилъ потѣхой римской черни въ циркахъ; одинаково жадные до кровавыхъ зрѣлищъ богатые оптиматы и неимущіе пролетаріи упивались кровью убивающихъ другъ друга гладіаторовъ.

Какое-нибудь общественное соглашеніе между этими классами, конечно, было невозможно. Рабы считались рабочими орудіями, а не свободными людьми и гражданами. Они находились на положеніи машинъ. О какомъ бы то ни было соглашеніи съ ними нельзя было и говорить въ рабовладѣльческомъ римскомъ обществѣ. Всѣ возстанія рабовъ подавлялись въ ихъ крови. Пролетаріи были гражданами, павшими до того, что вмѣсто участія въ верховной власти удовлетворялись хлѣбомъ и зрѣлищами. Ихъ легко можно было

подкупить. Никакое соглашеніе съ ними не было надежно Разоренное и почти исчезшее крестьянство могло быть удовлетворено только передачею земель господствующаго класса въ руки народа. Но на это никогда не смогли бы согласиться римскіе оптиматы, владѣльцы латифундій, погубившіе всю Италію. Съ другой стороны, даже и немногочисленный господствующій плутократическій классъ оптиматовъ не былъ достаточно силенъ, чтобы господствовать безраздѣльно надъ всѣми другими классами. Поэтому борьба за власть, которая велась въ Римѣ въ послѣднее время существованія республики, была безплодна для борющихся классовъ, гибельна для народа и существованія республики. Она была на руку лишь всякимъ политическимъ проходимцамъ, которые въ Римѣ, какъ и всюду, стремились воспользоваться классовой враждою для утвержденія собственнаго господства и удовлетворенія своихъ собственныхъ желаній, вожделѣній и своекорыстныхъ интересовъ. Римская исторія показала это достаточно наглядно и убѣдительно въ цѣломъ рядѣ потрясающихъ политическихъ уроковъ. Кто не давалъ ихъ римскому народу, начиная съ истинныхъ друзей его, благородныхъ братьевъ Гракховъ, свободолюбиваго гладіатора Спартака, выдающагося вождя возставшихъ рабовъ, и кончая честнымъ полководцемъ Маріемъ, кровожаднымъ временщикомъ Суллою, сомнительнымъ республиканскимъ заговорщикомъ Катилиною, близкимъ Цезарю, Помпеемъ и, наконецъ, самимъ Цезаремъ? Самые различные политическіе дѣятели, дѣйствовавшіе или въ интересахъ различныхъ классовъ и партій, или исключительно въ своихъ собственныхъ интересахъ, стремились къ захвату верховной власти.

Классовая борьба, не нашедшая своего естественнаго исхода ни въ рѣшительной побѣдѣ одного класса надъ другими, ни въ соглашеніи борющихся классовъ, только обезсиливала республику и дѣлала распатанную и обезсиленную гражданской борьбою общественную власть легкою добычею обманщиковъ народа. Такимъ обманщикомъ народа былъ и Юлій Цезарь, начавшій свою политическую дѣятельность съ участія

въ заговорѣ Катилины, а кончившій установленіемъ власти императора. Цезарь, хотя онъ и отвергъ предложенную ему императорскую корону, на самомъ дѣлѣ былъ настоящимъ императоромъ. Правда, онъ былъ убитъ вождемъ республиканцевъ Брутомъ. Но смерть Цезаря не спасла республики отъ цезаризма Она лишь привела къ возобновленію гражданской войны и къ новой смутѣ. Боролись партіи сенатора Антонія, племянника Цезаря Октавіана и проконсула Лепида. Рѣшающею силою теперь было войско, созданное Цезаремъ, императоромъ солдатъ. Войско и рѣшило судьбу республики съ помощью сената. Гражданская война закончилась побѣдою Октавіана, котораго усыновилъ самъ Цезарь и провозгласилъ своимъ наслѣдникомъ. Раболѣпствующій сенатъ предоставилъ ему всѣ права и титулъ императора и далъ ему названіе Августа, т.-е. Священнаго или неприкосновеннаго. Это было концомъ республики и началомъ имперіи, которая на мѣсто правъ римскаго народа поставила права самовластныхъ цезарей, самое названіе которыхъ перешло въ исторію какъ обозначеніе августѣйшихъ императоровъ, кесарей, кайзеровъ, царей самодержцевъ и поработителей народовъ.

Такимъ образомъ и исторія Римской республики не менѣе наглядно и убѣдительно, чѣмъ исторія Аѳинъ, показываетъ какъ положительную, такъ и отрицательную сторону борьбы, а равно и политическое значеніе соглашенія классовъ и невозможности его.

Положительная сторона классовой борьбы и тутъ и тамъ выражалась одинаково въ достиженіи правъ и власти безправными до того общественными классами, она приводила и тутъ и тамъ къ уравненію обездоленныхъ классовъ съ господствующими, она вела къ развитію демократіи, къ болѣе широкому обобществленію верховной власти, къ народоправству. Отрицательная сторона классовой борьбы выражалась въ обоихъ случаяхъ во взаимномъ ослабленіи борющихся классовъ и въ обезсиленіи и безвластіи общества, которое въ Аѳинахъ сдѣлалось жертвою тирановъ лишь на короткое время, а въ Римѣ окончательно, послѣ того какъ правно-политическое

соглашеніе народа, о которомъ мечталъ Цицеронъ, оказалось невозможно.

5. Политическое значеніе классовой борьбы въ городскихъ республикахъ эпохи Возрожденія.

То же двоякое значеніе классовой борьбы показываетъ намъ исторія сословныхъ государствъ и городскихъ республикъ средневѣковья и эпохи Возрожденія. Примѣромъ можетъ одинаково служить, какъ исторія италіанской городской республики Флоренціи, такъ и исторія нашего собственнаго Новгорода, равно какъ и исторія всякой другой городской республики.

Флорентинская республика, подобно Аѳинамъ и Риму, раздиралась классовой борьбой. Борьба классовъ неоднократно грозила ея существованію и въ концѣ концовъ ее и погубила.

Величайшій итальянскій политическій мыслитель и писатель Николай Макіавелли, бывшій государственнымъ секретаремъ Флорентинской республики, выясняетъ очень хорошо въ написанной имъ «Исторіи Флоренціи». Макіавелли обстоятельно разсказываетъ о тѣхъ плодотворныхъ преобразованіяхъ, которыя были достигнуты во Флоренціи борьбою народныхъ массъ организованнаго ремесленнаго сословія съ еще лучше организованнымъ, но немногочисленнымъ городскимъ патриціатомъ богачей. И столь же обстоятельно и ясно говоритъ Макіавелли о тѣхъ роковыхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ привела Флоренцію эта классовая борьба городскихъ сословій, изъ которыхъ ни одно не было достаточно сильно, чтобы окончательно восторжествовать, слишкомъ враждебно, чтобы входить въ соглашеніе съ другимъ.

Флорентинскіе ремесленники еще не были достаточно сильны, чтобы превратить Флоренцію въ демократическую республику, прямое народоправство, но, несмотря на это, они всячески старались покончить съ городской аристократіей и плутократіей. Флорентинская плутократія такъ называемыхъ «жирныхъ гражданъ» (populani grassi), какъ и флорентин-

ская аристократія, уже не была достаточно сильна, чтобы господствовать во Флоренціи безраздѣльно, держа исключительно въ своихъ рукахъ всю политическую власть. Поэтому борьба между этими классами, неспособными прійти другъ съ другомъ къ долговременному соглашенію, была для нихъ совершенно безысходна и гибельна для республики, которая только обезсиливалась безысходной классовой борьбой. Все это было на руку разнымъ политическимъ пройдохамъ и авантюристамъ, которые и во Флоренціи ловили рыбу въ житейскомъ морѣ, взбаломученномъ классовой борьбою.

Видя, что борющіеся классы взаимно обезсиливаютъ другъ друга и такимъ образомъ лишаютъ силъ и верховную общественную власть республики, политическіе проходимцы смотрѣли на нее какъ на свою возможную добычу. И когда флорентинскій народъ, изнемогшій отъ междоусобій, дошелъ до того, что былъ готовъ признать любую власть, которая только избавила бы его отъ междоусобій, возстановила миръ и порядокъ, тогда уже дни флорентинской республики были сочтены и удача покушенія на политическую свободу и самоуправленіе флорентинскихъ гражданъ было обезпечено. Враги народа понимали это очень хорошо. Они правильно учли политическое значеніе безысходной классовой борьбы для обезсиленія общества и установленія надъ нимъ личной тираніи. И даже не безъ сочувствія недовольныхъ и невѣжественныхъ массъ малосознательныхъ и бѣдныхъ гражданъ, неспособныхъ должнымъ образомъ понять свои собственные общественные выгоды и интересы, захватили льстецы и обманщики флорентинскаго народа власть надъ всѣми борющимися классами и установили во Флоренціи вмѣсто свободной гражданской республики единоличную тиранію полискаго самозванца, государя.

Маккіавелли былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ и участникомъ этихъ событій. Какъ секретарь ниспровергнутой республики, онъ принужденъ былъ жить въ изгнаніи, размышляя объ условіяхъ какъ существованія республикъ, такъ и установленія тираній. Плодомъ политическихъ размышленій

Маккіавелли были два замѣчательныхъ его произведенія: «Разсужденія на первыя три книги Тита Ливія» и «Государь» [1]). Въ послѣднемъ, менѣе значительномъ, но болѣе извѣстномъ, произведеніи Маккіавелли излагаетъ политику государей. Онъ выясняетъ условія и средства, при которыхъ ими удерживается власть въ своихъ рукахъ и порабощаются народы, обезсиленные междоусобною враждою. Въ первомъ, болѣе обширномъ трудѣ Маккіавелли, подобно Аристотелю, выясняетъ условія существованія республики. Подобно Аристотелю Маккіавелли выясняетъ какъ положительную, такъ и отрицательную сторону классовой борьбы и ея значенія для существованія и гибели республикъ, а равно и значеніе политическаго соглашенія борющихся классовъ для установленія народоправства. Политическое соглашеніе гражданъ Маккіавелли считалъ такимъ же основнымъ правиломъ для каждаго республиканца, стремящагося къ народоправству, какимъ было для каждаго государя правило—«раздѣляй и властвуй», руководясь которымъ всѣ поработители народовъ властвовали надъ враждующими классами, всѣ государи правили самодержавно своими разъединенными подданными.

Дѣйствительно, исторія всѣхъ городскихъ республикъ эпохи Возрожденія, ихъ возникновенія, существованія и паденія лишь подтверждаетъ тѣ законы классовой борьбы и смѣны политическихъ формъ, которыя были установлены Аристотелемъ и подтверждены Маккіавелли. И тотъ и другой совершенно независимо другъ отъ друга выясняютъ намъ двоякое значеніе классовой борьбы. Въ этомъ отношеніи «Аѳинская Политейя» Аристотеля является первою научной монографіей о классовой борьбѣ, какъ его «Политика»—первою соціологіей классическаго политическаго общества. Политическія произведенія Маккіавелли имѣютъ подобное же значеніе для изученія политическаго общества эпохи Возрожденія. Въ политическихъ произведеніяхъ какъ Аристотеля, такъ и Мак-

[1]) И то и другое существуетъ въ русскомъ переводѣ Н. Курочкина.

Макіавелли одинаково чувствуется мысль, что существованіе республики возможно лишь на почвѣ политическаго соглашенія борющихся классовъ или на почвѣ такого подавляющаго господства одного изъ нихъ надъ другими, которое позволяетъ одному классу дѣйствовать за всѣхъ, какъ бы отъ имени всего народа, и сдѣлать орудіемъ классоваго господства саму республику. Правильность этой мысли подтверждается не только примѣрами городскихъ республикъ древности и эпохи Возрожденія, но и примѣрами русскихъ городскихъ народоправствъ, а равно и новою исторіей швейцарскихъ городскихъ республикъ.

6. Гражданственность и классовая борьба въ Новгородѣ.

Подобно всѣмъ другимъ городскимъ республикамъ древности и эпохи Возрожденія, и Новгородъ держался общественною сплою своихъ согражданъ, политическимъ соглашеніемъ различныхъ классовъ: «старѣйшихъ» и «меньшихъ», «лучшихъ» и «черныхъ» людей, бояръ, купцовъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ.

Любая грамота новгородская, каждый договоръ Господина Великаго Новгорода, съ кѣмъ бы онъ ни былъ заключенъ, свидѣтельствуютъ объ этомъ достаточно краснорѣчиво. Въ Новгородѣ каждый договоръ, каждое важное политическое рѣшеніе дѣлалось отъ имени какъ «всѣхъ старѣйшихъ», такъ и «всѣхъ меньшихъ» гражданъ, «отъ всего Новгорода». Всѣ Новгородскія грамоты начинаются этими словами [1]). Князья, съ которыми вступалъ въ договоры новгородскій народъ, получали власть лишь послѣ принесенія присяги въ вѣрности, какъ старѣйшимъ, такъ и меньшихъ гражданамъ. Князья «цѣловали крестъ всему Великому Новгороду», всему новгородскому народу. Новгородская республика считалась совластіемъ всѣхъ ея гражданъ. Объ этомъ говоритъ такъ же убѣдительно Ссудная Новгородская Грамота 1471 года, какъ и многіе другіе менѣе важные историческіе памятники Новгорода. Всѣ они одинаково свидѣтельствуютъ о совластіи

---

[1]) См. грамоты, помѣщенныя въ сборникѣ: „Памятники исторіи Великаго Новгорода“. Москва 1909.

всѣхъ новгородскихъ гражданъ. Политическія дѣла въ Новгородѣ рѣшали или, какъ говоритъ Судная Грамота, «кончали» «посадники Новгородцкіе, и тысятцкіе Новгородцкіе, и бояря, и житьи люди, и купци, и черные люди, вся пять Концовъ, весь государь Велики Новгородъ, на вѣчѣ, на Ярославскомъ дворѣ»...

Конечно, это политическое совластіе различныхъ общественныхъ классовъ Новгорода, державшееся на ихъ взаимномъ соглашеніи, нерѣдко потрясалось ихъ взаимною борьбою. Но обыкновенно, даже и въ пылу междоусобной борьбы, новгородцы не забывали, что они новгородцы, сыны одного и того же Господина Великаго Новгорода, сыны самодержавнаго новгородскаго народа, которые, несмотря на свои различные и даже противоположные классовые интересы, имѣютъ и общіе имъ всѣмъ политическіе интересы родины и всего народа, которые дороги имъ всѣмъ.

Старѣйшіе, бояре, житьи люди и купцы съ помощью Верховнаго Совѣта Господъ или «Господы» (олигархическаго новгородскаго парламента), конечно, всегда стремились сдѣлать Новгородъ своею плутократическою республикою. Съ другой стороны, простой народъ, т.-е. ремесленники, земледѣльцы и наемные рабочіе, батраки, съ помощью своего народнаго собранія или вѣча столь же естественно хотѣлъ сдѣлать Новгородъ прямымъ народоправствомъ, настоящимъ народнымъ государствомъ.

Въ политическую систему Новгорода входили начала столь же разнородныя, какъ и въ его общественный строй. И то и другое было обусловлено необходимымъ соотношеніемъ общественныхъ классовъ, которыя столь же неизбѣжно приходили въ столкновеніе другъ съ другомъ и вступали въ ожесточенную борьбу, какъ и дѣлали необходимыя взаимныя уступки, не будучи въ состояніи существовать отдѣльно, не будучи въ силахъ захватить всю общественную власть въ одни руки и потому по необходимости входя другъ съ другомъ въ политическое соглашеніе.

Пока было возможно и достижимо это соглашеніе различныхъ классовъ новгородскихъ гражданъ, было возможно

и существованіе и новгородской республики. Господинъ Великій Новгородъ жилъ народнымъ единствомъ своихъ сограждан, несмотря на то, что ему постоянно угрожали всевозможные внѣшніе враги: и шведы, и татары, и Литва, и Москва. Но когда классовая борьба, умѣло поддерживаемая и раздуваемая въ Новгородѣ его врагами, разгорѣлась съ легкой руки великихъ князей московскихъ до настоящаго пожара, когда она превратилась въ братоубійственную гражданскую войну, когда общественное соглашеніе между «старѣйшими» и «меньшими», «лучшими» и «черными» новгородскими гражданами стало уже недостижимымъ, тогда и новгородская политическая свобода дрогнула, зашатался и самъ Господинъ Великій Новгородъ.

Какъ опытные обманщики и поработители своего собственнаго народа, московскіе князья, ставшіе русскими царями, прикинулись отцами и защитниками темной и озлобленной новгородской бѣдноты. И эта невѣжественная и озлобленная бѣднота по своему политическому неразумію оказала самоубійственную поддержку, нужную московскимъ самовластцамъ. Имъ помогъ еще и Псковъ, измѣнившій своему старшему и родному брату. Псковичи завидовали величію Новгорода и, когда онъ пошатнулся и московскіе цари начали разорять его, то псковичи стали смотрѣть на Новгородъ какъ и на свою добычу. Вооруженныя силы псковитянъ соперничали съ московскими войсками въ разореніи земли новгородскаго народа. Но все же въ концѣ концовъ приходится сказать, что Новгородъ палъ не столько отъ рукъ своихъ внѣшнихъ враговъ, сколько отъ внутренняго междоусобія отъ безысходной классовой борьбы.

Вдумчивое изученіе Новгорода показываетъ, что и новгородское народоправство пало жертвою борьбы классовъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ достаточно могущественъ, чтобы захватить всю власть въ республикѣ исключительно въ свои собственныя руки, и потому считалъ необходимымъ входить въ политическое соглашеніе съ другими, пока козни внѣшнихъ враговъ не сдѣлали это соглашеніе классовъ совер

шенно недостижимымъ. Такимъ образомъ и паденіе Новгорода, этого лучшаго и самаго замѣчательнаго образца прежняго русскаго народоправства, можетъ служить не менѣе убѣдительнымъ доказательствомъ двоякаго значенія классовой борьбы, какъ и исторія всѣхъ другихъ городскихъ республикъ, начиная съ Аѳинъ и Рима и кончая городскими республиками Швейцаріи.

Стоитъ только обратиться къ политической исторіи любой изъ нихъ, къ исторіи Бернской республики или Женевской, или какой-нибудь иной, чтобы увидѣть не менѣе ясно, что всѣ они могли существовать либо при условіи полнаго господства одного изъ борющихся классовъ, или при возможности необходимаго политическаго соглашенія между ними, или въ видѣ республики классовой и олигархической, аристократической и плутократической, или въ видѣ республики смѣшаннаго вида, въ видѣ нѣкотораго совластія многихъ классовъ, стремящагося къ политическому равноправію. Впрочемъ, это политическое значеніе какъ классовой борьбы, такъ и соглашенія классовъ имѣетъ силу не только для существованія городскихъ республикъ, но и для существованія болѣе сложнаго политическаго общества и государства. Доказательствомъ можетъ служить исторія не только всѣхъ прежнихъ сословныхъ государствъ, но и современныхъ классовыхъ. Исторія Англіи, Венгріи, Франціи и Италіи показываетъ это такъ же хорошо, какъ и исторія Польши, Германіи, Австріи и Россіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Гражданственность и классовая борьба въ Англіи.

1. Сословная Англія.

Въ Англіи еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи восторжествовала сословная гражданственность. Политическое соглашеніе сословій, возставшихъ противъ самовластія королей, привело

къ провозглашенію гражданскихъ правъ и вольностей англійскаго народа.

Англійскіе короли управляли государствомъ съ общаго согласія землевладѣльческой аристократіи бароновъ. О необходимости этого согласія говорили сами короли въ своихъ воззваніяхъ. «Знайте, что я съ общаго согласія бароновъ королевства въ Англіи коронованъ въ короли», объявлялъ Генрихъ I-мй въ Хартіи Вольностей 1100 года. «Я избранъ въ короли Англіи съ согласія духовенства и народа», объявлялъ англійскій король Стефанъ.

Правда, англійская «Великая Хартія Вольностей» 1215 г. не говоритъ о всеобщемъ согласіи бароновъ, духовенства, дворянъ, гражданъ и всѣхъ свободныхъ людей Англіи, но это согласіе въ ней подразумѣвается. Она провозглашаетъ политическую свободу англичанъ и право вооруженнаго возстанія народа противъ самовластія короля. Это самовластіе, проявлявшееся въ каждой сословной монархіи въ особенности во время взаимной борьбы сословій, уничтожавшей ихъ политическую силу, могло быть уничтожено лишь политическимъ соглашеніемъ сословій и объединеніемъ ихъ для борьбы съ королями, стремившимися къ самодержавію.

Такимъ королемъ былъ англійскій король Іоаннъ, прозванный Безземельнымъ. Въ качествѣ самовластнаго государя Іоаннъ пытался бороться со всѣмъ англійскимъ сословнымъ государствомъ, которое было объединеніемъ господствующихъ англійскихъ сословій. Въ этой борьбѣ государя съ государствомъ Іоаннъ былъ побѣжденъ союзомъ крупныхъ феодальныхъ землевладѣльцевъ, бароновъ и городскихъ сословій. Онъ былъ принужденъ признать ихъ политическія вольности и обѣщать ихъ не нарушать. Его сынъ Генрихъ III, семь разъ дававшій обѣщанія народу не нарушать народныя права и постоянно нарушавшій ихъ своимъ безпутнымъ и вѣроломнымъ управленіемъ, вызвалъ новое возстаніе сословій противъ королевской власти. Онъ былъ ея лишенъ баронами. Англіею сталъ править ихъ выдающійся вождь, благородный Симонъ-де-Монфоръ. Онъ правилъ Англіей съ одобренія

созываемаго имъ парламента съ помощью Совѣта бароновъ. Въ 1265 году онъ созвалъ парламентъ, въ которомъ участвовали не только крупные феодальные землевладѣльцы, духовные и свѣтскіе бароны и князья, но и мѣстные представители болѣе мелкаго землевладѣнія, по два рыцаря отъ каждаго графства, а также и представителей городскихъ сословій (общинъ). Можно сказать, что Симонъ-де-Монфоръ былъ основателемъ англійскаго парламента, который служилъ средствомъ политическаго соглашенія и сотрудничества англійскихъ сословій и поддерживалъ мудрую и свободолюбивую политику своего вождя. Но въ рядахъ бароновъ многіе завидовали Симону-де-Монфору и были недовольны его политическими преобразованіями. Изъ среды этихъ недовольныхъ феодаловъ нашлось достаточное число измѣнниковъ, которые составили вмѣстѣ съ сыномъ низложеннаго короля Эдуардомъ заговоръ противъ Симона-де-Монфора. Они подняли на него оружіе во имя короля, и окруженный подавляющими силами приверженцевъ Эдуарда Симонъ-де-Монфоръ палъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ смертью храбрыхъ въ неравномъ бою.

Вмѣстѣ съ Симономъ-де-Монфоромъ пала и оберегаемая имъ политическая свобода, ибо рухнула ея основа: политическое соглашеніе сословій. Эдуардъ I-ый, водворившись на престолъ, сталъ царствовать по правилу «раздѣляй и властвуй». Онъ воспользовался рознью и классовой враждой знати, духовенства, дворянъ и горожанъ. Для того, чтобы противопоставить сословія другъ другу, Эдуардъ воспользовался даже политическимъ опытомъ своего убитаго врага, Симона-де-Монфора. По его примѣру, Эдуардъ тоже созвалъ парламентъ, который состоялъ не только изъ духовной и свѣтской знати, но и изъ представителей мѣстнаго дворянства и городскихъ сословій. На словахъ онъ слѣдовалъ Юстиніану и провозглашалъ: «то, что всѣхъ касается, должно быть всѣми и одобрено». Онъ велъ очень умѣлую противо-сословную политику. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что феодальныя сословія и городскія, съ ихъ противоположными интересами, не смогутъ согласиться и составить опасный для него союзъ. Онъ видѣлъ, что они

готовы вступить въ борьбу другъ съ другомъ, и, умѣло пользуясь сословною рознью и классовой борьбою, онъ построилъ на этомъ политику своего единовластія.

Его наслѣдникъ Эдуардъ II не былъ столь способенъ, и потому лишился власти. Онъ былъ низложенъ своими приближенными. Эдуардъ III искалъ себѣ сочувствія въ народѣ, готовомъ возстать противъ крѣпостничества землевладѣльческаго феодальнаго сословія. Эдуардъ III хорошо учитывалъ классовыя отношенія и какъ бы предвидѣлъ ту классовую борьбу, которая потрясла всю Англію послѣ его смерти. То были возстанія крестьянъ и городскихъ ремесленниковъ, возстаніе Уота Тайлора, совпавшее съ возстаніемъ «бѣдныхъ священниковъ», и Джона Болла, послѣдователя Виклефа. Возстаніе Уота Тайлора было подавлено съ помощью вѣроломства и обмана. Послѣ убійства вождя возставшаго народа приверженцами короля, молодой король Ричардъ II объявилъ, что онъ самъ становится вмѣсто убитаго во главѣ возставшихъ и уничтожаетъ крѣпостничество. Народъ повѣрилъ, далъ обмануть себя—и за это жестоко поплатился. Возстаніе было подавлено въ крови возставшихъ Обѣщанія короля, конечно, не были исполнены. Ричардъ II, подобно своимъ предшественникамъ, утвердилъ свое единовластіе на сословной розни и взаимной враждѣ борющихся классовъ. Подавивъ стремящихся къ свободѣ крестьянъ и горожанъ-ремесленниковъ съ помощью знати, дворянства и купечества, король стремился подавить и землевладѣльческую знать, ослабленную возстаніемъ крестьянъ.

Но знать оказалась еще достаточно могущественной, чтобы короля, стремящагося къ самодержавію, лишить престола и захватить власть въ собственныя руки. Избранный феодальнымъ сословіемъ, новый король былъ политическимъ орудіемъ сословнаго господства феодаловъ. Но и феодалы не были единодушны. Въ концѣ концовъ они сами раздѣлились на враждующія партіи «Алой» и «Бѣлой Розы» и начали убійственную междуусобную войну, которая естественно окончилась ихъ взаимообезсиленіемъ. Феодалы начали борьбу

«Розъ», будучи почти всемогущимъ классомъ, а кончили ее, ставъ классомъ, потерявшимъ всю свою прежнюю политическую силу, кончили ее, какъ сословіе, которое сдѣлалось уже совершенно неспособнымъ властвовать самостоятельно.

2. Властваніе королей.

Безсиліемъ сословій воспользовались короли. Они видѣли, что прежній господствующій классъ сталъ уже неспособенъ властвовать, и безъ королевской помощи не можетъ сохранить всѣхъ своихъ прежнихъ правъ и преимуществъ. Поняли они такъ же хорошо, что и растущее городское сословіе еще недостаточно сильно, чтобы добиться даже равноправія. Новая династія англійскихъ королей построила на этомъ безсиліи классовъ все свое господство и самодержавіе.

Тюдоры правили Англіей въ то время, когда окончательно стала разлагаться самая основа стараго феодальнаго порядка. Ростъ городовъ, развитіе обмѣна, денежнаго хозяйства, городскихъ сословій, власть денегъ, съ помощью которыхъ крестьяне покупали себѣ свободу, а ремесленники и купцы добивались разныхъ вольностей у королей и феодаловъ, все это выбивало самую почву изъ-подъ ногъ феодальнаго сословія и давало силу новымъ подымающимся классамъ, купцамъ, ремесленникамъ, а также и мелкимъ землевладѣльцамъ. Но и они не могли еще справиться съ феодалами самостоятельно и потому готовы были поддержать даже государей, если только послѣдніе дѣйствовали противъ феодаловъ и выступали какъ бы на защиту городскихъ сословій, противъ притѣсненій народа феодалами.

Опираясь не столько на силу какого-нибудь общественнаго класса, сколько на вооруженную силу своихъ наемныхъ войскъ, умѣло пользуясь безсиліемъ враждебныхъ классовъ, Тюдоры властвовали надъ ними, наружно соблюдая права и вольности сословій. Парламентъ, который созывался ими время отъ времени, былъ послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Сословному представительству дворянъ и горожанъ они умѣло противопоставляли поголовное собраніе, знати, па-

лату лордовъ. Королевскіе юристы, услужливые правовѣды, прекрасно понимавшіе положеніе дѣлъ, были готовы даже воспѣвать парламентъ вмѣстѣ съ королемъ. По ихъ словамъ, англійскій парламентъ, взятый вмѣстѣ съ королемъ, «все можетъ дѣлать». Когда въ парламентѣ присутствуетъ король, то, по словамъ юристовъ, парламентъ «представляетъ весь народъ и имѣетъ власть цѣлаго государства, его главы и тѣла». Взятый вмѣстѣ со своимъ всемогущимъ государемъ, англійскій парламентъ, конечно, могъ казаться тогдашнимъ англійскимъ правовѣдамъ всемогущимъ. Но это всемогущество было всемогуществомъ Тюдоровъ, а не парламента. Это было всемогущество короля въ парламентѣ, какъ это и было установлено тогда же англійскими юристами. Верховная власть въ государствѣ принадлежала, какъ говорили, «королю въ парламентѣ». «Король въ парламентѣ» былъ царемъ священнымъ, былъ живымъ закономъ. Считалось, что онъ не могъ творить никакого зла, потому что все, что бы ни творилъ король надъ своими подданными, должно было ими приниматься за добро. Это утверждали правовѣды, истолкователи самодержавныхъ правъ англійскихъ королей. Придуманное ими извѣстное правовое выраженіе king can not do wrong, «король не можетъ творить зла», означало, что всякое желаніе и прихоть короля должны имѣть для подданныхъ значеніе закона и не могутъ подлежать никакому осужденію. Король приравнивался придворными льстецами къ солнцу. Какъ подобаетъ солнцу, король былъ окруженъ звѣздами различной величины. Наиболѣе крупныя изъ нихъ сверкали королевскимъ свѣтомъ въ такъ называемой «Звѣздной Палатѣ», составленной Генрихомъ VII изъ его совѣтниковъ, придворныхъ звѣздоносцевъ. Эта Звѣздная Палата была страшнымъ орудіемъ королевскаго самодержавія, основаннаго на противорѣчіи сословныхъ интересовъ, на разложеніи сословнаго общества, на враждѣ классовъ.

При самодержавномъ правленіи Тюдоровъ Англія превратилась въ своего рода золотую клѣтку, находившуюся въ рукахъ наслѣдственнаго государя, ставшаго полнымъ хозяи-

номъ страны и повелителемъ народа, распавшагося на враждующіе классы. При Тюдорахъ свободная гражданственность уступила свое мѣсто вѣрноподданничеству. Сословное государство превратилось въ самодержавную монархію. Все это было обусловлено тѣмъ неопредѣленнымъ состояніемъ обезсиленнаго общества, которое еще не перестало быть сословнымъ и еще не стало классовымъ, которое уже не могло называться феодальнымъ, но еще не могло быть названо и буржуазнымъ, въ которомъ феодальное сословіе уже разлагалось окончательно, а шедшій ему на смѣну буржуазный классъ только еще слагался и еще не имѣлъ достаточной силы, гдѣ прежнія политическія вольности феодаловъ были уже утеряны навѣки, а новая гражданственность еще не создалась, гдѣ народу еще только предстояло завоевать себѣ права и власть, похищенную королями у сословій.

Такъ, въ эпоху возрожденія гражданственности въ городахъ Европы, въ разлагающейся сословной Англіи водворилась монархическая тиранія. Эта тиранія была то умѣренная (Генрихъ VII), то неограниченная (Генрихъ VIII), то протестантская (Эдуардъ VI), то католическая (Марія Кровавая), то просвѣщенная и славная (Елизавета), то совсѣмъ безславная (Іаковъ I), то, наконецъ, несчастная (Карлъ I). Но, какова бы ни была эта тиранія, она всегда держалась въ Англіи, какъ и повсюду, лишь на почвѣ розни и классовой вражды, благодаря безсилію разлагающагося общества, слѣдуя коварному завѣту: «раздѣляй и властвуй».

При первомъ же объединеніи подвластныхъ, этой тиранін грозилъ конецъ. Вотъ почему англійскіе монархи, подобно всѣмъ другимъ врагамъ гражданственности, болѣе всего боялись политическаго общенія своихъ подданныхъ. Въ политическомъ общеніи подвластныхъ короли видѣли лишь общественные заговоры подданныхъ противъ королевской власти. Они преслѣдовали ихъ неумолимо, безпощадно, не останавливаясь передъ казнью самыхъ благородныхъ и замѣчательныхъ людей, готовыхъ отдать жизнь за лучшее будущее своего народа (Томасъ Моръ, Олджернонъ Сидней и друг.).

На проявленіе гражданственности, на каждое общественное движеніе они смотрѣли, какъ на величайшую опасность для себя. Они хорошо чувствовали, что соглашеніе враждующихъ сословій, соглашеніе борющихся классовъ означаетъ конецъ самодержавія монарховъ и начало политической свободы и торжества гражданственности. И дѣйствительно, стоило только объединиться городскимъ сословіямъ съ земледѣльческимъ, чтобы тиранія, установленной Тюдорами и продолжаемой Стюартами, наступилъ конецъ.

3. Великая революція и англійская республика.

Съ общественной силой классовъ, дѣйствующихъ сообща, не могъ, конечно, справиться ни одинъ король, даже умный и вѣроломный. Примѣромъ можетъ служить Карлъ I Стюартъ. По свидѣтельству самого Кромвеля, Карлъ I былъ «король умный, но такой отъявленный обманщикъ, которому положительно нельзя было довѣрять». Своимъ невыносимымъ самовластіемъ Карлъ I возбудилъ сильнѣйшее общественное недовольство почти во всѣхъ классахъ англійскаго народа и заставилъ ихъ объединиться и возстать противъ королевскаго самодержавія.

Созванный Карломъ въ 1628 г. парламентъ потребовалъ возстановленія попранныхъ королемъ гражданскихъ правъ. Карлъ лицемѣрно уступилъ. Новый парламентъ выразилъ общественное недовольство еще рѣзче. Король распустилъ парламентъ и началъ править страною совершенно безконтрольно. Король не созывалъ парламента цѣлыхъ десять лѣтъ. Самодержавный произволъ и насилія королевскихъ намѣстниковъ и слугъ окончательно возстановили народъ противъ короля. Возмущеніе было таково, что Карлъ I, противъ своей воли, былъ принужденъ созвать парламентъ, который рѣшилъ не расходиться, пока не освободитъ страну. Король пытался арестовать вождей парламента. Но ихъ укрылъ среди себя народъ. Король рѣшилъ подавить возстаніе оружіемъ. Но вооружился и народъ. Тогда началась война короля съ парламентомъ и народомъ. На сторону короля стала знать и-

наемники. На сторону парламента—всѣ общественные классы, кромѣ части феодальнаго сословія и войскъ. Мѣстное дворянство соединилось съ горожанами. Мелкіе землевладѣльцы съ самостоятельными земледѣльцами (іоменами). Они наполнили ряды гражданскихъ ополченій, составили армію парламента. Великое народное движеніе нашло и своего великаго вождя въ лицѣ Оливера Кромвеля, который соединялъ въ себѣ великій умъ и несокрушимую волю, гражданскій и военный геній полководца и защитника народныхъ правъ.

Началась великая гражданская война народа съ королемъ. То было начало великой англійской революціи. Она была совершена объединенными силами горожанъ и сельскаго населенія, подъ знаменемъ народоправства. Она окончилась побѣдой революціонной народной арміи Кромвеля надъ противонародной арміей кавалеровъ короля, измѣнившаго народу. Осужденный за измѣну своему народу, Карлъ I былъ казненъ. Въ Англіи была провозглашена республика. Кромвель предложилъ парламенту установить демократическую конституцію, принятую революціонною арміею. Эта конституція носила многозначащее названіе—Agreement of the People,—т.-е. «Соглашеніе Народа». Одобренная парламентомъ, она должна была быть передана на утвержденіе всего народа. Она ограничивала власть парламента законною властью народа, верховное право котораго провозглашалось этой конституціей. Вожди великой англійской революціи были глубоко убѣждены, что «права англійскаго народа не смогутъ быть осуществлены на самомъ дѣлѣ, если не будутъ точно ограничены полномочія избираемыхъ народомъ представителей, равно какъ и опредѣлены верховныя права народа, которыя онъ оставитъ за собой».

Начала настоящаго прямого народоправства воодушевляли всѣхъ сознательныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, борцовъ за свободу и права народа. Эти начала воодушевляли англійскихъ пуританъ и «независимцевъ», дѣятелей англійской духовной революціи. Эти начала воодушевляли ихъ еще до великой революціи, когда, не вынося полит

ческаго рабства на свой родинѣ, свободолюбивые люди Англіи покидали ее, чтобы основать въ Америкѣ новое свободное политическое общество. Покидая свою родину, они заключали между собою соглашенія и общественные договоры. Они сообща составляли приговоры, въ которыхъ объявляли: «мы сдѣлаемъ, провозгласимъ и установимъ такіе справедливые и равные для всѣхъ законы, такія постановленія и такія учрежденія, такія общественныя должности, какія мы сможемъ считать дѣйствительно подходящими для обезпеченія общаго блага колоніи. И мы обѣщаемъ имъ должное подчиненіе и повиновеніе».

Этимъ духомъ истинной гражданственности и свободнаго общественнаго самоуправленія были проникнуты и политическіе вожди послѣдовавшей великой англійской революціи, которая была гражданскою войной политически объединенныхъ и демократически настроенныхъ многочисленныхъ среднихъ и бѣднѣйшихъ общественныхъ классовъ англійскаго народа противъ короля и поддерживавшаго короля немногочисленнаго господствующаго класса крупныхъ землевладѣльцевъ Англіи. Великая англійская революція была гражданскою войной народной партіи «круглоголовыхъ» пуританъ и «желѣзнобокихъ» воиновъ народной арміи Кромвеля съ монархомъ и аристократіей королевскихъ «кавалеровъ».

Народъ, сумѣвшій защитить парламентъ отъ короля, казалось, имѣлъ силу и законное право стать выше самого парламента. Такъ и думали всѣ борцы за права англійскаго народа, признававшіе единственно законною верховною властью власть верховнаго большинства народа. Это начало истиннаго народоправства было провозглашено и Кромвелемъ, который былъ объявленъ Протекторомъ и «Защитникомъ» народной англійской республики, получившей названіе «Общественное Благо» (Commonwealth). Офицеры революціонной арміи Кромвеля выработали демократическую конституцію, знаменитый «Инструментъ правленія». Въ этомъ замѣчательномъ историческомъ документѣ духъ Великой Грамоты англійскихъ народныхъ вольностей получилъ свое окончательное выраженіе.

«Парламенты», гласилъ «Инструментъ», «не должны объявлять себя учрежденіями постоянными. Это — основное политическое правило. Какой порукой можетъ быть законъ для предотвращенія несчастья (т.-е. нарушенія верховныхъ правъ народа), если законодательное собраніе, которое творитъ законъ, сможетъ его и уничтожить».

Права народа, верховнаго народнаго большинства, были провозглашены. Какъ основа всяческаго права, право народнаго большинства было объявлено выше правъ парламента. Въ глазахъ англійскихъ демократовъ, какъ и въ глазахъ демократовъ классической древности и эпохи Возрожденія, народъ былъ выше всякихъ законодательныхъ собраній. Это признавалось всѣми истинными демократами. И это дало право верховному вождю революціоннаго англійскаго народа, представленнаго революціонною англійской арміей, разогнать парламентъ, который присвоилъ себѣ верховныя права народа.

Парламентъ былъ разогнанъ. Защитникъ верховныхъ правъ народа и англійской республики сталъ править Англіей съ помощью своихъ приверженцевъ. Но эта диктатура возбудила недовольство въ тѣхъ, кто предпочиталъ верховенству народнаго большинства и его вождя олигархическое самодержавіе парламента и даже королевское правленіе. Общественныя силы, объединенныя революціей, общественные классы, обезпечившіе своимъ союзомъ всѣ завоеванія великой революціи, готовы были снова раздѣлиться и возстать другъ противъ друга.

Расколъ былъ неизбѣженъ, а вмѣстѣ съ нимъ была столь же неизбѣжна и гибель англійской республики, которая могла держаться лишь общественнымъ соглашеніемъ и общими силами свободолюбивыхъ классовъ. Но срѣдній классъ достаточныхъ людей видѣлъ въ парламентѣ удобное орудіе своего политическаго господства, а въ Кромвелѣ — своего поработителя. Неизбѣжный расколъ произошелъ, и революціонная англійская республика продолжала существовать лишь желѣзною волею ея творца, политическимъ геніемъ ея «Защитника», волею всесильнаго Кромвеля.

Передъ Кромвелемъ склоняли головы всѣ враги республики. И величайшій политическій мыслитель Англіи и самый выдающійся обоснователь самодержавной власти, Томасъ Гоббсъ, посвящалъ Оливеру Кромвелю свое замѣчательное произведеніе. Томасъ Гоббсъ видѣлъ въ Оливерѣ Кромвелѣ, какъ и въ прежнемъ королѣ, истинное воплощеніе самодержавнаго представителя народа (Sovereign Representative), обладающаго верховной и всесильной властью. И, на самомъ дѣлѣ, такова была та власть, которою держалась англійская республика, послѣ того, какъ изъ-подъ ея ногъ исчезла ея естественная почва: необходимое для существованія свободной республики общественное соглашеніе классовъ.

Смерть Кромвеля была и концомъ республики. Кромвель померъ осенью 1658 года. Правителемъ республики былъ назначенъ его сынъ, Ричардъ. Онъ созвалъ парламентъ, не совѣщаясь съ арміей, и этимъ возбудилъ противъ себя сильное недовольство въ ея рядахъ. Въ арміи началось неповиновеніе. Въ странѣ началась смута. Неповиновеніе и смута привели существующую власть къ безвластію, а расколовшійся народъ—къ безсилію.

Этимъ воспользовался сынъ казненнаго короля, Карлъ II, поддерживаемый тою же самою знатью, которая составляла силу и его отца. Сила эта не могла противостоять объединеннымъ силамъ всѣхъ остальныхъ общественныхъ классовъ въ моментъ великой революціи, приведшей въ движеніе всю страну, но она была достаточно сильна теперь, въ моментъ полнаго разъединенія всѣхъ революціонныхъ силъ, она была достаточно сильна, чтобы, въ моментъ наступившаго безсилія и безвластія, возстановить монархію.

4. Реставрація и новая монархія, парламентарная.

Въ 1660 году еще весной Карлъ II объявилъ всеобщую амнистію, обѣщалъ новымъ собственникамъ захваченныхъ феодальныхъ помѣстій ихъ неприкосновенность, а солдатамъ—уплату всего задержаннаго жалованья. Этимъ обращеніемъ онъ подкупилъ очень многихъ и еще болѣе разъединилъ

своихъ враговъ. Въ маѣ Карлъ могъ уже торжественно въѣхать въ Лондонъ. Такъ возсоздалась въ Англіи монархія разъединеніемъ тѣхъ общественныхъ силъ, объединеніе которыхъ сдѣлало Англію республикой. Блестящее доказательство того, что и въ сословномъ классовомъ государствѣ республика можетъ существовать лишь при соглашеніи классовъ или при существованіи такого могущественнаго класса, который былъ бы достаточно силенъ, чтобы захватить всю политическую власть въ собственныя руки и господствовать вполнѣ самостоятельно надъ всѣми остальными классами, организовавъ свою собственную верховную власть.

Въ Англіи въ описываемый моментъ такого всемогущаго класса не существовало; политическое соглашеніе между существующими общественными классами было уже недостижимо, и потому на мѣстѣ республики, потерявшей подъ своими ногами всякую почву, въ Англіи должна была по необходимости вновь водвориться монархія. Это и произошло.

Стюарты были возстановлены на уничтоженномъ было королевскомъ тронѣ. Они не могли уже управлять по прежнему, какъ имъ хотѣлось, Англіей, перерожденной великой революціей. Но, несмотря на полученный урокъ, они сдѣлали новую попытку возстановить не только прежній королевскій тронъ, но и прежнее королевское самодержавіе. Попытка эта привела Стюартовъ къ новой революціи. Революція эта совершилась даже безкровно, политическимъ соглашеніемъ господствующихъ классовъ. Стюарты были изгнаны окончательно. На мѣсто ихъ была призвана изъ Голландіи новая династія Вильгельма Оранскаго, короли которой стали править Англіей по соглашенію съ представителями господствующихъ классовъ, или вѣрнѣе предоставлять правленіе страной вождямъ господствующихъ въ странѣ и парламентѣ политическихъ партій. Такъ, подъ флагомъ возстановленія монархіи, посредствомъ политическаго соглашенія господствующихъ классовъ, водворилось въ Англіи представительное правленіе, извѣстное подъ названіемъ парламентаризма.

Парламентаризмъ, какъ вполнѣ сложившаяся система парламентскаго правленія, само собою разумѣется, водворился въ Англіи не сразу. Стремленія къ самовластію проявляли и короли новой династіи. Но стремленія эти уже не имѣли необходимыхъ условій для своего осуществленія.

Георгъ III стремился править единолично и направилъ англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ на возстаніе, обособленіе отъ Англіи и провозглашеніе независимой республики Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, возбудивъ въ самой Англіи сильнѣйшее общественное недовольство своимъ личнымъ управленіемъ.

Послѣ Георга III въ Англіи уже не дѣлалось попытокъ къ королевскому самодержавію. И, сохраняя свою прежнюю монархическую внѣшность, Англія на самомъ дѣлѣ стала парламентской республикой господствующаго класса.

5. Парламентаризмъ и соглашеніе классовъ.

До начала XIX вѣка Англія была парламентской республикой землевладѣльцевъ, правившихъ страной съ помощью палаты общинъ, лордовъ и короля. Это была настоящая парламентская олигархія землевладѣльцевъ, возстановившая противъ себя всѣ остальные классы англійскаго общества. Въ началѣ XIX столѣтія классовыя противорѣчія въ Англіи проявились въ классовой борьбѣ, которая одно время грозила превратиться въ настоящую гражданскую войну. Казалось, что королевская власть могла бы воспользоваться этой борьбой классовъ для осуществленія монархическихъ стремленій къ самодержавію. Однако, въ дѣйствительности не произошло ничего подобнаго. Очевидно, англійская гражданственность достигла уже той ступени развитія, когда захватъ верховной власти даже наслѣдственными монархами сталъ уже совершенно невозможенъ въ Англіи. Борьба буржуазіи, поддержанной рабочимъ классомъ, противъ олигархіи землевладѣльцевъ, привела лишь къ совластію землевладѣльческаго и капиталовладѣльческаго классовъ. Это совластіе господствующихъ классовъ выразилось въ Англіи въ самомъ рѣшительномъ торже-

ствѣ представительнаго образа правленія, или парламентаризма. Оно выразилось въ системѣ чередующагося правленія господствующихъ партій и въ настоящемъ самодержавіи парламента. Все это можетъ служить новымъ доказательствомъ того, что тамъ, гдѣ достижимо политическое соглашеніе и совластіе господствующихъ классовъ, тамъ монархія въ дѣйствительности существовать не можетъ, тамъ на самомъ дѣлѣ существуетъ республика, хотя бы и подъ покровомъ парламентарной монархіи. Существованіе парламентарной республики господствующихъ классовъ въ данномъ случаѣ бываетъ столь же неизбѣжнымъ, какъ неизбѣжно существованіе монархіи и всяческой диктатуры при недостижимости политическаго соглашенія различныхъ общественныхъ классовъ, борющихся за верховную власть въ государствѣ.

Правда, это соглашеніе общественныхъ классовъ въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, было вынужденнымъ, но оно было не только для обезпеченія политическаго господства достаточныхъ классовъ, но и для сохраненія политической свободы, обезпеченія свободной англійской гражданственности и всѣхъ плодовъ многовѣковой политической борьбы за политическія права.

Политическое соглашеніе общественныхъ классовъ очень часто нарушалось въ Англіи тѣми классами, которые терпѣли отъ экономическаго гнета и политическаго неравенства, доходившаго до безправія. Таково было положеніе городскихъ и сельскихъ рабочихъ. Эти классы были вынуждены вести классовую борьбу за свои общественные права и интересы. Даже гражданскія ихъ права были стѣснены англійскою буржуазіей, которая въ 1832 году добилась съ помощью рабочихъ верховной власти, но ничего не дала рабочимъ за ихъ поддержку. На почвѣ сильнѣйшаго недовольства рабочихъ своимъ подневольнымъ положеніемъ произошло возстаніе чартистовъ, т.-е. сторонниковъ такъ называемой «Народной Хартіи» или Грамоты (Charter). Это возстаніе было цѣлымъ рядомъ сильнѣйшихъ волненій англійскихъ рабочихъ, потрясавшихъ всю Англію въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Борьба ра-

бочихъ за свои права выражалась иногда очень бурно, доходя до открытыхъ возстаній и попытокъ захвата городовъ. Однако и эта борьба классовъ не способствовала усиленію королевской власти, хотя она и привела къ временному ограниченію политической свободы. Но зато, даже несмотря на свою видимую неудачу, борьба эта привела къ послѣдующимъ уступкамъ господствующихъ классовъ, которые постепенно сочли себя вынужденными удовлетворить многія требованія рабочихъ. Въ 1865 году избирательное право было распространено на городскихъ рабочихъ. Въ 1884 г. его получили сельскіе рабочіе. Одновременно подъ давленіемъ рабочихъ развивалось законодательство въ защиту труда, необходимость котораго была провозглашена Робертомъ Оуэномъ и лордомъ Шэфсбэри. И все это совершалось, какъ какая-то политическая игра господствующихъ партій, стремившихся заручиться поддержкой народныхъ массъ и входившихъ въ различныя соглашенія другъ съ другомъ.

Въ этихъ соглашеніяхъ господствующихъ партій, представлявшихъ собой интересы господствующихъ классовъ, были, конечно, какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны. Поскольку соглашенія эти заключались за счетъ интересовъ рабочаго класса, соглашенія эти имѣли, разумѣется, отрицательное и анти-демократическое значеніе. Но соглашенія эти имѣли и положительное значеніе, поскольку они считались съ общенародными, общенаціональными интересами и обезпечивали англійскую свободу и гражданственность и исключали возможность всякой тиранніи. Къ сожалѣнію, это не въ достаточной степени понимали тѣ соціалисты, которые, смотря на вещи въ точки зрѣнія остальныхъ и еще невполнѣ раскрѣпостившихся континентальныхъ странъ, видѣли во всякомъ соглашеніи борющихся классовъ одно лишь отрицательное значеніе. Они не понимали того, что такъ называемая «противоположность классовыхъ интересовъ» имѣетъ значеніе далеко не безусловное. Они забывали, что борющіеся классы суть все же классы, которые составляютъ органическія части одного и того же общественнаго цѣлаго, входятъ въ составъ

одного и того же народа, одной и той же націи, живущей единой исторической жизнью и противостоящей другимъ націямъ. Они забывали, что общественные классы, входящіе въ составъ того или другого политическаго общества, враждебны другъ другу лишь постольку, поскольку противоположны ихъ классовые интересы, поскольку они удовлетворяютъ свои общественно-групповыя потребности на счетъ другъ друга. Они забывали о томъ, что тѣ же самые классы, которые борются другъ съ другомъ внутри даннаго общества, какъ ожесточенные враги, *если только они вполнѣ сознательны*, выступаютъ какъ естественные союзники при всякой внѣшней опасности, угрожающей ихъ самоуправляющемуся политическому обществу. Къ сожалѣнію, многіе изъ тѣхъ, кто называетъ себя соціалистами, забываетъ о томъ, что **соціалистъ** прежде всего значитъ **общественникъ, человѣкъ-гражданинъ**, который не только не можетъ не принимать во вниманіе интересовъ всего общества, но, какъ разъ наоборотъ, долженъ всегда руководиться общественными потребностями и дѣйствовать во имя всего народа, включающаго въ себя всѣ общественные классы. Къ сожалѣнію, ограниченность мысли нѣкоторыхъ, называющихъ себя соціалистами и даже соціалъ-демократами, не даетъ имъ возможность понять того, что граждане, входящіе въ составъ одного и того же политическаго общества, кромѣ своихъ узко-классовыхъ интересовъ, имѣютъ еще и болѣе широкіе общественные и политическіе интересы, которые не могутъ не объединять людей самыхъ различныхъ классовъ одного и того же общества.

Примѣръ Англіи, которую такъ не долюбливаютъ соціалисты нераскрѣпостившихся странъ, воспитавшіеся и находящіеся подъ исключительнымъ вліяніемъ нѣмецкой идеологіи, очень убѣдительно показываетъ, какое великое политическое и національное значеніе имѣетъ соглашеніе общественныхъ классовъ для развитія политической свободы, для упроченія свободной гражданственности. Въ основѣ любой политической свободы, свободной гражданственности любой страны всегда и всюду лежитъ начало самаго широкаго

общественнаго сотрудничества и соглашенія, политическаго соглашенія и сотрудничества самыхъ различныхъ общественныхъ группъ и классовъ. И Англія можетъ служить самымъ наглядньмъ примѣромъ въ этомъ отношеніи.

Вся дѣйствующая англійская конституція, можно сказать, соткана изъ различныхъ общественныхъ соглашеній, имѣющихъ силу основныхъ законовъ. И не даромъ извѣстные правовѣды и государствовѣды Англіи [1]) говорятъ о конституціонныхъ соглашеніяхъ, какъ объ основныхъ законахъ Англіи, и важнѣйшихъ политическихъ обычаяхъ, которыми держится весь государственный строй, вся конституція Англіи.

Все политическое развитіе Англіи и свободной англійской гражданственности было обусловлено въ сильнѣйшей степени какъ борьбою, такъ и соглашеніемъ классовъ. Временнымъ союзомъ различныхъ сословій феодальной Англіи еще въ XII-мъ столѣтіи были завоеваны политическія права, записанныя въ Великой Хартіи Вольностей. Политическимъ соглашеніемъ различныхъ сословій Англія была спасена отъ произвола и тиранніи противообщественной королевской власти. Даже республика Кромвеля и послѣдующая парламентская олигархія существовали лишь общественною силою тѣхъ или иныхъ общественныхъ классовъ, пока они находились въ извѣстномъ соглашеніи другъ съ другомъ. Весь англійскій парламентаризмъ, все самодержавіе англійскаго парламента было построено на соглашеніи господствующихъ партій, чередующихся у власти. А когда на политическую арену Англіи выступилъ современный рабочій классъ, то политика господствующихъ классовъ свелась къ соглашенію съ нимъ. И, что бы ни говорилось противъ этого соглашенія классовъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что современная англійская гражданственность и политическая свобода основываются на опредѣленныхъ общественныхъ соглашеніяхъ самыхъ различныхъ и самыхъ вліятельныхъ общественныхъ группъ англійскаго народа.

---

[1]) Напр., Дайси и его ученики.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Гражданственность и классовая борьба во Франціи.

1. Сословная Франція и самодержавіе королей.

Современному классовому французскому обществу и буржуазной французской республикѣ предшествовало сословное французское общество и государство, которое, хотя и нѣсколько позже, но точно такъ же, какъ и англійское сословное государство, сложилось на почвѣ объединенія цѣлаго ряда сословныхъ обществъ подъ властью наиболѣе могущественнаго государя. Но во Франціи, благодаря цѣлому ряду условій, мѣшавшихъ развитію гражданственности, монархическая власть долгое время господствовала надъ разслоеннымъ обществомъ, распавшимся на враждующія сословія.

И во Франціи, подобно тому, какъ это было въ свое время въ Англіи, господствующимъ сословіемъ сословнаго общества были феодалы, закрѣпостившіе народъ. Но и во Франціи, вмѣстѣ съ развитіемъ городовъ, раздѣленіемъ общественнаго труда между городомъ и деревней, съ развитіемъ обмѣна, распространеніемъ денежнаго хозяйства и ростомъ городскихъ сословій, происходило раскрѣпощеніе народа. Послѣднее проявилось и во Франціи въ такихъ же возстаніяхъ крестьянъ и горожанъ, какія въ свое время происходили въ Англіи.

Разложеніе феодализма во Франціи, какъ это было въ Англіи, выдернуло почву изъ-подъ ногъ господствовавшихъ феодаловъ и окончательно сдѣлало феодальный классъ неспособнымъ къ самостоятельному политическому властвованію. Потерявшій силу господствовать самостоятельно, этотъ классъ готовъ былъ поддерживать даже монархическую власть, если только она могла защищать его прежнія сословныя права и преимущества отъ враждебныхъ феодаламъ городскихъ сословій, отъ такъ называемой буржуазіи.

И во Франціи, какъ это было въ Англіи, короли были вынуждены собирать общія собранія представителей сословій, такъ называемые Генеральные Штаты, и пользовались рознью сословій для укрѣпленія своего владычества. Но въ сословной Франціи почти никогда не существовало такого сословія, которое было бы столь всемогущимъ, чтобы всю государственную власть захватить исключительно въ свои собственныя руки. А съ другой стороны политическое соглашеніе сословій во Франціи было еще менѣе достижимымъ, благодаря болѣе рѣзкому разслоенію общества. Вотъ почему въ то время, когда французское феодальное общество разлагалось и уже окончательно теряло свою общественную силу, а классовое общество только еще слагалось и еще не имѣло силъ, во Франціи водворилось прочнѣе, чѣмъ въ Англіи, самодержавіе королей. И во Франціи, подобно тому, какъ это было въ Англіи, король, сдѣлавшійся самодержцемъ, превратился въ какого-то неприкосновеннаго земного бога, всякое желаніе котораго принималось за законъ. И во Франціи король сравнивался съ солнцемъ, свѣтомъ и тепломъ котораго живутъ его подданные. Настоящимъ олицетвореніемъ такого короля-солнца былъ Людовикъ XIV Бурбонъ, который и на самомъ дѣлѣ былъ прозванъ королемъ-солнцемъ. Установленная имъ тиранія держалась рознью классовъ и безсиліемъ разслоеннаго французскаго общества, вплоть до объединенія всѣхъ его живыхъ силъ во время Великой французской революціи.

2. Великая французская революція и первая республика.

Французская революція, какъ и англійская, была вызвана своекорыстнымъ, монархическимъ произволомъ короля, его слугъ и приверженцевъ. Какъ и въ Англіи, революція началась созывомъ представительнаго собранія сословій, которое во Франціи до этого момента очень долгое время не созывалось вовсе, благодаря безсилію французскихъ сословій и господству королевскаго самодержавія надъ разрозненнымъ и безсильнымъ французскимъ сословнымъ обществомъ. Но и во

Франціи въ свое время пришелъ конецъ королевскому самодержавію, когда оно своимъ гнетомъ довело разрозненныя сословія до объединеннаго возстанія. Правда, во Франціи это произошло болѣе чѣмъ на столѣтіе позже, чѣмъ въ Англіи. Но и во Франціи, какъ это было въ Англіи, король былъ обвиненъ въ измѣнѣ своему народу и былъ казненъ. И во Франціи была провозглашена республика. Все это совершалось во Франціи при нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ Англіи, и потому естественно имѣло нѣсколько иной видъ. Но сущность историческихъ событій, какъ и политическое значеніе соглашенія и борьбы классовъ въ обоихъ случаяхъ была одна и та же. Стоитъ обратиться къ фактамъ, чтобы это стало яснымъ до очевидности.

Великая французская революція, какъ и англійская, осуществилась объединеніемъ всѣхъ живыхъ общественныхъ силъ страны. Она началась, какъ и англійская, созывомъ представителей всѣхъ сословій, которыхъ король былъ вынужденъ созвать, а созвавъ всячески пытался не допустить до объединенія.

Главною двигательною общественною силою Великой французской революціи было свободолюбивое третье сословіе горожанъ или буржуа (что значитъ одно и то же), получившее названіе буржуазіи, т.-е. городского сословія. Французская буржуазія была достаточнымъ общественнымъ классомъ, который былъ уже достаточно организованъ и силенъ, чтобы участвовать во властвованіи сообща съ другими классами и даже политически господствовать. Король всячески пытался не дать духовенству и дворянству присоединиться къ сословію горожанъ, выступившему на борьбу съ королевской властью за права народа. Но всѣ передовыя силы даже и этихъ двухъ сословій, давно уже ставшихъ неспособными господствовать самостоятельно и потому превратившихся въ опору трона, перешли на сторону могущественнаго передового третьяго или средняго сословія. Сознавая его политическую силу и значеніе, они слились съ нимъ въ великомъ порывѣ къ политической свободѣ, гражданственности и любви къ родинѣ.

Возставшія сословія, объединившіяся въ своемъ стремленіи къ свободѣ, провозгласили права народа, права человѣка-гражданина. Народъ бросился ихъ осуществлять. Рабочее населеніе Парижа вооружилось и взяло приступомъ Бастилію. Потрясенный королевскій дворъ бросился искать поддержки у иноземныхъ государей для борьбы съ собственнымъ народомъ. Измѣна королевскаго двора и части знати была обнаружена и король казненъ. Франція была провозглашена республикою.

3. Борьба классовъ и паденіе республики.

Республика была провозглашена и были объявлены права народа. Но трудящіяся массы не могли удовлетвориться однимъ провозглашеніемъ народныхъ правъ. Рабочіе бѣдствовали, народъ голодалъ. Народу необходима была власть, чтобы обезпечить свою жизнь. Онъ боролся за свою жизнь противъ могущественныхъ и многочисленныхъ враговъ. Представительное Національное Собраніе, въ которомъ господствовала буржуазія, стремилось не къ полному народовластію, а лишь къ совластію имущихъ классовъ. Эти классы не желали политическаго равноправія и стремились ограничить избирательное право, явно посягая на права народа. Противъ этихъ посягательствъ возстали не только крайніе, но и умѣренные демократы. Права народа были уже провозглашены Національнымъ Собраніемъ. «Декларація Правъ Человѣка и Гражданина» гласила: «Начало самодержавія народа заключается въ народѣ. Никакая общественная организація, никакая личность не можетъ пользоваться властью, которая бы не исходила нарочно для того изъ самого народа» (Статья 3-я «Декларація Правъ» 1789 г.). Но эти права народа не только не были осуществлены, но были даже попраны буржуазіей, которая вмѣсто самодержавія народа организовала представительное самодержавіе революціоннаго буржуазнаго парламента. Противъ этого представительнаго самодержавія возставали всѣ искренніе демократы и друзья народа, начиная съ жирондистовъ и Кондорсе и кончая монтаньярами. Революціонная «Гора» обрушилась на конституціонную «Равнину», или «Болото», и своею массою раз-

давила не только короля, но и жирондистовъ, пытавшихся спасти короля отъ насильственной смерти. Вооруженные парижскіе рабочіе требовали демократической республики. И проектъ демократической конституціи, набросанный рукою благороднаго Кондорсе и нѣсколько видоизмѣненный якобинцами, былъ принятъ въ 1793 г. революціоннымъ Конвентомъ и французскимъ народомъ.

Демократическая конституція 1793 г. передавала верховную власть непосредственно въ руки большинства французскихъ гражданъ-избирателей, въ руки большинства первичныхъ избирательныхъ собраній, въ руки самого французскаго народа.

Демократическая конституція 1793 г. провозглашала верховное право народнаго большинства и волю его она объявляла основнымъ закономъ. Демократическая конституція 1793 г. смотрѣла на законъ глазами самого Руссо, который говорилъ: «Всякій законъ, не утвержденный непосредственно самимъ народомъ, не есть законъ... Народъ, подчиняющійся законамъ, долженъ быть и ихъ творцомъ».

Въ іюлѣ 1793 г., принятая Конвентомъ демократическая конституція была передана на голосованіе всего французскаго народа. Она была принята имъ подавляющимъ числомъ голосовъ. Но въ это время классовая и партійная борьба за власть превратилась въ настоящую гражданскую войну. Такъ было въ городахъ, въ особенности въ самомъ Парижѣ. А въ селахъ и мѣстечкахъ происходили возстанія политически безсознательныхъ крестьянъ, коснѣвшихъ во тьмѣ невѣжества и совсѣмъ непонимавшихъ, что происходитъ въ городахъ. Повсюду шла борьба враждующихъ другъ съ другомъ классовъ, ожесточенная борьба партій, ненавидѣвшихъ другъ друга. Французское общество, объединившееся въ самомъ началѣ революціи, совершенно раскололось и распалось. Борющіяся партіи всячески стремились обезкровить и обезглавить другъ друга. Убійственное изобрѣтеніе революціи, орудіе узаконеннаго убійства, гильотина, этотъ механическій станокъ, пускаемый въ ходъ рукою палача, безъ устали работалъ, часто рубя головы са-

мыхъ лучшихъ гражданъ, не разбирая ни правыхъ, ни лѣвыхъ, ни виновныхъ, ни невинныхъ. Для хорошо наточеннаго лезвія смертоносной гильотины всѣ граждане были однимъ и тѣмъ же тѣломъ, которое надо было, во что бы то ни стало, обезглавить. Такъ были обезглавлены сперва король и его приверженцы, не успѣвшіе или не желавшіе бѣжать. Потомъ были возведены на эшафотъ и жирондисты, эти французскіе конституціоналисты-демократы. Послѣ нихъ начала обезглавливаться и вся революціонная «Равнина», съ возвышавшимся надъ ней Дантономъ. На «Равнину» двигалась «Гора», олицетворяемая Робеспьеромъ. Лѣвые казнили правыхъ, крайніе—умѣренныхъ. Робеспьеръ казнилъ Дантона, который былъ истинной душою революціи.

Дантонъ былъ жертвой Робеспьера и «Горы», которымъ онъ предсказалъ ихъ неизбѣжную судьбу. «Они не долго будутъ пользоваться плодами своей преступной побѣды», воскликнулъ Дантонъ, обращаясь къ революціонному трибуналу, организованному приверженцами Робеспьера. «Я увлекаю за собою Робеспьера... Робеспьеръ послѣдуетъ за мной». Эти вѣщія слова осужденнаго вождя французскаго народа сбылись въ точности и очень даже скоро.

Робеспьеръ казнилъ Дантона и торжествовалъ побѣду. Онъ думалъ, что, начиная эпоху революціоннаго террора и обезглавливая «Равнину» революціи, онъ укрѣпляетъ «Гору» и этимъ спасаетъ и углубляетъ революцію, ведетъ демократію къ осуществленію демократической республики, къ осуществленію демократическихъ началъ, провозглашенныхъ сампмъ Руссо, водетъ Францію къ конечному торжеству народной воли, разума и свободы. Робеспьеръ жестоко ошибался. Вмѣсто народной воли онъ водворилъ свою и то лишь на нѣсколько десятковъ дней. Вмѣсто демократической республики онъ осуществилъ лишь собственную диктатуру. Вмѣсто углубленія революціи, онъ лишилъ ее ея послѣднихъ силъ. Вмѣсто спасенія республики онъ лишь приблизилъ роковой ея конецъ.

Ослѣпленный революціоннымъ фанатизмомъ, Робеспьеръ своей кровавой диктатурой оттолкнулъ отъ себя даже многихъ

своихъ сторонниковъ. Его открыто называли тираномъ. Враги его не дремали. Подъ ихъ вліяніемъ противъ Робеспьера возсталъ тотъ самый революціонный Конвентъ, который предалъ Дантона Робеспьеру. Теперь пришла очередь Робеспьера. Обвиняемый, подобно Дантону, Робеспьеръ отчаянно защищался передъ Конвентомъ. Онъ защищался, говоря съ пѣной у рта, задыхаясь отъ волненія и гнѣва, а ему кричали, что его душитъ кровь Дантона.

Слова Дантона сбылись въ точности. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ его казни, какъ за Дантономъ и его друзьями послѣдовалъ Робеспьеръ со своими приверженцами. Схваченный своими врагами въ самомъ Конвентѣ, Робеспьеръ воскликнулъ: «Республика погибла!». Онъ даже и не догадывался, отъ чего она погибла и кто наиболѣе способствовалъ ея гибели. Онъ не понималъ, что революція захлебнулась въ собственной крови, что республика погублена рознью и братоубійственной борьбой создавшихъ ее революціонныхъ силъ. Робеспьеръ не былъ способенъ понять основную мысль ученія Руссо объ общественномъ договорѣ. Напрасно считалъ онъ Руссо своимъ учителемъ. Не въ борьбѣ, а въ соглашеніи общественныхъ силъ лежало спасеніе революціи, завоеванныхъ ими сообща свободъ и обезпеченіе дальнѣйшаго существованія республики.

Но во Франціи въ моментъ казни Дантона уже нечего было и говорить о какомъ-либо соглашеніи общественныхъ силъ, партій и классовъ. А такого могущественнаго, господствующаго класса, который одинъ могъ бы захватить всю верховную общественную власть исключительно въ собственныя руки, не существовало. Буржуазія была разбита на борющіяся группы и обезсилена. Рабочій классъ не имѣлъ достаточной силы, чтобы господствовать. Безсиліе общества и самоуничтоженіе революціонной демократіи дѣлали возможною диктатуру всякаго политическаго самозванца, который сумѣлъ бы воспользоваться взаимообезсиленіемъ общественныхъ силъ и, заручившись сочувствіемъ той или другой изъ нихъ, утвердить свою личную власть надъ всѣми. Возможность диктатуры

доказалъ уже Робеспьеръ. Правленіе Робеспьера, несмотря на его кратковременность, очень наглядно показало, что верховная общественная власть неосуществима тамъ, гдѣ, съ одной стороны, недостижимо никакое соглашеніе борющихся классовъ, а съ другой — не существуетъ класса, способнаго господствовать надъ всѣми остальными. Тамъ, гдѣ не имѣется ни того, ни другого изъ этихъ двухъ необходимѣйшихъ условій существованія республики, тамъ противообщественная диктатура такъ же неизбѣжна, какъ не возможна верховная общественная власть. Послѣдующія событія должны были это подтвердить. И они подтвердили это самымъ убійственнымъ для республики образомъ. За революціонной диктатурой, терроромъ и казнью Робеспьера послѣдовало правленіе директоріи. За директоріей послѣдовала диктатура трехъ самозванныхъ консуловъ, однимъ изъ которыхъ былъ Наполеонъ.

4. Классовая рознь, Наполеонъ и новая монархія.

Директорія, утвердившаяся во Франціи въ 1795 г., должна была править страной съ помощью олигархическихъ совѣтовъ. Совѣты эти уже не были революціонны. Революція очевидно уже изжила себя. Въ 1796 г. произошелъ заговоръ Бабефа и возстаніе «равныхъ» противъ захватчиковъ народныхъ правъ. Это было послѣднее возстаніе демократовъ во имя свободы, равенства и лучшаго будущаго французскаго народа. «Равные» Бабефа требовали осуществленія демократической конституціи 1793 г. и коренныхъ общественныхъ преобразованій. Но добиться удовлетворенія своихъ требованій сторонники Бабефа, конечно, не могли. Какъ общественная сила, они были безсильны даже противъ директоріи. Возстаніе «равныхъ» было подавлено безъ всякаго труда, и они погибли. Впрочемъ, и директорія едва держалась, имѣя противъ себя контръ-революціонные совѣты. Франція въ это время вела войну съ контръреволюціонной коалиціей монархическихъ правительствъ всей Европы. Вождемъ французскихъ войскъ былъ побѣдоносный революціонный генералъ Наполеонъ Бонапартъ. Онъ защищалъ республику и ниспровергалъ монархіи. Но уже внутри

самой Франціи подготавливалась монархія. Монархическая агитація уже шла по всей странѣ. Ея успѣху благопріятствовало утомленіе народа, обезсиленнаго междоусобною борьбой. Бонапартъ, прекрасно видѣвшій все это, скоро понялъ, какъ можетъ онъ воспользоваться обстоятельствами. Видя, что пришло время дѣйствовать, онъ объявилъ своимъ солдатамъ, что хочетъ спасти Францію отъ междоусобій. «Солдаты», говорилъ Наполеонъ, «я велъ васъ къ побѣдѣ... я думалъ, что Совѣтъ Пятисотъ спасетъ отечество; но онъ занимается междоусобіемъ... Могу ли я разсчитывать на васъ?». Отвѣтомъ было: «Да здравствуетъ Бонапартъ». 18 брюмера XIII года революціи (9 ноября 1799 г.) Бонапартъ приказалъ своимъ солдатамъ разогнать олигархическій Совѣтъ. Негодующіе крики его членовъ были заглушены шумомъ барабановъ, и на слѣдующій день законодательнаго собранія республики уже не существовало. Чтобы соблюсти приличія республиканизма, Наполеонъ объявилъ себя первымъ консуломъ республики. На самомъ дѣлѣ онъ былъ ея окончательнымъ могильщикомъ.

Но недолго первый консулъ соблюдалъ республиканскія приличія. Бонапартъ рѣшилъ носить республиканскую личину лишь до тѣхъ поръ, пока не заручится достаточною силой для окончательнаго осуществленія своихъ монархическихъ стремленій. Такой силой могъ быть классъ, который не былъ достаточно силенъ, чтобы быть въ состояніи исключительно собственными силами обезпечить свои общественныя выгоды, и потому естественно готовъ былъ поддерживать того, отъ кого могъ ждать помощи въ этомъ отношеніи. Таково, между прочимъ, было французское духовенство, вліяніе котораго было очень сильно во многихъ сельскихъ мѣстностяхъ Франціи.

Для того, чтобы воспользоваться общественной поддержкой католическаго духовенства, Наполеонъ рѣшилъ заключить союзъ съ папою. Въ 1801 году онъ его осуществилъ. Въ Парижѣ и въ Римѣ былъ подписанъ Конкордатъ будущаго императора съ папою. Соглашеніемъ съ папой французское духовенство передавалось Наполеону, въ рукахъ котораго оказывалась такимъ образомъ значительная общественная сила.

Но, чтобы держать въ рукахъ эту общественную силу и заставить ее служить своимъ цѣлямъ, диктатору необходимо было быть еще сильнѣе и имѣть еще большую собственную силу. Съ этой цѣлью въ 1802 году Наполеонъ учредилъ особую іерархическую военную организацію подъ названіемъ «Почетный Легіонъ». Орденъ Почетнаго Легіона долженъ былъ состоять изъ 15 когортъ пожизненныхъ членовъ. Это была настоящая военная іерархія, пожизненнымъ главой которой былъ самъ Наполеонъ. Организуя Орденъ Почетнаго Легіона, Наполеонъ думалъ создать нѣчто въ родѣ новаго дворянства, которое одновременно было бы и его личною и общественною силою, готовою поддерживать своего главу противъ всего остального общества.

Разложившееся французское общество было уже въ достаточной степени подавлено и обезсилено. Наполеону оставалось только умѣло властвовать надъ нимъ, пользуясь существующими классовыми противорѣчіями, согласно правилу «раздѣляй и властвуй».

Чтобы упрочить свое господство и придать ему самый законный видъ, Наполеонъ рѣшилъ сдѣлать своимъ послушнымъ орудіемъ народныя массы, воспользовавшись ихъ политическимъ невѣжествомъ и жаждой порядка. Для утвержденія своего господства Наполеонъ рѣшилъ воспользоваться всенароднымъ голосованіемъ, будучи увѣренъ, что малосознательныя сельскія массы, составлявшія большинство французскаго населенія, будутъ голосовать, какъ укажетъ имъ, поддерживающее диктатора, духовенство, а въ городахъ проявятъ достаточное умѣніе и дѣятельность его собственные сторонники и агенты.

Въ августѣ 1802 года на открытое голосованіе французскаго народа былъ поставленъ вопросъ о провозглашеніи Наполеона Бонапарта несмѣняемымъ, пожизненнымъ консуломъ. Наполеону недоставало теперь только императорскаго титула. Раболѣпствующее законодательное собраніе и сенатъ были готовы поднесть его Наполеону. И въ маѣ 1804 года это совершилось. Имперія была провозглашена. Самъ папа прибылъ

изъ Италіи въ Парижъ, чтобы помазать главу новой династіи. Однимъ словомъ, на почвѣ полнаго обезсиленія общества безысходно междоусобною классовой борьбой, при совершенно новыхъ условіяхъ и обстоятельствахъ времени и мѣста, повторилась новая исторія съ Цезаремъ, подобная той, которая когда-то случилась въ древнемъ Римѣ.

Правда, Наполеону императору не удалось удержаться на престолѣ до конца своей жизни. Но это была уже не его вина. Причиной были внѣшнія событія. Противъ Наполеона вооружилась вся Европа. Противъ Французской имперіи составилась подъ руководствомъ Англіи, общеевропейская коалиція. Начались знаменитыя наполеоновскія войны, истинный смыслъ которыхъ заключался въ рѣшеніи историческаго мірового вопроса: Франціи или Англіи должно принадлежать первенство въ ближайшей міровой исторіи? Въ лицѣ европейской коалиціи побѣдила Англія, рѣшившая судьбу Наполеона. Низвергнутый съ императорскаго трона, Наполеонъ былъ заключенъ англичанами на островъ св. Елены. Все это имѣло громадное значеніе для Франціи, въ особенности для ея мірового положенія. Однако, даже и крушеніе Французской имперіи не измѣнило естественнаго хода дальнѣйшей политической исторіи Франціи. Возстановленіе Бурбоновъ на мѣстѣ Наполеона показало, что монархія, олицетворяется ли она въ личности самозваннаго диктатора, помазаннаго императора, или наслѣдственнаго короля, безразлично, бываетъ одинаково и всюду неизбѣжна, когда не имѣется необходимыхъ условій для существованія республики. Властвованіе Наполеона, такъ же хорошо, какъ и возстановленіе Бурбоновъ, показало, что, пока во Франціи политическое соглашеніе враждебныхъ классовъ и партій оставалось недостижимымъ и одновременно не существовало такого могущественнаго класса, который былъ бы достаточно силенъ, чтобы захватить власть въ странѣ въ собственныя руки на сколько-нибудь продолжительное время, республика оказывалась невозможной и монархія неизбѣжной.

Но тѣ же самыя условія классовой борьбы, которыя въ данный моментъ не допускали существованія во Франціи рес-

публики, обусловливали и существованіе монархіи. Монархія тоже могла существовать во Франціи лишь до тѣхъ поръ, пока соглашеніе враждующихъ классовъ или, представлявшихъ ихъ, политическихъ партій оставалось недостижимымъ и въ то же самое время не существовало класса, который могъ бы въ собственныхъ рукахъ обобществить противообщественную монархическую власть.

5. Революція 1848 г. и 2-я республика. Классовая борьба и паденіе 2-й республики.

Однако монархія Бурбоновъ, возстановленная иноземною рукою, не умѣла властвовать даже надъ обезсиленнымъ французскимъ обществомъ. Буржуазно-династическая революція 1830 г. низвергла одного Бурбона, чтобы посадить другого, болѣе соотвѣтствующаго общественнымъ выгодамъ и политическимъ стремленіямъ буржуазіи. Революція 1848 года, совершенная буржуазіей съ помощью рабочаго населенія Парижа, показала, что даже временное соглашеніе буржуазіи съ рабочимъ классомъ дѣлаетъ монархію невозможною, а республику осуществимою. Буржуазно-демократическая революція 1848 года привела къ провозглашенію во Франціи второй республики. Французская буржуазія захватила власть, а рабочимъ предоставила всеобщее избирательное право. Но это право было только правомъ на участіе въ заполненіе пустующихъ креселъ буржуазнаго парламента. Французскіе рабочіе, конечно, не были этимъ удовлетворены. Принявъ дѣятельное участіе въ революціи, они естественно стремились къ бо́льшему. Они требовали такихъ общественныхъ преобразованій, которыя обезпечили бы имъ право на болѣе достойное человѣческое существованіе. Слѣдуя соціалистическимъ вождямъ, они требовали государственнаго обезпеченія труда. Ліонскіе рабочіе еще въ 1834 году писали на своихъ знаменахъ: «Жить работая или умереть сражаясь»! И парижскіе рабочіе въ 1848 году дѣйствительно сражались не только за республику, но и за права труда, за свою человѣческую жизнь. Среди нихъ въ это время уже распространялись мысли о необходи-

мости обобществленія орудій производства, рабочіе привѣтствовали соціалистическія идеи Луи Блана. Коммунистическій манифестъ тоже былъ уже провозглашенъ, еще за годъ до французской революціи 1848 года, которая въ свою очередь вызвала революціонную бурю почти по всей Европѣ. Рабочіе призывались къ классовой борьбѣ за полное освобожденіе труда отъ гнета капитала. Рабочая демократія уже неразрывно связывалась съ соціализмомъ, превращаясь въ соціалистическую демократію, соціалъ-демократизмъ. А французская буржуазія, стремясь подорвать среди рабочихъ вліяніе соціалистическаго демократизма Луи Блана, устраивала для нихъ свои собственныя національныя мастерскія по образцу рабочихъ домовъ. Все это быстро разрушило то соглашеніе противныхъ другъ другу классовъ, которое обезпечило успѣхъ революціи 1848 года и создало Вторую французскую республику.

Можно сказать, что уже на другой день послѣ провозглашенія второй республики, созданной соединенными силами двухъ враждебныхъ классовъ, между ними вспыхнула вражда, которая неизбѣжно должна была привести къ гражданской войнѣ и лишить республику необходимѣйшаго условія ея дальнѣйшаго существованія. Боевое красное знамя соціалистовъ было уже развернуто, но требованія рабочихъ не были удовлетворены. Болѣе того, въ этомъ отношеніи даже были сдѣланы нѣкоторые шаги назадъ, вопреки даннымъ обѣщаніямъ правительства и ожиданіямъ рабочихъ. Дѣло кончилось вооруженнымъ возстаніемъ рабочихъ, которое было подавлено въ крови въ памятные іюньскіе дни 1848 года генераломъ Кавеньякомъ. Много рабочихъ было перебито. 11.000 было захвачено войсками и брошено въ тюрьмы. Временное буржуазное правительство рѣшило сослать ихъ на каторгу. Оно стремилось раздавить рабочую и соціалистическую демократію.

Теперь, послѣ кровавой побѣды надъ рабочими, казалось, буржуазія могла свободно организовать собственную власть. Учредительное собраніе рѣшило осуществить провозглашенную буржуазную, парламентскую республику съ парламентомъ, изби-

раемымъ всеобщимъ голосованіемъ и съ президентомъ во главѣ, избираемымъ такимъ же способомъ, непосредственно народомъ. Кандидатами въ президенты намѣчались: побѣдитель рабочихъ, генералъ Кавеньякъ, Луи-Наполеонъ, Ледрю-Ролленъ, Ламартинъ, Распайль. Кавеньякъ былъ выставленъ кандидатомъ господствующей буржуазной партіей. Ледрю-Ролленъ — подавленною соціалистическою рабочей демократіей. Луи-Наполеонъ самъ выставлялъ себя, но онъ, подобно Наполеону I, поддерживался духовенствомъ и монархистами. Казалось, побѣда на выборахъ должна бы была быть обезпечена кандидату побѣдоносной буржуазіи, Кавеньяку. Но онъ былъ въ крови рабочихъ, а крестьяне голосовали по указкѣ духовенства. А духовенство было противъ республиканской партіи. Выборы, произведенные при подобныхъ обстоятельствахъ подавленнаго междоусобія, кончились побѣдой не буржуазнаго, а монархическаго кандидата. Рабочіе отомстили, какъ умѣли. Кавеньякъ не получилъ ихъ голосовъ. И въ президенты былъ избранъ не Кавеньякъ, а Наполеонъ. Но возглавленіе буржуазной республики не республиканцемъ, а монархистомъ-бонапартистомъ, роднымъ племянникомъ Наполеона I, стремившимся быть продолжателемъ его, предвѣщало крушеніе республики, терявшей почву подъ ногами.

6. Классовая рознь и новый Наполеонъ.

Выборы, произведенные черезъ полъ-года послѣ подавленія возстанія рабочихъ, показали хорошо дѣйствительное соотношеніе общественныхъ силъ во Франціи, а равно и настроеніе рабочихъ и крестьянскихъ массъ. Наполеонъ получилъ 5.434.226 голосовъ, а Кавеньякъ—только 1.498.000. Рабочіе отвертывались отъ политики. Ихъ кандидатъ получилъ менѣе 400.000 голосовъ. А буржуазія безъ помощи рабочихъ была безсильна господствовать въ странѣ крестьянъ, находящихся подъ вліяніемъ земельныхъ собственниковъ и духовенства

Наполеонъ, избранный непосредственно, хотя политически и мало сознательными народными массами, могъ торжество-

вать свою побѣду. Онъ могъ вполнѣ воспользоваться всѣми плодами взаимообезсиливающей классовой борьбы, всѣми плодами подавленія рабочихъ буржуазіей, недостаточно сильной, чтобы господствовать вполнѣ самостоятельно. Анти-республиканская партія Бонапарта росла быстро. Всѣ монархисты и сторонники «порядка» считали его своимъ. И второй Наполеонъ, прозванный третьимъ, рѣшилъ дѣйствовать по примѣру I-го. Первое, чего онъ хотѣлъ добиться, было: заставить законодательное собраніе признать себя президентомъ несмѣняемымъ, пожизненнымъ. Встрѣтивъ въ этомъ отношеніи сопротивленіе въ собраніи народныхъ представителей, избранныхъ отдѣльными избирательными округами, Наполеонъ, избранный одновременно всѣми округами Франціи, и потому выступая съ еще бо́льшимъ правомъ дѣйствительнымъ представителемъ всего французскаго народа, началъ дѣйствовать рѣшительно и пустилъ въ ходъ всю ту силу, какая была въ его рукахъ. Онъ далъ необходимыя указанія своимъ агентамъ и намѣстникамъ — префектамъ и обратился къ своимъ солдатамъ. Вождей республиканской буржуазіи и представительнаго собранія онъ арестовалъ. Дѣятельныхъ сторонниковъ республики, какіе только были извѣстны его агентамъ и префектамъ, онъ обезвредилъ съ помощью послѣднихъ, лишивъ свободы. Всего было арестовано во Франціи около 100.000 человѣкъ,—число людей, вполнѣ достаточное, чтобы обезсилить и подавить буржуазно-республиканскую партію. Освободившись отъ ея возможнаго вліянія на народное голосованіе, Наполеонъ рѣшилъ предложить себя французскому народу въ качествѣ императора. Народное голосованіе, произведенное подъ давленіемъ бонапартистовъ, сторонниковъ Наполеона, его префектовъ, при участіи солдатъ, дало 7.481.280 голосовъ въ пользу признанія Наполеона императоромъ. Только 647.292 человѣка осмѣлилось сказать «нѣтъ». Нагляднѣйшее доказательство бонапартистскаго террора и слабости гражданскихъ чувствъ среди разъединеннаго малосознательнаго и распыленнаго французскаго народа.

Теперь Наполеонъ уже не только торжествовалъ, но и

царствовалъ. Свое самовластіе онъ построилъ на той же противо-общественной основѣ раздѣленія общественныхъ силъ, какъ и Наполеонъ I-ый. Это было новое повтореніе старой тиранической политики, всегда и всюду выражавшейся одними и тѣми же избитыми словами: «раздѣляй и властвуй». Наполеонъ III-й усвоилъ себѣ ее очень хорошо. Политически подавленной буржуазіи онъ крикнулъ въ утѣшеніе: «обогащайтесь!». Солдатъ онъ самъ вознаградилъ. Крестьяне не были въ это время дѣйственною политическою силою и потому съ ними можно было не считаться. Рабочіе оставались всячески подавлены. Политическая свобода была сведена на-нѣтъ.

Однако для спокойствія Наполеона кое-чего не доставало. Общественнаго довѣрія къ нему не существовало вовсе. Наполеону не довѣряло даже духовенство, буржуазія его боялась, рабочіе ненавидѣли. И несмотря на все это, всѣ подчинялись Наполеону. Подчинялись ему изъ ненависти другъ къ другу и изъ-за невозможности взаимнаго политическаго соглашенія. Благодаря всему этому, надъ обществомъ, распавшимся на классы, раздѣленные взаимною враждой, несмотря на всеобщее недовѣріе и ненависть, властвовалъ политическій проходимецъ, императорствовалъ Наполеонъ III-ій, пока и его не постигла судьба Наполеона I-го.

7. Коммуна и буржуазная республика и законъ классовой борьбы.

Подобно первому Наполеону, второй Наполеонъ палъ подъ давленіемъ внѣшней силы. Онъ былъ побѣжденъ объединившейся, монархической Германіей, съ которою онъ вовлекъ Францію въ войну. Въ 1871 году при Седанѣ вмѣстѣ со своею арміей Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ нѣмцами. Въ Парижѣ снова была провозглашена республика. И немедленно послѣ ея провозглашенія снова вспыхнула гражданская война, прерванная диктатурою Наполеона. Начавшаяся въ Парижѣ гражданская война показала, что политическое соглашеніе между борющимися классами по-прежнему оставалось недостижимымъ и совластіе буржуазіи и рабочихъ

невозможно. Взаимная вражда этихъ двухъ классовъ дошла до того, что правительство, организованное крупною и среднею буржуазіей, было принуждено пребывать въ Версали, а мелкобуржуазная и рабочая демократія завладѣла Парижемъ и провозгласила столицу независимой коммуной, городскою общиной, подобно древней или средне-вѣковой городской республикѣ. Но время независимыхъ городскихъ республикъ давно уже прошло. Судьбу французскаго народа въ этотъ моментъ не могъ рѣшить одинъ Парижъ. Ее должна была рѣшить вся Франція, притомъ еще подъ давленіемъ германскаго правительства, стремившагося всячески воспользоваться классовой борьбой и гражданскою войной во Франціи для того, чтобы сокрушить ее и сдѣлать Францію своею военною добычей.

Парижская Коммуна, страдающая внутреннею рознью и потому безсильная, совершенно неспособная къ наступательной борьбѣ и потому принужденная лишь обороняться, неизбѣжно должна была быть побѣждена всякимъ рѣшительно наступающимъ врагомъ. Чистое оборончество совершенно несостоятельно въ каждой рѣшительной борьбѣ. Оборончество, отвергающее наступленіе, существуетъ лишь недостаткомъ внѣшняго давленія и нерѣшительностью нападенія. Само по себѣ оборончество бездѣйственно, пассивно и потому безплодно и политически несостоятельно. Это наглядно показала Парижская Коммуна, безвластная внутри Парижа и безсильная, почти несуществующая внѣ его.

Парижская Коммуна самоотверженно оборонялась. Но ни соціалистическіе идеалы, ни политическое благородство, ни мужество отчаянія ея приверженцевъ не могли ее спасти. Коммунѣ недоставало главнаго: жизненной дѣйственности, осуществимой цѣли и организованности. Парижская Коммуна не смогла, какъ слѣдуетъ, защищаться даже отъ версальцевъ. Спасать Францію Коммуна, можно сказать, не пыталась. Ея «внѣшняя» политика ограничилась попытками установить коммуну въ нѣкоторыхъ городахъ: Лионѣ, Крезо, С.-Этьенѣ, Тулузѣ, Нарбонѣ и Марсели. Но это была не Франція и не спасеніе ея отъ внѣшняго врага.

Франція была предоставлена самой себѣ, буржуазному правительству и нѣмцамъ, а Парижская Коммуна раздавлена въ собственной крови буржуазнымъ версальскимъ правительствомъ, дѣйствовавшимъ во имя спасенія родины отъ иноземнаго врага. Правительственныя войска, ворвавшись въ неумѣло защищаемую столицу, разстрѣливали коммунаровъ почти на глазахъ злорадствующихъ нѣмцевъ. Коммунары не были способны оказать даже должнаго сопротивленія. Ихъ вожди были перебиты. На улицахъ Парижа было подобрано 17.000 труповъ. Настоящее число жертвъ осталось неизвѣстнымъ. Число плѣнныхъ, оставленныхъ въ живыхъ, достигло 40.000. Число арестовъ было очень велико. Число оговоренныхъ превышало 300.000. Изъ числа осужденныхъ болѣе 7.000 было сослано на каторгу. Своей расправою съ Парижскою Коммуной буржуазія на этотъ разъ наглядно показала себя. Но въ этотъ ужасный моментъ она оказалась классомъ, способнымъ не только подавить рабочихъ и мелкую буржуазію столицы, но и организовать національную оборону и отстоять буржуазную республику, несмотря на всевозможные происки монархистовъ.

Организованная Національнымъ Собраніемъ 1875 г., третья французская республика оказалась парламентскимъ самодержавіемъ буржуазіи. Очевидно, буржуазія стала уже на самомъ дѣлѣ классомъ, достаточно сильнымъ, чтобы властвовать въ странѣ вполнѣ самостоятельно.

Должность президента, избираемаго главы государства, была сохранена, какъ извѣстная уступка монархистовъ, едва-ли не преобладавшимъ въ Національномъ Собраніи. Но право избранія президента было предоставлено не народу, а буржуазному парламенту, и этимъ еще болѣе была обезпечена власть буржуазіи. Вся власть была теперь въ рукахъ буржуазіи, которая оказалась на этотъ разъ вполнѣ способной организовать на почвѣ своего классоваго господства классовую буржуазную республику. Лучшее доказательство того, что республика возможна и осуществима только тамъ, гдѣ или достижимо

политическое соглашеніе классовъ, или полное господство одного изъ нихъ надъ всѣми остальными.

Такъ водворилась во Франціи парламентская олигархія буржуазіи. Но она могла господствовать въ странѣ безраздѣльно лишь до тѣхъ поръ, пока рабочій классъ оставался подавленнымъ и неспособнымъ оказать сопротивленіе, и не выступали сколько-нибудь рѣшительно другія вліятельныя общественныя группы, какою, напримѣръ, были собственники земли. Вотъ почему, когда во Франціи подняли голову эти элементы и наряду съ соціалистическимъ рабочимъ движеніемъ передъ буржуазными республиканцами появилась и такъ-называемая клерикальная опасность, буржуазія увидѣла себя вынужденной пойти на нѣкоторыя уступки рабочему классу и искать его поддержки посредствомъ соглашенія съ соціалистами. Прежней чисто-классовой политики буржуазіи пришелъ конецъ, и наиболѣе сознательные и ясновидящіе представители ея заговорили о политическомъ сотрудничествѣ и общественной солидарности всѣхъ классовъ. На этой почвѣ создалось особое соціально-политическое ученіе, получившее названіе солидаризма, которое стало руководящимъ началомъ дальнѣйшей національной политики французской буржуазіи.

Такимъ образомъ и во Франціи, несмотря на развитіе въ ней такъ-называемаго революціоннаго синдикализма и анархо-синдикалистскаго движенія, осуществилось извѣстное соглашеніе классовъ, которое и легло въ основу дальнѣйшаго существованія республики.

Такимъ образомъ и Франція, какъ и Англія, можетъ служить не менѣе убѣдительнымъ примѣромъ и доказательствомъ того политическаго значенія, какое имѣетъ въ каждой странѣ борьба и соглашеніе классовъ для существованія какъ политической свободы и республики, такъ и монархіи.

Англія, правда, будучи парламентской олигархіей землевладѣльцевъ и ихъ парламентскимъ совластіемъ съ буржуазіей, оставалась монархіей по внѣшней формѣ своей конституціи. Но не слѣдуетъ обманываться этою внѣшнею монархическою формою англійскаго представительнаго, парламент-

скаго государства, въ основѣ котораго давно уже лежитъ то политическое соглашеніе классовъ, которое во Франціи достигнуто только вчера.

Какъ это будетъ показано въ надлежащемъ мѣстѣ, Англія, на самомъ дѣлѣ, есть коронованная республика съ нѣкоторымъ монархическимъ довѣскомъ, сохранившимся отъ прежнихъ временъ. И развитіе свободной гражданственности въ Англіи, какъ и во Франціи, Италіи, Венгріи, Польшѣ, равно какъ и двоякое значеніе классовой борьбы, какъ въ этихъ странахъ, такъ и въ Австріи, Германіи и Россіи, одинаково наглядно подтверждаютъ одинъ и тотъ же всемірно-историческій и соціологическій законъ, который гласитъ:

„**Политическая свобода осуществима лишь на почвѣ общественнаго соглашенія классовъ. А республика возможна лишь при соглашеніи классовъ или при такомъ рѣшительномъ преобладаніи одного изъ нихъ надъ всѣми остальными, которое давало бы ему возможность политически господствовать надъ всѣми безраздѣльно, дѣйствовать за всѣхъ и выступать во имя всего общества, отъ имени всего народа.**

Этотъ законъ гласитъ, что тамъ, гдѣ такого всемогущаго класса нѣтъ и гдѣ политическое соглашеніе и совластіе различныхъ борющихся классовъ недостижимо, тамъ политическая свобода недостижима, республика не имѣетъ почвы и существовать не можетъ, ибо народъ, обезсиленный междоусобіемъ, и общество, парализованное безысходною классовой борьбою, всегда и всюду одинаково неизбѣжно становится добычей всякихъ самозванцевъ и тирановъ, захватчиковъ народныхъ правъ“.

Иначе сказать, безысходная классовая борьба, которая не можетъ кончиться ни соглашеніемъ борющихся классовъ, ни рѣшительной побѣдой одного изъ нихъ, всегда и всюду приводитъ народы къ ихъ обезсиленію, къ тиранніи, деспотіи, монархіи, т.-е. къ гибели гражданственности и политической свободы.

Борьба, кончающаяся рѣшительной побѣдой одного изъ борющихся классовъ, столь же неизбѣжно ведетъ къ организаціи безраздѣльнаго господства этого класса, къ классовой диктатурѣ и произволу, къ классовой республикѣ, которая несовмѣстима съ политическимъ равноправіемъ и настоящей политической свободой.

Одно только соглашеніе классовъ на почвѣ ихъ политическаго равноправія можетъ обезпечить гражданственность и дѣйствительную политическую свободу.

Настоящей основой свободной гражданственности можетъ быть лишь общественный договоръ, какъ сказали бы Локкъ и Руссо. Въ основѣ дѣйствительной политической свободы всегда и всюду лежитъ извѣстное политическое равноправіе и совластіе классовъ.

Безъ соглашенія и совластія классовъ не можетъ быть никакого политическаго равноправія, а безъ политическаго равноправія не можетъ существовать и политической свободы, равной для всѣхъ.

Отсюда, между прочимъ, должно быть понятно: насколько должна отличаться республика, основанная на политическомъ соглашеніи и совластіи классовъ, отъ республики, представляющей собой общественно-групповую тиранію одного изъ нихъ.

Поучительными и наглядными примѣрами въ этомъ отношеніи могутъ служить всѣ республики классической древности, эпохи Возрожденія и новѣйшаго времени. Всѣ онѣ порождаются соглашеніемъ классовъ и губятся раздѣленіемъ и безысходной борьбою общественныхъ силъ. Во всѣхъ ихъ политическая свобода держится соглашеніемъ классовъ и губится ихъ враждой и борьбою, которая, дѣлаясь безысходной, неизбѣжно приводитъ къ тираніи, деспотіи, монархіи. И обратно, монархія, основанная на раздѣленіи враждующихъ классовъ, взаимно-обезсиливающихъ другъ друга, существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока невозможно объединеніе общественныхъ силъ и политическое соглашеніе классовъ, что дѣлаетъ дальнѣйшее существованіе противообщественной тираніи невозможной

и такимъ образомъ уничтожаетъ одно изъ важнѣйшихъ условій существованія самодержавной монархіи.

Примѣръ Россіи въ этомъ отношеніи не менѣе поучителенъ, чѣмъ политическая исторія другихъ монархій.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Русская гражданственность и законъ классовой борьбы.

Все историческое прошлое не только русскаго, но и всѣхъ другихъ славянскихъ государствъ, показываетъ, что въ своемъ политическомъ развитіи они слѣдуютъ соціологическому закону борьбы и соглашенія классовъ не въ меньшей степени, чѣмъ всѣ другіе, когда-либо существовавшіе, народы міра.

Въ этомъ отношеніи судьба несчастной Польши такъ же поучительна, какъ и судьба Новгорода и Москвы.

Рѣчь Посполитая, польская шляхетская республика, ея политическія вольности, аристократическая ея гражданственность пали жертвой классовой борьбы и междоусобій. Эта классовая борьба и междоусобія такъ обезсилили польскую республику, что сдѣлали ее жертвой иноземнаго владычества и тираніи и довели не только до гибели политической свободы, но и до раздѣла страны между иноземными монархіями.

О судьбѣ новгородскаго народоправства, державшагося политическимъ соглашеніемъ различныхъ общественныхъ классовъ Новгорода и павшаго отъ руки Московскаго царя, благодаря безысходной и взаимно-обезсиливающей борьбѣ классовъ, уже говорилось выше. Теперь необходимо сосредоточить вниманіе на политической судьбѣ Московскаго государства.

Московское государство было создано московскими великими князьями. Оно было объединеніемъ феодализованныхъ княжескихъ земель подъ высокою властью, подъ державной рукой болѣе могущественнаго государя. Явленіе, совершенно однородное съ подобнымъ же образованіемъ англійскаго, французскаго и всѣхъ другихъ великихъ княжествъ и королевствъ.

Въ этихъ великихъ княжествахъ и королевствахъ князья и короли были нерѣдко князьями и королями лишь по названію. Тамъ, гдѣ процессъ феодализаціи приводилъ къ созданію крупнаго землевладѣнія, крупные, властительные землевладѣльцы, бароны, бояре и другіе сеньоры, очень часто господствовали надъ князьями и королями и превращали государство въ своего рода олигархическую республику землевладѣльческой аристократіи. Такъ, напр., было у насъ въ землѣ Галицкой. Галицкій лѣтописецъ свидѣтельствуетъ объ этомъ очень выразительно: «бояре галицкіе Данилу княземъ называли, а сами всю землю держали». То же самое было и въ Польшѣ.

Въ Москвѣ бояре точно такъ же имѣли большую силу. Не даромъ Дмитрій Донской называлъ ихъ не боярами, а «князьями земли» своей. Не даромъ такъ упорно боролся съ ними Иванъ Грозный. Вся его опричина была поглощена борьбой съ земщиной. Пользуясь классовой рознью бояръ, служилаго сословія, горожанъ и крестьянъ, Иванъ, не безъ сочувствія темнаго народа, казнилъ и истреблялъ бояръ. Онъ стремился сокрушить разъ навсегда аристократическое земское сословіе бояръ, господствовавшихъ въ Московскомъ государствѣ. Иванъ хотѣлъ утвердить свое царство, свое царское самодержавіе на костяхъ боярскаго сословія, ненавистной ему «земщины».

Но измѣнить ходъ развитія общества и его политической жизни, посредствомъ истребленія цѣлаго общественнаго класса, есть задача, непосильная даже для самыхъ могущественныхъ деспотовъ. И историческая судьба жестоко отомстила московскимъ царямъ за подобнаго рода безумную попытку.

При неудачныхъ преемникахъ Ивана Грознаго пришелъ чередъ господствовать боярамъ. Царемъ Ѳеодоромъ, сыномъ Ивана, правилъ бояринъ Годуновъ, опираясь на духовенство и служилое сословіе. Послѣ смерти Ѳеодора, Борису Годунову удалось добиться провозглашенія себя царемъ. Но попытка Бориса утвердить свое самодержавіе кончилась неудачно. Противъ Бориса Годунова боярами былъ выдвинутъ Дмитрій

Самозванецъ, настоящее происхожденіе котораго до сихъ поръ возбуждаетъ не мало сомнѣній.

Дмитрій Самозванецъ былъ царь, какого еще до того времени не видала русская земля. Умный и образованный, человѣкъ широкихъ взглядовъ, съ богатѣйшею иниціативой, мягкій и вмѣстѣ съ тѣмъ съ сильной волею, человѣкъ живого дѣла, не останавливающійся ни передъ какой трудной работой и подающій всѣмъ въ этомъ отношеніи личный примѣръ, Дмитрій былъ царемъ въ духѣ Петра Великаго и во многихъ отношеніяхъ можетъ быть названъ его настоящимъ предшественникомъ. Онъ былъ первымъ европейцемъ на московскомъ престолѣ. Онъ стремился сдѣлать Московское государство европейской державой. Но своимъ европеизмомъ, новшествами и преобразованіями Дмитрій возбудилъ противъ себя такое же недовольство господствующаго класса, какое потомъ возбудилъ и Петръ Великій подобными же преобразованіями. Недовольные царствованіемъ Дмитрія, бояре расправились съ нимъ, съ помощью князя Шуйскаго и обманутаго имъ темнаго народа.

Послѣ убіенія Дмитрія бояре временно правили государствомъ именемъ, избраннаго ими въ цари, Шуйскаго, власть котораго была ограничена боярской думой. Стремленіе Шуйскаго освободиться отъ ограниченій его власти господствующимъ классомъ привело къ его низверженію съ престола и къ такъ-называемой «Смутѣ», т.-е. къ великой общественной борьбѣ самыхъ различныхъ общественныхъ группъ Московскаго государства.

Разоренное и обезсиленное междоусобіемъ, Московское государство едва не погибло отъ внѣшняго врага, стремившагося воспользоваться борьбою классовъ, приведшей общество къ безвластію и безпорядку. Государство было спасено объединеніемъ городского и служилаго сословія, во имя спасенія родины отъ иноземной опасности и внутренней разрухи. Государство было спасено союзомъ городовъ и земства, объединившихъ вокругъ себя весь русскій народъ. Первыми плодами этого объединенія было созданіе народнаго ополченія и созывъ Земскаго Собора, собранія сословныхъ представи-

телей отъ всей русской земли, съ цѣлью спасенія страны отъ окончательной гибели. Окончательнымъ плодомъ этого общенароднаго, національнаго движенія было возсозданіе Московскаго сословнаго государства на его естественной и вполнѣ соотвѣтствующей ему основѣ общественнаго соглашенія сословій. Это общественное соглашеніе лежало въ основѣ земскихъ соборовъ московскихъ сословій, московскихъ генеральныхъ штатовъ или сословныхъ парламентовъ, которые собирались и раньше, но до этого были орудіемъ господства московскихъ государей, обращавшихся къ помощи представителей сословій лишь въ самую тяжелую минуту. Въ описываемое время Земскіе Соборы получили совершенно новое значеніе. Они обобществили въ рукахъ объединившихся сословій верховную власть Московскаго государства.

Временное правительство, создавшееся объединеніемъ городовъ и земли вокругъ Нижняго-Новгорода, созвало въ 1612 г. Великій Земскій Соборъ, который былъ собраніемъ представителей всѣхъ сословій Московскаго государства, включая и крестьянъ. Это было великодержавное представительство мѣстныхъ сословій, избранники которыхъ съѣхались въ освобожденную отъ поляковъ Москву со всѣхъ сторонъ русской земли, не исключая и далекой Сибири. Созванный еще въ ноябрѣ 1612 года, Земскій Соборъ былъ дѣйствительно всесословнымъ соборомъ всей русской земли и съ полнымъ правомъ представлялъ собой верховную общественную и политическую власть всего русскаго государства. Верховная власть этого Собора имѣла учредительное значеніе. Земскій Соборъ 1612—1613 г.г. былъ настоящимъ учредительнымъ собраніемъ, прямою задачей котораго было устроеніе русской земли и организаціи ея верховной власти. Избирая на престолъ новую династію царей, Соборъ 1612—1613 г.г. утвердилъ начало ограниченія царской власти народнымъ представительствомъ. Онъ положилъ начало условному избиранію царей на престолъ на основаніи обѣщанія и письменнаго условія— не нарушать политическихъ правъ и сословныхъ вольностей, достигнутыхъ объединеніемъ общественныхъ силъ. Даже и

избравъ царя, Всесословный Земскій Соборъ не расходился, но продолжалъ засѣдать, рѣшая сообща съ избраннымъ царемъ всѣ важнѣйшія государственныя дѣла.

1613, 1614 и 1615 годы, можно сказать, были настоящимъ совластвованіемъ сословій. То же самое можно сказать и о 1616, 1617 и 1618 годахъ, когда засѣдалъ новый земскій соборъ, созванный уже самимъ царемъ. Въ 1618 году этотъ земскій соборъ былъ распущенъ, но вмѣсто распущеннаго былъ созванъ новый земскій соборъ, который имѣлъ очень важное значеніе для устроенія русской земли. Этотъ земскій соборъ засѣдалъ до 1622 года.

Слѣдующее десятилѣтіе жизни Московскаго государства было новымъ десятилѣтіемъ постоянно созываемыхъ земскихъ соборовъ (1632—1634; 1636—1637; 1642—1643). Земскіе соборы продолжали собираться и въ царствованіе новаго царя, Алексѣя Михайловича, отца Петра Великаго. Земскій Соборъ, созванный Алексѣемъ въ 1648 году, рѣшилъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, обсудилъ, дополнилъ и утвердилъ, предложенное царемъ, Уложеніе. Этотъ Земскій Соборъ былъ созванъ въ годъ возстанія населенія Москвы, возмущеннаго своеволіемъ и вымогательствомъ бояръ, правившихъ по порученію царя. 1650 годъ былъ годомъ народныхъ возстаній въ Новгородѣ и Псковѣ, для умиротворенія которыхъ былъ созванъ неполный соборъ 1650 года. Въ 1651 году, во время возстанія украинцевъ противъ ига польской аристократіи, былъ созванъ новый земскій соборъ. Возстаніе Богдана Хмѣльницкаго и присоединеніе Украины привело къ войнѣ съ Польшей и къ непомѣрному обремененію податного и служилаго сословій Московскаго государства. На этой почвѣ произошелъ въ 1662 году новый мятежъ въ Москвѣ. Горожане возстали противъ бояръ. Готовилась гражданская война (Хованьщина). А въ 1670 году все государство было потрясено возстаніемъ закрѣпощенныхъ крестьянъ и недовольныхъ горожанъ подъ руководствомъ казака Степана Разина. Это была уже настоящая гражданская война сословій, между которыми въ данный моментъ невозможно

было никакое соглашеніе. Правда, возстаніе крестьянъ и горожанъ въ Московскомъ государствѣ было подавлено точно такъ же, какъ было оно подавлено въ свое время въ Англіи. И судьба Степана Разина не многимъ отличалась отъ судьбы Уота Тайлора.

Возстаніе крестьянъ и горожанъ противъ феодаловъ въ Англіи, происходившее во время распространенія денежнаго хозяйства и разложенія феодализма, свидѣтельствовало о томъ, что феодалы окончательно теряютъ подъ своими ногами почву для самостоятельнаго господства. Точно такое же значеніе имѣло и возстаніе крестьянъ и горожанъ и въ Московскомъ сословномъ государствѣ. Борьба сословій въ Англіи, какъ и во Франціи, какъ и во всѣхъ другихъ сословныхъ государствахъ, неизбѣжно привела къ взаимообезсиленію сословій и къ торжеству наслѣдственныхъ государей, спѣшившихъ воспользоваться взаимнымъ ослабленіемъ борющихся общественныхъ силъ.

На почвѣ раздѣленія сословнаго общества на враждующія сословія, на почвѣ розни борющихся классовъ и обезсиленія общества этой, безысходной въ то время, борьбой, водворилось въ Англіи самодержавіе Тюдоровъ, а во Франціи — самодержавіе Бурбоновъ. Подобная же безысходная борьба сословій въ Московскомъ государствѣ также неизбѣжно привела къ самодержавію Романовыхъ.

Въ лицѣ геніальнаго царя, Петра Великаго, преобразователя Московскаго государства въ Россійскую имперію, самодержавіе царей получило еще большую силу и значеніе, чѣмъ самодержавіе англійскаго «короля въ парламентѣ», большую властъ, чѣмъ просвѣщенный абсолютизмъ французскаго «короля-солнца».

Самодержавіе Петра Великаго, слѣдовавшаго по стопамъ до сихъ поръ еще не вполнѣ разгаданнаго Дмитрія Самозванца, было самодержавіемъ царя-революціонера, преобразователя исторической жизни своего народа, царя, не дорожившаго ради величія и лучшаго будущаго своей родины своей собственной жизнью.

Какъ извѣстно, преемники Петра Великаго были непохожи на великаго преобразователя. Ими правили временщики. Ихъ слабостью пользовались дворяне, поддерживавшіе царскую власть съ цѣлью сохраненія своихъ сословныхъ правъ и преимуществъ. Не будучи общественнымъ классомъ достаточно сильнымъ, чтобы захватить верховную власть въ собственныя руки, хотя и пытаясь сдѣлать это, россійское дворянство кончило тѣмъ же, чѣмъ кончало дворянское сословіе при подобныхъ же обстоятельствахъ во всѣхъ другихъ странахъ. Оно, какъ выражалась Екатерина II, царица дворянъ, сдѣлалось «опорою трона».

Царствованіе Екатерины ознаменовалось двумя политическими событіями, бывшими въ самой прямой связи другъ съ другомъ. Событія эти были: возстаніе закрѣпощенныхъ крестьянъ противъ господства и своеволія дворянъ и провозглашеніе сословныхъ вольностей дворянства. Опираясь на дворянъ, Екатерина правила россійскимъ государствомъ съ помощью своихъ любовниковъ-временщиковъ, слѣдуя политикѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Павелъ, пытавшійся положить конецъ вольностямъ россійскаго дворянства и осуществить неограниченную самодержавную власть, былъ убитъ собственными приближенными, и Александръ первый, внукъ Екатерины, былъ какъ бы ея продолжателемъ. Императоръ Николай I называлъ себя первымъ дворяниномъ и принужденъ былъ съ помощью военной силы подавлять все усиливавшіяся и учащавшіяся волненія крестьянъ, стремившихся къ раскрѣпощенію. Александръ II предпочелъ освободить ихъ сверху, чтобы они не освободили себя сами снизу. Царствованіе Александра II, прозваннаго «Освободителемъ», считается «эпохой великихъ реформъ», которыя, однако, способствовали скорѣе упроченію, чѣмъ ослабленію царской власти, такъ какъ реформы эти ослабляли господствующее дворянское сословіе и противопоставляли ему нарождавшуюся буржуазію, которая еще не могла имѣть силъ стать господствующимъ классомъ и потому была принуждена поддерживать царское правительство въ его противосословной политикѣ. Но эта

противосословная политика Александра II была вмѣстѣ съ тѣмъ и противообщественной. Доказательствомъ этого одинаково могутъ служить, какъ тѣ жестокія преслѣдованія, которымъ съ самаго начала царствованія стали подвергаться такіе представители общественнаго движенія, какъ Чернышевскій, Михайловъ, Щаповъ, Салтыковъ-Щедринъ и многіе другіе, такъ и, вызванное противообщественною политикой правительства, сильное революціонное движеніе. Александръ III, казалось, подавилъ освободительное движеніе и правилъ Россіей самодержавно, опираясь на дворянъ. Николай II пытался продолжать политику отца, несмотря на ростъ общественнаго недовольства и возникновеніе революціоннаго движенія среди рабочихъ и крестьянъ.

Позорная война съ Японіей за захватъ китайскихъ и корейскихъ земель усилила общественное недовольство, объединила самыя различныя общественныя группы въ ихъ политическихъ стремленіяхъ. Въ общественномъ движеніи 1905 года принимали участіе не только городскіе рабочіе и революціонная интеллигенція, но и достаточные классы, не исключая даже нѣкоторой части дворянства. Съѣздъ представителей земствъ 1905 года выработалъ опредѣленныя политическія требованія, цѣль которыхъ сводилась къ уничтоженію самодержавія и къ установленію въ Россіи представительнаго образа правленія. Стремленія царскаго правительства отдѣлаться несущественными политическими уступками привели къ всеобщей политической забастовкѣ, самое дѣятельное участіе въ которой приняли всѣ передовые слои русскаго общества. Подъ царизмомъ заколебалась почва и чувство самосохраненія вынудило Николая II издать манифестъ 17-го октября и «даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы, на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ». Манифестъ 17-го октября былъ, собственно говоря, настоящимъ отвѣтомъ на политическія требованія Земскаго Съѣзда. Повторяя ихъ, манифестъ какъ бы воплощалъ ихъ въ жизнь. Но это только казалось. И казалось лишь до тѣхъ поръ, пока осво-

бодительное движеніе не обнаружило своей внутренней розни и безсилія, обусловленнаго взаимной борьбой общественныхъ силъ, выступавшихъ выразителями политическихъ пожеланій различныхъ классовъ.

Царское правительство Николая II-го понимало очень хорошо все значеніе классовыхъ противорѣчій и безысходной классовой борьбы для сохраненія царскаго самодержавія. Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу было издано въ уродливой формѣ. Вмѣсто требовавшагося всеобщаго избирательнаго права была введена система избирательныхъ курій, основанная на сословно-классовомъ дѣленіи общества и общественной розни. Вмѣсто равноправныхъ избирателей были учреждены выборщики, раздѣленные на нѣсколько разрядовъ. Для лишенія Государственной Думы ея обѣщанной и провозглашенной законодательной власти ей былъ противопоставленъ старый придворно-бюрократическій Государственный Совѣтъ, усиленный новыми консервативными элементами бюрократіи, духовенства и дворянства. Разбитое на враждующія теченія, освободительное движеніе было подавлено безъ особаго труда вооруженною силою стараго порядка. Погромное крестьянское движеніе способствовало упроченію союза Всероссійскаго Дворянства съ царизмомъ. Революціонное рабочее движеніе со своей стороны воздѣйствовало соотвѣтствующимъ образомъ на политическое поведеніе буржуазіи. Пользуясь раздѣленіемъ и взаимною борьбою общественныхъ силъ, царское правительство съ помощью своихъ войскъ и полиціи подавило рабочее и крестьянское движеніе, а когда, созванная на основѣ ограниченнаго избирательнаго права, Государственная Дума потребовала осуществленія обѣщанныхъ политическихъ правъ и свободъ, правительство не побоялось разогнать ее. Сопротивлявшихся разгону народныхъ представителей оно подвергло жестокимъ преслѣдованіямъ. Вызванное разгономъ Думы движеніе оно подавило новымъ примѣненіемъ вооруженной силы. Созванная на почвѣ широкаго общественнаго недовольства 2-ая Государственная Дума послѣдовала примѣру первой и въ свою очередь была очень скоро разогнана. Видя невозможность

обезпечить раболѣпствующую Государственную Думу даже на почвѣ существовавшаго уродливаго ограниченнаго избирательнаго права, царское правительство, подъ давленіемъ противонароднаго россійскаго дворянства, рѣшило нарушить всѣ данныя обѣщанія и произвольно измѣнило избирательный законъ по своему усмотрѣнію съ цѣлью обезпечить себѣ послушную Государственную Думу. Съ этою цѣлью у крестьянъ и рабочихъ были отняты ихъ и безъ того убогія права представительства и переданы землевладѣльческому классу, въ руки Всероссійскаго дворянства. Душой этого правительственнаго дворянскаго переворота былъ Столыпинъ, установившій въ Россіи своеобразный представительный строй съ самодержавною царскою властью. Существованіе этой уродливой политической формы было обезпечено не столько вооруженною силою и правительственнымъ терроромъ, сколько политикой раздѣленія и умѣлаго противопоставленія различныхъ общественныхъ силъ. Противъ неимущаго крестьянства была выдвинута сельская буржуазія. Противъ буржуазіи — дворянство. Противъ революціонной интеллигенціи и сознательныхъ рабочихъ — малосознательные рабочіе, вербуемые въ члены черносотенныхъ «Союзовъ русскаго народа». Царское самодержавіе, возстановленное Столыпинымъ съ помощью политики «раздѣляй и царствуй», продолжало держаться и послѣ его насильственной смерти. Оно продолжало держаться даже и во время начавшейся міровой войны, несмотря на небывалыя пораженія русскихъ войскъ на нѣмецкомъ фронтѣ. Царское самодержавіе держалось до тѣхъ поръ, пока оно не объединило противъ себя всѣ живыя силы русскаго общества. Это объединеніе всѣхъ общественныхъ силъ неизбѣжно должно было привести къ революціи и паденію царизма и дать новый убѣдительный примѣръ политическаго значенія соглашенія и борьбы классовъ. Великая россійская революція можетъ служить самымъ наглядным доказательствомъ правильности вышеприведеннаго соціологическаго закона, которому одинаково неизбѣжно слѣдуютъ всѣ политическія общества въ своемъ историческомъ развитіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Борьба классовъ и Россійская революція.

I. Условія революціи и переворотъ 12 марта (27 февраля) 1917 г.

Россійская революція была обусловлена противообщественною, противонародною политикою царскаго правительства, всяческими мѣрами задерживавшаго развитіе русской гражданственности. Искусственная задержка естественнаго хода развитія общественной жизни могла продолжаться лишь до той поры, пока задерживающія силы царскаго самодержавія (Дворъ, бюрократія, полиція, вѣрныя правительству части войскъ и поддерживавшее правительство дворянство) были сильнѣе общественныхъ силъ, стремившихся освободиться отъ царскаго самодержавія, давившаго общественную жизнь. Неизвѣстно, когда наступилъ бы моментъ перевѣса общественныхъ силъ надъ задерживающими политическое развитіе силами царскаго правительства, если бы не было той міровой войны, которая поставила на карту самое существованіе страны, потребовала величайшаго напряженія всѣхъ ея силъ и совершенно измѣнила ихъ соотношеніе.

Въ общемъ состояніе общества уже въ самомъ началѣ войны было крайне неустойчивымъ. Самодержавной власти двора и духовной и свѣтской бюрократіи, опиравшейся на вооруженную силу, духовенство и всероссійское дворянство, противостояла буржуазія, общественная группа людей свободныхъ профессій, интеллигенція, рабочій классъ и крестьянство, поскольку оно было способно проявлять себя въ борьбѣ съ мѣстною правительственною властью. Это соотношеніе общественныхъ силъ усложнялось классовой враждою достаточныхъ классовъ и неимущихъ, которая дѣлала рабочихъ и крестьянъ союзниками въ борьбѣ съ крупными землевладѣльцами и капиталистами и проявилась передъ самымъ началомъ войны въ политической забастовкѣ, которая носила соціальный характеръ.

Въ теченіе войны, потребовавшей небывалаго напряженія всѣхъ силъ страны и неисчислимыхъ жертвъ, какъ состояніе общества, такъ и соотношеніе общественныхъ силъ неизбѣжно должно было измѣниться. Больше всего измѣнилась та вооруженная сила, съ помощью которой царское самодержавіе господствовало до сихъ поръ надъ разслоеннымъ, раздѣленнымъ, распыленнымъ, неорганизованнымъ и потому безсильнымъ обществомъ. Необходимость пополнять военныя потери, невѣроятныя по числу людей, выбывающихъ изъ строя и сдающихся въ плѣнъ, неизбѣжно измѣняла прежній составъ царскихъ войскъ самымъ кореннымъ образомъ, такъ какъ правительство принуждено было вводить въ ряды ихъ противоправительственно настроенныхъ рабочихъ, революціонную интеллигенцію и недовольные элементы буржуазіи, стремившіеся къ свободной гражданственности. Это коренное измѣненіе состава вооруженной силы было роковымъ для дальнѣйшаго существованія самодержавія царей.

Война въ сильнѣйшей степени способствовала объединенію общественныхъ силъ съ цѣлью обороны страны и ея боеспособности. Первыми плодами ея было возникновеніе цѣлаго ряда широкихъ общественныхъ организацій, дѣйствіе которыхъ распространялось на всю Россію. Такими широкими общественными организаціями были Всероссійскій Союзъ Городовъ и Земскій Союзъ, объединившіе тѣ мѣстныя силы, которыя до сихъ поръ, несмотря на всѣ препятствія правительства, приводили въ движеніе мѣстную жизнь. Къ числу подобныхъ же широкихъ общественныхъ организацій, созданныхъ или вызванныхъ къ жизни войной, должны быть отнесены и военно-промышленные комитеты и другія, прежде существовавшія и вновь создавшіяся, общественныя организаціи. Участіе въ нихъ принимали самые различные общественные элементы, начиная съ крупной буржуазіи и кончая рабочими, но руководящая роль въ этихъ общественныхъ организаціяхъ принадлежала представителямъ достаточныхъ классовъ, широко пользовавшихся силами такъ-называемой трудовой интеллигенціи.

Малосознательные рабочіе въ этомъ общественномъ дви-

женіи почти не участвовали, а крестьяне играли въ немъ страдательную роль. Крестьянство было невольнымъ поставщикомъ живой силы и средствъ пропитанія для арміи, а рабочіе, насильно забираемые въ солдаты и тоже не понимавшіе, подобно крестьянамъ, истиннаго смысла войны и неизбѣжности участія въ ней Россіи, находились въ высшей степени напряженномъ и неустойчивомъ состояніи. Они были готовы возстать какъ противъ царскаго самодержавія, такъ и противъ тѣхъ общественныхъ классовъ, которые объединились для обороны родины, несмотря на всѣ препятствія царскаго правительства, продолжавшаго преслѣдовать всякую общественную самодѣятельность.

Въ этой напряженной атмосферѣ міровой войны и общественнаго движенія царское правительство не только не сочло нужнымъ самымъ кореннымъ образомъ измѣнить свое поведеніе, отказавшись отъ самодержавной власти и предоставивъ Государственной Думѣ организацію общественнаго министерства достаточныхъ классовъ, но, какъ разъ наоборотъ, продолжало слѣпо идти по прежнему противообщественному направленію. Дворъ находился подъ растлѣвающимъ вліяніемъ какого-то невѣжественнаго и распутнаго проходимца и изувѣра, самая фамилія котораго (Распутинъ) вполнѣ соотвѣтствовала направленію его дѣятельности. Безграмотный проходимецъ, представленный ко двору и проникшій въ среду царской семьи, превратился въ всесильнаго временщика, руководившаго царемъ и смѣнявшаго царскихъ министровъ. Это было время неограниченнаго господства такъ-называемыхъ темныхъ силъ и безотвѣтственныхъ вліяній, превзошедшихъ въ своихъ дѣйствіяхъ всякую мѣру общественнаго терпѣнія. Чаша терпѣнія переполнилась до того, что даже въ средѣ самой царской фамиліи нашлись лица, готовыя рисковать собственной жизнью ради прекращенія политическаго позора, неизбѣжно связаннаго съ господствомъ Распутина. Распутинъ былъ убитъ, и, такимъ образомъ, царскій дворъ былъ, если не обезглавленъ, то обездушенъ. Измѣнившій общественному движенію, Протопоповъ пытался прежними испытанными мѣрами насилія и террора

спасти то безнадежное положеніе, въ которое было поставлено правительство своею политикой и войною. Но тутъ, наряду съ общественными силами достаточныхъ классовъ, выступили рабочіе, женъ и дѣтей которыхъ выгналъ на улицу голодъ.

14-го февраля по старому русскому календарю правительство было вынуждено вновь открыть засѣданія Государственной Думы, прекращенныя за причиняемыя ею безпокойства правительству и возбужденіе населенія. А 23 февраля началась въ Петроградѣ голодная забастовка по случаю отсутствія хлѣба. На требованіе населенія хлѣба правительство Протопопова отвѣтило угрозами – пустить въ ходъ огнестрѣльное и холодное оружіе, несмотря на то, что народныя массы на улицахъ Петрограда, требовавшія хлѣба, состояли главнымъ образомъ изъ женщинъ и дѣтей.

Угроза царскаго правительства, подтвержденная соотвѣтствующими дѣйствіями, моментально превратила начавшуюся голодную забастовку изъ экономической въ политическую. «Женскій день» смѣнился мужскимъ. 24 февраля рабочіе Петрограда бросивъ работы, повалили изъ всѣхъ окраинъ и предмѣстій въ центръ города для выраженія своихъ политическихъ чувствъ возмущенія поведеніемъ правительства.

Противъ толпившихся рабочихъ и публики правительствомъ были пущены въ помощь полиціи казаки. Но эти мѣропріятія въ данный моментъ не только не устрашали, но, наоборотъ, еще болѣе возбуждали голодныя массы возмущенныхъ людей.

Слѣдующій день продолжавшейся политической забастовки рабочихъ былъ дальнѣйшимъ обостреніемъ политическихъ демонстрацій, несмотря на то, что правительство всячески пыталось съ помощью полиціи и солдатъ не пустить рабочихъ окраинныхъ частей въ центръ города на его многолюдныя улицы. Несмотря на всѣ эти мѣры, политическія демонстраціи происходили положительно по всему городу, проявляясь въ шествіяхъ демонстрантовъ, въ пѣніяхъ революціонныхъ пѣсенъ и въ крикахъ «долой самодержавіе!». Казаки, пущенные правительствомъ для разгона толпъ демонстрантовъ, встрѣча-

лись послѣдними въ однихъ случаяхъ дружественными привѣтствіями, въ другихъ – горькими упреками, и невольно поддавались общему настроенію возставшихъ народныхъ массъ. Были случаи, когда, призванные для разгона толпъ, казаки заодно съ толпой кричали: «долой самодержавное правительство!». Тогда правительство рѣшилось пустить въ ходъ всѣ средства, какими оно было только въ состояніи воспользоваться для подавленія возстанія народа, идти противъ котораго казаки и солдаты уже начинали отказываться. Съ цѣлью обезпечить повиновеніе войскъ дѣйствующія военныя части были разбавлены переодѣтыми въ солдатскую форму городовыми. Было рѣшено разстрѣливать толпы возставшихъ изъ пулеметовъ, разставленныхъ въ различныхъ частяхъ города. И уже 25 февраля (10 марта) происходила стрѣльба по собиравшимся толпамъ, были убитые и раненые. Въ этотъ день политическая забастовка рабочихъ превратилась во всеобщую. Были прекращены всѣ занятія.

Воскресенье 26 февраля (11 марта) было днемъ новаго кровопролитія, совершеннаго агентами царской власти надъ безоружными гражданами. Однако, эти разстрѣлы не достигли желаемой цѣли, но, какъ разъ наоборотъ, привели къ противоположнымъ послѣдствіямъ, подливъ, какъ говорится, масла въ огонь.

Толпы на улицахъ бушевали, а либеральныя партіи Государственной Думы приняли единогласное рѣшеніе: окончательно прервать всякія сношенія съ правительствомъ, обагрившимъ себя народною кровью Этотъ открытый разрывъ либеральной буржуазіи съ правительствомъ имѣлъ самыя серьезныя послѣдствія для обѣихъ сторонъ. Это обнаружилось на слѣдующій день, въ который правительство распустило Государственную Думу и приготовилось подавить народное возстаніе, какого бы кровопролитія это ни стоило.

За кровавымъ воскресеньемъ 26-го февраля послѣдовалъ роковой день 27-го февраля. Онъ начался переходомъ войскъ на сторону народа, что сразу уничтожило всѣ надежды правительства. День 27-го февраля былъ днемъ всеобщаго воз-

станія населенія столицы, сплотившагося вокругъ вновь распущенной Государственной Думы. Къ ней устремились всѣ силы возставшихъ. Возстаніе превратилось въ настоящую революцію.

Руководители Государственной Думы, узнавъ о царскомъ указѣ о роспускѣ Думы, постановили: Думѣ не расходиться. Представители возставшихъ полковъ явились въ Государственную Думу и, принятые ея предсѣдателемъ, заявили о своемъ переходѣ на сторону народа и Государственной Думы. Съ этой минуты помѣщеніе Государственной Думы начало наполняться вооруженными людьми, боевыми припасами и превращаться въ настоящую твердыню революціи. Изъ руководителей думскихъ партій образовался Временный Исполнительный Комитетъ Государственной Думы, чтобы руководить ходомъ революціи. И одновременно проявилъ себя Временный Исполнительный Комитетъ созываемаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, организовавшійся еще въ предшествующіе дни забастовки.

Оба исполнительныхъ комитета рѣшили дѣйствовать сообща другъ съ другомъ. Во Временный Комитетъ Государственной Думы, состоявшій въ первый моментъ изъ 11 человѣкъ, вошли 2 представителя соціалистическихъ партій (А. Керенскій и Н. Чхеидзе). А въ образованную Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы, при самомъ дѣятельномъ участіи Керенскаго, Военную Комиссію были введены представители Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Такимъ образомъ какъ бы былъ заключенъ союзъ между либеральной буржуазіей и соціалистически настроеннымъ рабочимъ классомъ и этимъ объединеніемъ важнѣйшихъ общественныхъ силъ была обезпечена ихъ побѣда надъ царскимъ самодержавіемъ, была обезпечена ближайшая судьба революціи. Политическій переворотъ 12 марта (27 февраля) былъ совершенъ объединенными силами рабочихъ, солдатъ, буржуазіи и интеллигенціи, людей самыхъ различныхъ профессій, объединившихся вокругъ Государственной Думы. Вся дальнѣйшая судьба революціи зависѣла отъ дальнѣйшаго объединенія этихъ общественныхъ группъ и классовъ и отъ ихъ отношенія другъ къ другу.

2. Первый періодъ революціи. Буржуазное Временное Правительство и Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Періодъ двоевластія.

Борьба революціонныхъ общественныхъ силъ, сплотившихся вокругъ Государственной Думы, съ защитниками царскаго правительства не закончилась великимъ днемъ 27 февраля (12-го марта). Многія правительственныя учрежденія находились еще въ рукахъ агентовъ самодержавной власти и остатки царскаго правительства съ частью, оставшихся вѣрными правительству, войскъ продолжали держаться въ правительственныхъ помѣщеніяхъ, расположенныхъ вокругъ Дворцовой площади, сопротивляясь натиску революціонныхъ войскъ и вооружившагося народа. Ночь на 28 февраля прошла въ грозной неизвѣстности дальнѣйшей судьбы революціи.

Но на слѣдующій день (28 февраля) уже всѣмъ стало очевидно, что объединенныя общественныя силы возставшихъ побѣдили. Въ этотъ день уже всѣ правительственныя учрежденія были въ ихъ рукахъ, равно какъ и главнѣйшіе представители и агенты прежней власти. Временный Комитетъ Государственной Думы занялъ положеніе Временнаго Правительства, назначилъ комиссаровъ Государственной Думы во всѣ правительственныя учрежденія и извѣстилъ страну о совершившемся переворотѣ. Въ этотъ день началась политическая забастовка въ Москвѣ въ знакъ присоединенія къ революціи, совершившейся въ Петроградѣ. Революція, очевидно, уже вышла за предѣлы столицы и начала свое побѣдоносное шествіе по странѣ. Къ несчастью, въ самомъ началѣ, среди ея руководителей обнаружилось сильное взаимное недовѣріе. Уже на другой день перехода солдатъ на сторону народа и Государственной Думы, комитеты соціалъ-демократической партіи и партіи соціалистовъ-революціонеровъ сочли умѣстнымъ побуждать солдатъ обращаться къ Государственной Думѣ съ политическими требованіями, когда еще не была окончательно сорганизована даже новая правительственная власть.

Временное Правительство сорганизовалось окончательно 1-го и 2-го марта, когда между Исполнительнымъ Комите-

томъ Государственной Думы и Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ было достигнуто соглашеніе относительно программы правительственной дѣятельности. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что по вопросу о соглашеніи съ Временнымъ Правительствомъ Совѣтъ не только не былъ единогласенъ, но въ его средѣ было съ самаго начала цѣлое теченіе, требовавшее, чтобы онъ самъ объявилъ себя Временнымъ Правительствомъ. Само собой разумѣется, что это теченіе отрицало всякую совмѣстную дѣятельность Совѣта съ Временнымъ Правительствомъ, образованнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ Государственной Думы, отрицало всякое соглашеніе съ нимъ.

Впрочемъ, соглашеніе это вообще было довольно сомнительнымъ. Отношеніе къ этому соглашенію со стороны Совѣта можетъ быть вполнѣ точно опредѣлено пунктомъ 4-мъ «Приказа № 1», изданнымъ Совѣтомъ 1-го марта. Этотъ приказъ предписывалъ солдатамъ исполнять приказы военной власти Государственной Думы «только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ». Такимъ образомъ въ самый моментъ заключенія соглашенія съ Временнымъ Правительствомъ принимались мѣры для его обезсиленія, и Совѣтъ выступалъ въ качествѣ второй власти, начиная, такимъ образомъ, подъ видомъ соглашенія, политику двоевластія. Если принять во вниманіе и другіе пункты того же Совѣтскаго Приказа войскамъ, которымъ предписывалось немедленно же «выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ» и «во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ... подчиняться Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ», то заключенное Совѣтомъ соглашеніе съ Временнымъ Правительствомъ покажется еще болѣе противорѣчивымъ. Противорѣчія эти должны были имѣть самое гибельное значеніе не только для новой правительственной власти, но и для правильнаго направленія политической дѣятельности самого Совѣта, которой одобрилъ всту-

пленіе своего товарища предсѣдателя (А. Керенскаго) въ число министровъ Временнаго Правительства.

Отношеніе Совѣта къ Временному Правительству должно было неизбѣжно разбить силы революціи, и гибельность того разъединенія силъ для дѣла русской свободы была своевременно понята не только представителями господствующихъ классовъ, вступившихъ въ соглашеніе съ соціалистами, но и тѣми соціалистами, которые умѣли освободиться отъ классовыхъ предразсудковъ и взглянуть на положеніе вещей съ широкой, истинно-политической точки зрѣнія. Уже 10 марта, т.-е. черезъ десять дней послѣ совершенія переворота, въ меньшевистской «Рабочей Газетѣ» появилась очень знаменательная передовица, озаглавленная «Не разбивайте силъ». Но противъ политики единенія выступили большевики со своей «Правдой». Въ общемъ, однако, первый періодъ революціи, продолжавшійся до второй половины апрѣля, прошелъ подъ знаменемъ единенія силъ.

Революція, совершившаяся въ столицахъ, продолжала свое побѣдоносное шествіе по Россіи. Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и соотношенія общественныхъ силъ на мѣстахъ, ходъ революціи имѣлъ самый различный характеръ. Въ однихъ случаяхъ она совершалась мирно, почти не нарушая обычнаго хода жизни, въ другихъ—очень бурно, сопровождаясь разгромами и убійствами. Послѣднее происходило тамъ, гдѣ особенно живо чувствовались прежнія притѣсненія и гдѣ, угнетенныя до того времени, массы пользовались возможностью дать ходъ своему желанію мести и свести прежніе счеты со своими угнетателями. Это стремленіе съ особою силою проявилось въ Кронштадтѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ сосредоточенія морскихъ командъ, возставшихъ противъ своего начальства и жестоко мстившихъ своимъ офицерамъ за прежнія обиды. Въ сухопутныхъ войскахъ это стремленіе не доходило до тѣхъ крайностей, которыми сопровождались возстанія морскихъ командъ. Однако, рознь и враждебныя отношенія проявили себя въ достаточной степени и въ сухопутныхъ войскахъ, среди которыхъ «Приказъ № 1», изданный Совѣтомъ

Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, произвелъ воистину потрясающее дѣйствіе, подрывая въ самомъ корнѣ всякую военную дисциплину, дезорганизуя военную силу. Временное Правительство стремилось всѣми силами спасти войска отъ дезорганизаціи и сохранить ихъ боеспособность. Командующимъ петроградскими войсками былъ назначенъ генералъ Корниловъ, пользовавшійся широкой извѣстностью въ массахъ, какъ самоотверженный военноначальникъ и героическая личность. Но всѣ мѣропріятія Временнаго Правительства спасти отъ развала армію, дезорганизуемую безотвѣтственными агитаторами, были напрасны. Правительство было безсильно въ борьбѣ съ усталостью войскъ и съ стремленіемъ малосознательныхъ крестьянъ и рабочихъ, наполнявшихъ ряды войскъ, освободиться отъ своего подневольнаго положенія и военныхъ обязанностей.

Временное Правительство старалось всѣми мѣрами выполнить политическую программу, установленную сообща съ Совѣтомъ. Но отношеніе Совѣта къ Временному Правительству все время продолжало быть весьма двойственнымъ, въ зависимости отъ тѣхъ двухъ теченій, которыя боролись другъ съ другомъ внутри самого Совѣта.

По отношенію же къ войнѣ Совѣтъ велъ политику, почти прямо противоположную политикѣ Временнаго Правительства. Временное Правительство, слѣдуя національной политикѣ, стремилось продолжать войну въ самомъ неразрывномъ единеніи съ союзниками. Совѣтъ же, отражая утомленіе войною войскъ и противовоенное настроеніе рабочихъ массъ, несмотря на союзниковъ, всячески стремился покончить съ войной и провозглашалъ интернаціонализмъ Циммервальда, какъ основу внѣшней политики. Манифестъ «Къ народамъ всего міра», изданный Совѣтомъ 14 марта 1917 г., былъ открытъ выступленіемъ противъ внѣшней политики Временнаго Правительства и встрѣтилъ сочувствіе не только подавляющаго большинства рабочихъ и солдатскихъ массъ, но и почти всей соціалистической печати. Въ этомъ отношеніи между «Правдой», «Рабочей Газетой» и «Дѣломъ Народа»,

можно сказать, не было никакихъ разногласій, что свидѣтельствовало объ единодушіи меньшевиковъ, большевиковъ и большинства соціалистовъ-революціонеровъ въ этомъ вопросѣ.

Одновременно проявилось и расхожденіе Совѣта съ правительствомъ по земельному вопросу. Это расхожденіе получило особо важное значеніе вмѣстѣ съ началомъ погромнаго движенія крестьянъ, стремившихся завладѣть помѣщичьими землями. Въ обоихъ отношеніяхъ Совѣтъ нашелъ себѣ поддержку въ арміи, въ средѣ которой уже раздавались требованія немедленно же приступить къ мирнымъ переговорамъ и отнять у помѣщиковъ ихъ земли безъ выкупа. Первый періодъ революціи, успѣхъ которой былъ обусловленъ объединеніемъ всѣхъ общественныхъ силъ, повидимому, кончался, и Ульяновъ-Ленинъ, въ своемъ письмѣ изъ-за границы въ «Правду», совершенно правильно отмѣчалъ этотъ «первый этапъ революціи». Учитывая настроеніе массъ, Ленинъ призывалъ ихъ къ классовой борьбѣ съ «буржуазной и помѣщичьей октябристско-кадетской Россіей» и буржуазнымъ имперіализмомъ союзниковъ за международную соціальную революцію и провозглашалъ своимъ кличемъ хлѣбъ, миръ и «настоящую свободу».

Съ другой стороны, гибельныя послѣдствія расхожденія Совѣта съ Временнымъ Правительствомъ уже давали себя чувствовать во многихъ мѣстахъ. Уже изъ среды самой арміи, правда, изъ болѣе сознательныхъ слоевъ ея, слышалось обращеніе къ Совѣту Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ, горячо призывавшее ихъ «не вносить въ армію пагубнаго раскола». Но «Совѣтъ» считалъ себя представителемъ «Революціоннаго Народа» и заявлялъ, что «революціонный народъ *въ лицѣ Совѣтовъ Раб. и Солд. Депутатовъ* можетъ и долженъ *вмѣшиваться* въ дѣйствія Временнаго Правительства», которому «неизбѣжно придется помириться съ нѣкоторыми неудобствами революціоннаго контроля». Такимъ образомъ, на почвѣ недовѣрія къ Временному Правительству, Совѣтъ устанавливалъ систему дѣйствительнаго двоевластія. На созванномъ въ Петроградѣ, въ концѣ марта, Всероссійскомъ совѣщаніи Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ

Депутатовъ поддержка Временнаго Правительства Совѣтомъ была признана цѣлесообразной лишь «постольку, поскольку» оно будетъ неуклонно идти въ согласіи съ Совѣтомъ.

Пріѣздъ, въ началѣ апрѣля, вліятельныхъ эмигрантовъ изъ Германіи, въ особенности пріѣздъ дѣятельныхъ участниковъ Циммервальдской конференціи, еще болѣе способствовалъ обостренію отношеній Совѣта къ Временному Правительству. Началась самая напряженная пропаганда интернаціонализма и агитація въ пользу скорѣйшаго заключенія мира безъ аннексій и контрибуцій. При этомъ подъ аннексіями нѣкоторыми понимались прежнія присоединенія къ Россіи территорій, давно уже вошедшихъ въ составъ Россійской имперіи. Впрочемъ, и до этого момента уже провозглашалось «право на отдѣленіе для тѣхъ націй, населяющихъ извѣстныя области Россіи, которыя не могутъ, не хотятъ остаться въ рамкахъ цѣлаго». Подобное пониманіе права народнаго самоопредѣленія при существованіи національной вражды между народностями, входящими въ составъ Россіи, неизбѣжно должно было привести къ ея раздробленію при его проведеніи въ жизнь. Временное Правительство всячески пыталось противостоять этой интернаціоналистической политикѣ, считая ее закулисною политическою игрою германскаго правительства, стремившагося всѣми средствами достигнуть ослабленія и раздробленія Россіи и разъединенія ея общественныхъ силъ. Въ этомъ отношеніи Ленинъ и другіе эмигранты, стремившіеся на родину съ цѣлью классовой борьбы съ «буржуазной» Россіей и съ имперіализмомъ союзныхъ правительствъ, должны были считаться германскимъ правительствомъ, общественными дѣятелями весьма полезными для внѣшней политики Германіи. Поэтому, было нисколько не удивительно, что германское правительство способствовало переѣзду этихъ эмигрантовъ въ Россію, надѣясь, что они оправдаютъ его тайныя надежды. Дальнѣйшія событія показали, что германское правительство не ошиблось. Ленинъ и его единомышленники, пріѣхавъ въ Россію, немедленно же выступили противъ политики соглашенія съ достаточными классами и начали самую энергичную

агитацію противъ Временнаго Правительства и всей его политики, провозгласивъ своимъ политическимъ лозунгомъ: «Власть Совѣтамъ и немедленный миръ». Ленинъ призывалъ къ немедленному заключенію мира и соціальной революціи, находя въ малосознательныхъ массахъ явное сочувствіе своимъ призывамъ. Выступленіе стараго вождя и основоположника Россійской соціалъ-демократіи Г. Плеханова противъ Ленина и его «бреда» не имѣло успѣха. «Бредъ», соотвѣтствовавшій классовымъ чувствамъ политически неразвитыхъ рабочихъ и настроенію малосознательныхъ солдатскихъ массъ, былъ весьма заразителенъ, несмотря на отрицательное отношеніе къ нему руководящихъ членовъ Совѣта.

Отношенія Совѣта къ Временному Правительству продолжали обостряться. Совѣтъ, имѣя на своей сторонѣ рабочія и солдатскія массы, принялъ на себя роль контролера дѣйствій правительства и былъ весьма близокъ къ столкновенію съ нимъ. Казалось, что для этого недоставало только подходящаго повода. Такимъ поводомъ явилась нота министра иностранныхъ дѣлъ Милюкова о войнѣ до побѣднаго конца, изданная въ самый день 1-го мая (18-го апрѣля), превращеннаго въ политическую демонстрацію въ пользу заключенія мира.

20-го апрѣля произошла бурная демонстрація большевиковъ и интернаціоналистовъ противъ правительства, участіе въ которой приняли и войска, среди которыхъ уже нѣкоторое время велась самая усиленная большевистская и интернаціоналистическая агитація. Демонстранты выражали свое недовѣріе Временному Правительству, протестовали противъ его внѣшней политики и требовали передачи власти Совѣту. Правда, отвѣтомъ на эту противоправительственную демонстрацію рабочихъ и солдатъ была внушительная демонстрація сторонниковъ Временнаго Правительства, выражавшихъ свое довѣріе Временному Правительству, и негодованіе, направленное, главнымъ образомъ, противъ Ленина и его антипатріотической политики. Въ этотъ день крики «Долой Ленина!», «Ленинъ и К° обратно въ Германію!» смѣнили собой крики

предыдущаго дня: «Долой Милюкова», «Долой Временное Правительство».

Эти двѣ демонстраціи свидѣтельствовали о тѣхъ глубокихъ противорѣчіяхъ, въ которыхъ находилась россійская революція, дальнѣйшая судьба которой зависѣла отъ соотношенія ея движущихъ силъ, 20 и 21 апрѣля силы эти вышли на улицу и вступили другъ съ другомъ въ борьбу, дошедшую до кровопролитія. Совѣтъ объявилъ демонстрацію 20 апрѣля дѣломъ безотвѣтственныхъ личностей и призывалъ гражданъ къ спокойствію. Временное Правительство было готово отказаться отъ власти въ пользу Совѣта, но Совѣтъ не хотѣлъ брать на себя тяжелое бремя отвѣтственной власти. Его члены высказывались даже противъ пополненія состава буржуазнаго Временнаго Правительства соціалистами. Между тѣмъ, политическая и общественная разруха не только продолжалась, но усиливалась съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ Непрестанно всевозможными общественными организаціями выносились безчисленныя политическія резолюціи. Большинство ихъ было направлено противъ буржуазнаго Временнаго Правительства и противъ войны. Крики «долой войну» и «да здравствуетъ братство народовъ» отозвались братаньемъ утомленныхъ войною солдатъ съ нѣмцами. Крестьянское движеніе усиливалось. Погромы и насильственные захваты помѣщичьихъ владѣній учащались. Боевые лозунги Ленина, сводившіеся къ внѣшнему миру и къ внутренней гражданской войнѣ, съ цѣлью соціальной революціи, начинали осуществляться, встрѣчая себѣ сочувствіе даже въ самыхъ малосознательныхъ массахъ населенія. Правительство, фактически лишенное власти, обратилось въ лицѣ своего главы, князя Львова, къ Совѣту Р. и С. Д. съ предложеніемъ пополнить его составъ представителями Совѣта. Одновременно, для обсужденія создавшагося положенія и переживаемыхъ событій, было созвано общее совѣщаніе членовъ всѣхъ четырехъ Государственныхъ Думъ, созывавшихся въ Россіи. Совѣщаніе членовъ Государственныхъ Думъ было встрѣчено въ Совѣтскихъ кругахъ враждебно. Но образованіе коа-

лиціоннаго министерства было единственнымъ возможнымъ выходомъ изъ создавшагося политическаго положенія.

1 (14) мая Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, 41 голосомъ противъ 19, при двухъ воздержавшихся, высказался за участіе въ коалиціонномъ министерствѣ. Одновременно военный и морской министръ Гучковъ объявилъ о своемъ уходѣ изъ состава правительства. За уходомъ Гучкова послѣдовалъ вынужденный уходъ Милюкова. Такимъ образомъ изъ Состава Временнаго Правительства были удалены вожди тѣхъ самыхъ партій, изъ представителей которыхъ главнымъ образомъ оно состояло. Совѣтъ министровъ былъ пополненъ соціалистами (Церетели, Черновъ и Пѣшехоновъ), представителями революціонной демократіи, вошедшими въ составъ Временнаго Правительства по рѣшенію Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, который перешелъ такимъ образомъ отъ политики двоевластія къ политикѣ совластія революціонной демократіи и либеральной буржуазіи. Образованіе смѣшаннаго, коалиціоннаго министерства было началомъ новаго періода революціи. Періодъ этотъ вполнѣ можно назвать переходнымъ періодомъ *совластія буржуазіи и соціалистовъ*, такъ какъ первая коалиція просуществовала весьма непродолжительное время и какъ бы была переходомъ отъ первоначальнаго двоевластія къ тому безвластію, которое было такъ характерно въ особенности для третьяго періода революціи или времени такъ-называемаго «соглашательства».

3 Второй и третій періоды Россійской революціи. Совластіе буржуазіи и соціалистовъ.

Второй періодъ революціи, періодъ совластія буржуазіи и соціалистовъ, открылся цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ съѣздовъ. Первымъ открылся Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Продолжительныя и многочисленныя засѣданія его, посвященныя самымъ различнымъ государственнымъ вопросамъ, были наполнены борьбой Ленина и его приверженцевъ съ болѣе умѣреннымъ соціали-

стическимъ большинствомъ. Особо ожесточенныя столкновенія происходили по вопросу о вхожденіи соціалистовъ въ составъ Временнаго Правительства, о его политикѣ, о высылкѣ швейцарскаго интернаціоналиста Гримма, уличеннаго въ сношеніяхъ съ германскимъ правительствомъ, по вопросу о войнѣ и нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ текущаго момента. Почти одновременно съ началомъ Съѣзда Совѣтовъ началось совѣщаніе членовъ Государственной Думы, высказавшееся за необходимость перехода разлагающейся арміи въ наступленіе. Черезъ нѣсколько дней открылся Съѣздъ войсковыхъ делегатовъ фронта. Въ то же время на Украинѣ происходилъ Всеукраинскій Съѣздъ Крестьянскихъ Депутатовъ.

Страна была охвачена повсемѣстными волненіями. Не успѣли еще улечься волненія, происходившія въ Балтійскомъ флотѣ, какъ начались въ Черноморскомъ. На фронтѣ шла агитація въ пользу братанія съ нѣмцами. Среди столичныхъ войскъ шла агитація большевистской военной организаціи въ пользу прекращенія войны. Анархисты захватывали частныя помѣщенія для своихъ организацій. 9—10 іюня произошло демонстративное выступленіе большевиковъ, требовавшихъ мира и хлѣба. Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ, выполняя функціи власти, воспретилъ всякія народныя собранія въ теченіе ближайшихъ дней. Безсиліе Временнаго коалиціоннаго Правительства было очевидно. Общественная жизнь была полна всевозможныхъ противорѣчій. 18 іюня Совѣтами, подъ вліяніемъ интернаціоналистовъ, была устроена новая «мирная демонстрація», во время которой раздавались большевистскіе кличи: «Долой министровъ-капиталистовъ», «Вся власть Совѣтамъ», «Долой наступленіе», требовалось опубликованіе тайныхъ дипломатическихъ документовъ, снова выставлялись лозунги «хлѣба, мира, свободы». И въ этотъ же самый моментъ началось наступленіе на фронтѣ, руководимое Керенскимъ и Корниловымъ. Слѣдующій день былъ днемъ патріотической демонстраціи по поводу наступленія. Въ двадцатыхъ числахъ начались новыя волненія въ Балтійскомъ флотѣ, судовыя команды котораго выносили противоправительственныя резолюціи.

27 іюня произошло избіеніе депутатовъ Совѣта солдатами Сурамскаго полка. Аграрные безпорядки не прекращались. Съѣздъ Совѣтовъ постановилъ учредить особые земельные комитеты для упорядоченія земельныхъ отношеній. Правительство пріостановило всякія земельныя сдѣлки. Въ это время особую остроту получилъ украинскій вопросъ, благодаря стремленію руководителей украинскаго народа къ полной автономіи. Посланные въ Кіевъ для переговоровъ съ украинцами, министры, Терещенко и Церетели, вернулись съ подписаннымъ соглашеніемъ на автономію, и это привело Временное Правительство къ расколу и къ выходу изъ его состава представителей кадетской партіи, считавшихъ, что этотъ вопросъ въ правѣ рѣшить только Учредительное Собраніе. Выходъ кадетовъ изъ состава правительства почти совпалъ съ вооруженнымъ выступленіемъ большевиковъ, ближайшимъ поводомъ къ которому было расформированіе деморализованныхъ воинскихъ частей, а послѣдствіемъ—десятки убитыхъ и сотни раненыхъ. Въ этой демонстраціи приняли участіе матросы, прибывшіе съ этой цѣлью изъ Кронштадта. Демонстранты осадили помѣщеніе Государственной Думы и дошли до насилій надъ министрами-соціалистами. Все это сопровождалось политической забастовкою 150 тысячъ рабочихъ. Однако, генералу Половцеву удалось очень быстро прекратить эти безпорядки съ помощью воинскихъ частей, оставшихся вѣрными Совѣту и Временному коалиціонному Правительству. Тогда начались аресты большевиковъ. Но рѣшительныя мѣры Половцева возбудили противъ себя неудовольствіе Совѣта, и Половцевъ былъ смѣщенъ Керенскимъ съ должности главнокомандующаго петроградскими войсками. Всѣ эти событія и, въ особенности, постоянное вмѣшательство Совѣтовъ въ дѣятельность правительства и противодѣйствіе ему, а также стремленіе покончить съ Государственной Думой и провести земельную реформу немедленно же по плану Чернова, не дожидаясь Учредительнаго Собранія, заставило, наконецъ, князя Львова отказаться отъ должности предсѣдателя совѣта министровъ и покинуть правительство, лишенное самостоятельности дѣйствій и при-

нужденное идти по указкѣ, господствующихъ въ Совѣтѣ, социалистическихъ фракцій.

Уходомъ кадетовъ и князя Львова изъ состава коалиціоннаго правительства первый періодъ коалиціи былъ законченъ. Исторія перваго коалиціоннаго министерства показала, что коалиція, составленная изъ слишкомъ противорѣчивыхъ и разносильныхъ элементовъ, изъ которыхъ одна часть находитъ сильную внѣшнюю поддержку, а другая такой поддержки не находитъ и потому принуждена подчиниться первой, не можетъ быть прочна, и даже не представляетъ собой истинной коалиціи, такъ какъ въ основѣ ея лежитъ не начало свободнаго общественнаго соглашенія, и даже не добровольное подчиненіе, а подчиненіе вынужденное, и притомъ, чуждой ей, внѣшней силѣ.

Оставшіеся послѣ ухода кадетовъ и князя Львова, члены правительства поручили Керенскому образованіе новаго коалиціоннаго министерства. Задача эта была не изъ легкихъ, такъ какъ политическій опытъ только что распавшагося коалиціоннаго правительства былъ очень горекъ. А условія, при которыхъ приходилось составлять новую коалицію и вести по этому поводу переговоры съ различными общественными группами, были не менѣе тяжелы. Положеніе дѣлъ на фронтѣ было потрясающее. Братанье съ нѣмцами продолжалось, и цѣлые полки самовольно покидали свои позиціи, уходя въ тылъ. Была возстановлена смертная казнь и вмѣсто Брусилова назначенъ верховнымъ главнокомандующимъ Корниловъ. Экономическая разруха страны дошла до невѣроятныхъ размѣровъ. Аграрные безпорядки продолжались, не только не встрѣчая себѣ противодѣйствія власти, но даже находя себѣ нѣкоторую поддержку въ планахъ немедленной земельной реформы Чернова. При этихъ условіяхъ кадеты не соглашались вступить вновь въ составъ правительства и требовали предварительнаго удаленія изъ него Чернова, а Церетели покинулъ правительство, считая болѣе цѣлесообразнымъ—дѣйствовать во главѣ Совѣта, чѣмъ въ составѣ правительства. Только въ концѣ іюля Керенскому удалось, наконецъ, наладить новое коали-

ціонное правительство, въ составъ котораго вошли представители пяти общественныхъ группъ (партій соціалистовъ-революціонеровъ, соціалъ-демократовъ, кадетовъ, прогрессистовъ и радикалъ-соціалистовъ, вошедшихъ въ министерство въ равномъ числѣ). Составленное изъ весьма различныхъ элементовъ, не чувствующее подъ собой прочной почвы, но стремящееся обезпечить самостоятельность своей власти и дѣйствій отъ того внѣшняго давленія, которое парализовало дѣйствіе прежняго коалиціоннаго правительства, вновь составленное Временное Правительство рѣшило созвать въ Москвѣ государственное совѣщаніе представителей общественныхъ организацій всей Россіи, чтобы при ихъ помощи создать болѣе прочную общественную основу для государственной дѣятельности коалиціоннаго правительства въ переживаемый Россіей тяжелый моментъ начавшагося разложенія государства.

Московскому государственному совѣщанію предшествовалъ всероссійскій съѣздъ кооперативовъ и съѣздъ торгово-промышленный, на которыхъ уже обсуждался цѣлый рядъ вопросовъ переживаемаго момента. Положеніе дѣлъ на фронтѣ было ужасающе. Верховный главнокомандующій Корниловъ въ своемъ докладѣ Временному Правительству требовалъ для возстановленія дисциплины въ деморализованныхъ войскахъ возстановленія смертной казни. Подготовка къ выборамъ въ Учредительное Собраніе шла медленно, и выборы, первоначально назначенные на 17 сентября, пришлось отложить до ноября. Это обстоятельство дало поводъ агитаторамъ противоправительственныхъ общественныхъ группъ говорить, что правительство соглашенія съ буржуазіей стремится сорвать Учредительное Собраніе. Созваніе, предположеннаго въ Москвѣ, Государственнаго Совѣщанія при подобныхъ обстоятельствахъ имѣло въ высшей степени важное значеніе. Коалиціонное правительство надѣялось найти въ немъ себѣ сильную поддержку, и это обстоятельство побудило большевиковъ попытаться помѣшать его собранію. Руководимые большевиками, московскіе профессіональные союзы объявили въ день открытія Государственнаго Совѣщанія всеобщую забастовку, несмотря

на протестъ Московскаго Совѣта р. и с. д. Это не помѣшало Государственному Совѣщанію собраться въ назначенный день. Но оно не оправдало возлагавшихся на него надеждъ. Сдѣланные на немъ доклады вскрыли почти безнадежное состояніе Россіи, происходящее разложеніе арміи, хозяйственную разруху, но распаденіе собравшихся представителей на два враждебныхъ лагеря не дало имъ возможности прійти къ необходимому общественному соглашенію и принять рѣшительныя мѣры для спасенія родины. Правда, представитель революціонной демократіи, Церетели, и представитель торгово-промышленнаго класса, Бубликовъ, призывая присутствующихъ къ единенію, демонстративно обмѣнялись другъ съ другомъ рукопожатіями, при громкихъ привѣтствіяхъ большинства собравшихся. Но отъ этого мгновеннаго порыва до необходимаго общаго искренняго и прочнаго соглашенія было далеко. Дѣйствительнаго соглашенія представителей борящихся классовъ не состоялось, и въ этомъ отношеніи Московское Государственное Совѣщаніе оказалось безплоднымъ. Очевидно, состояніе русскаго общества было не таково, чтобы въ данный моментъ возможно было достигнуть какого-нибудь дѣйствительнаго соглашенія борющихся классовъ и построить на почвѣ этого общественнаго соглашенія сильную общественную власть. Происходившія въ Россіи около этого времени выборы новыхъ городскихъ думъ, на основѣ только что введеннаго всеобщаго избирательнаго права, могли служить наглядным показателемъ дѣйствительнаго настроенія русскаго общества и соотношенія его общественныхъ силъ. Борьба велась всѣми общественными группами; число голосовъ, полученныхъ отдѣльными партіями, явно указывало на ростъ крайнихъ теченій и потерю своего прежняго вліянія умѣренными. Голоса подавались, главнымъ образомъ, за соціалистовъ-революціонеровъ и большевиковъ, ведшихъ непримиримую борьбу съ кадетами, причемъ въ особенности знаменателенъ былъ ростъ голосовъ большевиковъ, за которыми шли рабочіе и солдаты. Такъ, напр., на выборахъ въ Петроградскую городскую думу соціалисты-революціонеры получили 182 тысячи голосовъ, боль-

шевики 174 т., кадеты 110, а меньшевики всего только 19 тысячъ голосовъ. Подобные итоги выборовъ, вполнѣ соотвѣтствовавшіе крайне возбужденному состоянію массъ, настроеніе которыхъ въ значительной степени лишало соглашеніе соціалистовъ съ буржуазіей его дѣйствительнаго значенія и выдергивало почву изъ-подъ ногъ коалиціоннаго правительства. Дѣйствительное соглашеніе борющихся классовъ было явно недостижимымъ, что и показало самымъ убѣдительнымъ образомъ Московское Государственное Совѣщаніе, встрѣченное къ тому же такъ враждебно московскими рабочими. Невозможность политическаго соглашенія дѣлало положеніе коалиціоннаго правительства совершенно безнадежнымъ. Не имѣя необходимой общественной поддержки, оно оставалось безвластнымъ въ тотъ самый моментъ, когда въ странѣ, гибнувшей отъ анархіи, такъ сильно требовалась сильная общественная власть. Многіе начинали приходить къ мысли о необходимости диктатуры для спасенія родины.

Полугодовщина россійской революціи застала русское общество въ тотъ моментъ ожесточенной классовой борьбы, когда многимъ начинало казаться, что единственнымъ возможнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія была диктатура классовая или личная. О первой думали крайніе лѣвые (большевики), о второй—правые, выдвинувшіе неудачнаго спасителя родины въ лицѣ генерала Корнилова, надѣявшагося въ союзѣ съ Керенскимъ дать Россіи необходимую сильную власть, которая могла бы положить конецъ состоянію гибельной анархіи и разложенія государства. Но надежды Корнилова на Керенскаго оказались для него роковыми. Ихъ дѣйствительныя отношенія до сихъ поръ остаются загадочными, несмотря на то, что Корниловъ былъ всенародно объявленъ Керенскимъ мятежникомъ и измѣнникомъ. Возстаніе Корнилова, двинувшаго войска на Петроградъ, было подавлено Керенскимъ съ помощью Совѣта и большевиковъ, организовавшихъ красную гвардію. Эти событія сопровождались арестами близкихъ Корнилову генераловъ и общественныхъ дѣятелей (В. Львова, А. И. Гучкова и другихъ) и имѣли очень важныя послѣдствія. Они

повели, съ одной стороны, къ распаденію коалиціоннаго министерства и къ уходу изъ него кадетовъ, а съ другой—къ усиленію и къ вооруженію большевиковъ, призванныхъ къ подавленію мятежа. Это было концомъ того коалиціоннаго періода революціи, который можно было назвать періодомъ совластія буржуазіи и соціалистовъ и который, въ сущности, былъ временемъ безвластія общественныхъ группъ, обезсиливающихъ другъ друга своимъ постояннымъ противодѣйствіемъ. Послѣ ухода изъ состава коалиціоннаго правительства кадетовъ и даже видныхъ соціалистовъ Керенскій рѣшился править Россіей съ помощью образованнаго имъ Совѣта, состоящаго изъ пяти оставшихся при Керенскомъ министровъ. Это было началомъ новаго періода революціи, который былъ обусловленъ, съ одной стороны, невозможностью общественнаго соглашенія борющихся общественныхъ группъ, съ другой—возможностью—сдѣлать на мѣстѣ неудавшейся коалиціи попытку личнаго управленія.

4. Четвертый періодъ революціи. Правленіе Керенскаго и безсиліе революціонной демократіи.

Правленіе Керенскаго съ помощью Совѣта пяти, или образованной имъ директоріи, требовало общественной поддержки. Съ этой цѣлью было предположено созвать особое демократическое совѣщаніе представителей самыхъ различныхъ общественныхъ группъ.

Послѣ подавленія Корнилова съ помощью большевиковъ и ухода не только кадетъ, но и наиболѣе видныхъ представителей соціалистическаго центра изъ состава правительства, большевики имѣли полное право торжествовать, предчувствуя свою близкую побѣду. Они продолжали организовывать свою красную гвардію и вести энергичную пропаганду и агитацію среди войскъ и рабочихъ. По настоянію большевиковъ Петроградскій Совѣтъ былъ переизбранъ и такимъ образомъ въ немъ было обезпечено большевистское большинство. Это большинство немедленно же проявило себя въ требованіяхъ, выставленныхъ Совѣтомъ. Требованія эти были: немедленный

миръ, немедленная передача земли земельнымъ комитетамъ, рабочій контроль надъ производствомъ и обложеніе капиталистовъ. Требованія эти обезпечивали большевистскому Совѣту сочувствіе массъ и лишали этого сочувствія противо-большевистскую коалицію. Такимъ образомъ двоевластіе въ средѣ самой соціалистической демократіи разрѣшалось въ пользу господства большевиковъ, добивавшихся переизбранія и президіума Совѣта. Все это имѣло очень важное значеніе для дальнѣйшаго развитія событій, дѣйствительный ходъ которыхъ предугадать было не легко.

14-го сентября открылось, созванное правительствомъ Керенскаго, Демократическое Совѣщеніе, состоявшее изъ представителей самыхъ различныхъ общественныхъ и политическихъ организацій, начиная съ соціалистическихъ партій, совѣтовъ р. и с. д. и совѣтовъ кр. д. различныхъ мѣстностей Россіи, профессіональныхъ союзовъ, національныхъ организацій, военныхъ, и кончая городскими, земскими, кооперативными и другими. Многіе вопросы, предложенные на обсужденіе Совѣщанія, были тѣми же наболѣвшими вопросами, которыя ставились и на Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи. Главнѣйшимъ вопросомъ Демократическаго Совѣщанія былъ вопросъ объ организаціи власти. По этому вопросу предварительное совѣщаніе представителей Совѣтовъ раскололось. Половина ихъ стояла за коалиціонное Временное Правительство, половина - за передачу всей власти Совѣтамъ. Демократическое Совѣщаніе незначительнымъ большинствомъ высказалось за коалицію. Но къ принятой по этому поводу резолюціи была предложена большевистская поправка, исключавшая изъ коалиціи кадетовъ. Поставленная на голосованіе, поправка эта была принята столь же незначительнымъ большинствомъ. Принятая резолюція, поставленная вмѣстѣ съ этой поправкой на окончательное голосованіе, была отвергнута. Такимъ образомъ основной вопросъ Демократическаго Совѣщанія остался нерѣшеннымъ. Въ концѣ концовъ было принято рѣшеніе не разъѣзжаться до организаціи власти и создать особый демо-

кратическій совѣтъ, который выполнялъ бы до созыва Учредительнаго Собранія функціи предпарламента.

22-го сентября подъ предсѣдательствомъ Керенскаго состоялось совѣщаніе правительства съ представителями Демократическаго Совѣщанія, группой московскихъ общественныхъ дѣятелей и представителями кадетской партіи по вопросу о реорганизаціи правительства. Составъ его былъ пополненъ; въ тотъ же день были произведены выборы во Всероссійскій Совѣтъ демократическихъ организацій; его первое засѣданіе было назначено на слѣдующій день. Такимъ образомъ дѣлалась попытка организовать правительственную власть, пользующуюся общественною поддержкою, но независимую отъ Совѣтовъ р. и с. д. Это стремленіе привело къ тому, что Петроградскій Совѣтъ устами своего новаго предсѣдателя, Троцкаго, отказался отъ поддержки правительства, а, образованный правительствомъ, Демократическій Совѣтъ высказался за коалицію съ цензовыми элементами.

27-го сентября новый кабинетъ объявилъ свою политическую программу. Однимъ изъ ея существенныхъ пунктовъ было учрежденіе Временнаго Совѣта Россійской Республики, часть мѣстъ въ которомъ было рѣшено предоставить цензовымъ элементамъ.

Положеніе о Совѣтѣ Россійской Республики было обнародовано 2-го октября, и 7-го должно было состояться его открытіе.

Между тѣмъ, общее положеніе съ каждымъ днемъ ухудшалось и становилось все болѣе и болѣе тревожнымъ. На Балтійскомъ морѣ происходили бои и высадки нѣмцевъ, захватившихъ уже Эзель и Даго. На фронтѣ происходило братанье и повальное бѣгство. Въ деревняхъ погромы помѣстій не только не прекращались, но учащались. Повсюду происходили грабежи и разбои. Въ городахъ происходили забастовки рабочихъ и волненія воинскихъ частей. Большевики усиливали свою противо-правительствованную агитацію въ массахъ, припризывая ихъ къ возстанію, и созывали съѣздъ Совѣтовъ. Этотъ съѣздъ, на который большевики возлагали особыя

надежды, возбуждалъ сильныя опасенія ихъ противниковъ. Такова была та политическая атмосфера, среди которой шла подготовка къ выборамъ въ Учредительное Собраніе, была распущена Государственная Дума и открытъ Совѣтъ Россійской Республики.

Первое же засѣданіе Совѣта Республики ознаменовалось демонстраціей большевиковъ и ихъ уходомъ изъ Совѣта. 12-го октября большевистскій областной Съѣздъ Совѣтовъ, перебравшійся изъ Гельсингфорса, собрался въ Петроградѣ подъ предсѣдательствомъ Крыленко, требуя заключенія мира не позже 1 ноября и заявляя о необходимости захвата власти Совѣтами. Одновременно въ Совѣтѣ Республики говорилось объ объединеніи оборонческихъ силъ.

Становилось очевиднымъ, что большевики готовятъ вооруженное возстаніе, время котораго пріурочивалось ко дню предполагаемаго Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ. По этому поводу прежній Центральный Комитетъ Совѣтовъ обратился съ воззваніемъ къ рабочимъ и солдатамъ, стремясь предупредить ихъ участіе въ ожидаемомъ выступленіи большевиковъ. Настроеніе было очень тревожное. Говорили о необходимости диктатуры, было полное безсиліе власти. Въ Совѣтѣ Республики шли пренія по вопросу объ оборонѣ и не могли согласиться на формулахъ перехода къ дѣламъ. Между тѣмъ, Ленинъ призывалъ рабочихъ и солдатъ къ возстанію, а правительство почти не проявляло себя. Аграрное движеніе принимало ужасающіе размѣры. Повсюду происходили безчинства солдатъ, бѣгущихъ съ фронта. Рабочія забастовки принимали зловѣщій характеръ для заведеній, работавшихъ на оборону. Въ Воронежѣ рабочіе перерѣзали ремни, чтобы помѣшать работѣ на оборону. Петроградскій Совѣтъ Р. и С. Д. готовился къ захвату власти, а правительство, боясь всякихъ уличныхъ выступленій, запрещало демонстраціи, готовившіяся въ его пользу. Такъ, 22 октября былъ запрещенъ казачій крестный ходъ. А на слѣдующій день уже началъ дѣйствовать большевистскій военно-революціонный комитетъ, образованный Петроградскимъ Совѣтомъ съ цѣлью организаціи воз-

станія. Рстрѣчая сочувствіе большевистски-настроенныхъ войскъ, военно-революціонный комитетъ уже отдавалъ имъ соотвѣтствующія указанія. Совершался явный захватъ военной власти большевиками и назначенными Совѣтомъ особыми военными комиссарами.

Наконецъ, 24 октября въ Совѣтѣ Республики былъ поставленъ вопросъ о возстаніи, организуемомъ большевиками. Керенскій сдѣлалъ по этому вопросу обстоятельный докладъ, призывая къ общественной поддержкѣ представителей революціонной демократіи для подавленія уже начавшагося возстанія большевиковъ. Но вожди революціонной демократіи, какъ меньшевиковъ, такъ и соціалистовъ-революціонеровъ, боялись больше всего: какъ бы ихъ борьбой съ большевиками не воспользовались ихъ политическіе противники справа (кадеты и болѣе умѣренные соціалисты). Вожди революціонной демократіи, Гурвичъ-Данъ, Цедербаумъ-Мартовъ и Камковъ-Кацъ, въ одинъ голосъ заявили, что отъ подавленія большевистскаго возстанія они отказываются, а совѣтуютъ правительству удовлетворить справедливыя требованія массъ. Но требованія эти какъ разъ и были большевистскими требованіями. Въ резолюціи, предложенной на голосованіе Совѣта Республики меньшевиками, интернаціоналистами и соціалистами-революціонерами, какъ лѣвыми, такъ и правыми, въ отвѣтъ на просьбу правительства о поддержкѣ, отъ правительства требовалось немедленное изданіе декрета о передачѣ земли въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ и начатіе мирныхъ переговоровъ. А для борьбы съ растущей анархіей и погромнымъ движеніемъ рекомендовалось созданіе комитета общественнаго спасенія изъ представителей городского самоуправленія и органовъ революціонной демократіи. Резолюція лѣваго блока, поставленная на голосованіе членовъ Совѣта Республики, изъ которыхъ многіе не явились на собраніе даже въ этотъ рѣшительный политическій моментъ, была принята незначительнымъ большинствомъ 123 голосовъ противъ 102, при 26 воздержавшихся.

Это голосованіе прекрасно показало соотношеніе обще-

ственныхъ силъ въ данный моментъ. На рѣшительную борьбу съ большевиками шли только кадеты, казаки и часть земцевъ, кооператоровъ и соціалистовъ-оборонцевъ. Но они составляли меньшинство, которое, лишенное вліянія въ массахъ, одно было безсильно противостоять большевикамъ. Терявшіе съ каждымъ днемъ почву подъ своими ногами, соціалисты-революціонеры и меньшевики представляли собой революціонную демократію, которая не хотѣла идти вмѣстѣ съ правыми на подавленіе большевиковъ, боясь правыхъ болѣе, чѣмъ большевиковъ, съ которыми она связывала собственную судьбу и требованія которыхъ она въ извѣстной степени поддерживала. Правительство Керенскаго напрасно надѣялось на соглашеніе и объединеніе этихъ общественныхъ силъ подъ угрозой побѣды большевиковъ Явно, неспособная противостоять большевизму, революціонная демократія уклонялась отъ борьбы и предавала такимъ образомъ правительство Керенскаго и поддерживающія его общественныя группы въ руки большевиковъ. Такимъ образомъ всѣ надежды правительства на общественную поддержку рушились и побѣда большевиковъ дѣлалась неизбѣжной. Они выступали представителями тѣхъ общественныхъ группъ, которыя въ данный моментъ были готовы господствовать надъ всѣми остальными, захвативъ въ свои руки всю власть въ странѣ. При подобныхъ обстоятельствахъ переворотъ былъ обезпеченъ. Онъ долженъ былъ неминуемо совершиться, согласно соціологическому закону классовой борьбы, которая при невозможности соглашенія борющихся классовъ должна была кончиться или побѣдою и диктатурою одного изъ нихъ, или ихъ взаимнымъ обезсиленіемъ и диктатурою противообщественной силы какого-нибудь политическаго самозванца. Неудачная попытка Корнилова, какъ и неудавшееся личное правленіе Керенскаго, указывали на невозможность въ данный моментъ второго исхода борьбы. Оставался первый. Всѣ событія свидѣтельствовали объ окончаніи періода соглашеній соціалистовъ съ буржуазіей и о вступленіи революціи въ совершенно новый періодъ, который долженъ былъ открыться большевистскимъ переворотомъ.

5. Большевистскій переворотъ и пятый періодъ революціи.

Въ тотъ самый моментъ, когда Керенскій такъ напрасно искалъ поддержки правительства у революціонной демократіи, военно-революціонный комитетъ большевиковъ уже отдавалъ петроградскимъ войскамъ приказъ привести всѣ полки въ боевую готовность. Смольный институтъ, служившій мѣстопребываніемъ Петроградскаго Совѣта р. и с. д., куда съѣхались, прибывшіе на Съѣздъ Совѣтовъ, делегаты изъ различныхъ мѣстностей Россіи, былъ окруженъ войсками, преданными большевикамъ. Навстрѣчу войскамъ, вызваннымъ правительствомъ, были посланы агитаторы съ цѣлью убѣжденія и этихъ войскъ перейти на сторону возставшихъ. Слышались крики: «Смерть Керенскому!». Столкновеніе казалось неизбѣжнымъ. На собраніи городской управы было рѣшено: организовать самооборону и попытаться предотвратить столкновеніе. Мосты были разведены, но улицы переполнены волнующимся населеніемъ. Большевики дѣлали попытку захватить общественныя учрежденія. Были объявлены наказы флотовъ о передачѣ всей власти Совѣтамъ.

На слѣдующій день, 25 октября, утромъ, когда изъ Кронштадта уже прибывали военныя суда съ матросами, шедшими на поддержку большевистскаго возстанія, происходило совѣщаніе правительства Керенскаго, готовившагося уѣхать на фронтъ. Было рѣшено привлечь къ рѣшенію дѣлъ президіумъ Совѣта Республики и обратиться съ воззваніемъ къ населенію, мѣстнымъ властямъ и къ войскамъ фронта. Но революціонный комитетъ уже обращался къ населенію съ воззваніемъ о переходѣ всей власти Совѣтамъ и о томъ же говорили резолюціи большевистскихъ организацій самыхъ различныхъ мѣстностей. Всѣ мѣстныя войска переходили на сторону большевиковъ и казаки отказывались идти противъ нихъ. Объединяющимъ кличемъ возставшихъ массъ были большевистскія требованія: «Мира, хлѣба, земли!». Требованіе свободы на этотъ разъ, когда дѣло шло объ «организаціи насилія», какъ выражался самъ Ленинъ, отсутствовало.

Громче всего были крики: «Вся власть Совѣтамъ!». Съ этими лозунгами большевистскія войска и красногвардейцы двинулись къ правительственнымъ учрежденіямъ. Были окружены Зимній дворецъ, гдѣ находилось правительство, Маріинскій дворецъ, гдѣ готовился засѣдать Совѣтъ Республики, былъ захваченъ Штабъ округа, Государственный банкъ и другія учрежденія.

Совѣтъ Республики былъ разогнанъ. Соединенное засѣданіе прежнихъ меньшевистскихъ и эсъ-эровскихъ Центр. Комитетовъ Рабочихъ и Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ продолжало политику воздержанія, призывало рабочихъ воздержаться отъ гибельнаго для революціи выступленія и, стремясь удержать окончательно ускользающую изъ-подъ ногъ почву, говорило о передачѣ земли въ веденіе земельныхъ комитетовъ и о началѣ мирныхъ переговоровъ. По предложенію этого собранія, при городской думѣ началъ организоваться Комитетъ Общественной Безопасности, который долженъ былъ пытаться предупредить возможныя кровопролитныя столкновенія сторонъ. Но на чрезвычайномъ, спѣшно созванномъ собраніи Петроградскаго Совѣта Ленинъ уже объявилъ рабочую и крестьянскую революцію большевиковъ совершившеюся и призывалъ къ созданію Совѣтскаго правительства. Задача новой власти,—говорилъ онъ,—разбить старую государственную машину, заключить немедленный миръ, осуществить соціализмъ путемъ уничтоженія помѣщичьей собственности и введенія контроля надъ производствомъ и банками. Совѣтъ постановилъ: «привѣтствовать побѣдную революцію пролетаріата и гарнизона Петрограда» и повторялъ слова Ленина объ организаціи Совѣтскаго Правительства, окончаніи войны и осуществленіи соціализма.

Вечеромъ открылся долгожданный большевистскій Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ, привѣтствовавшій своихъ вождей, въ особенности Ленина. Начало съѣзда ознаменовалось уходомъ съ него меньшевиковъ-интернаціоналистовъ и части соціалистовъ-революціонеровъ, требовавшихъ мирнаго разрѣшенія вооруженнаго возстанія. Представители еврейскаго Бунда объ-

явили происходящее въ Петроградѣ великимъ несчастьемъ и присоединились къ уходящимъ со съѣзда. Уходящіе представители фронтовыхъ группъ (армейскихъ комитетовъ) говорили о необходимости общественнаго сопротивленія насилію большевиковъ. Ушедшіе, напутствуемые враждебными криками большевиковъ, были объявлены соглашателями и прислужниками буржуазіи. А Съѣздъ Совѣтовъ, окончательно превратившійся въ собраніе большевиковъ и лѣвыхъ эсъ-эровъ, привѣтствовалъ представителей матросовъ и солдатъ частей, принимавшихъ участіе въ совершеніи переворота, и вырабатывалъ воззваніе къ рабочимъ, солдатамъ и крестьянамъ. «Второй Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ...», объявлялось въ этомъ воззваніи, «опираясь на волю громаднаго большинства рабочихъ, солдатъ и крестьянъ... беретъ власть въ свои руки. Временное Правительство низложено... Совѣтская власть предложитъ немедленный демократическій миръ всѣмъ народамъ и немедленное перемиріе на всѣхъ фронтахъ. Она обезпечитъ безвозмездную передачу помѣщичьихъ, удѣльныхъ и монастырскихъ земель въ распоряженіе крестьянскихъ комитетовъ, отстоитъ права солдата, проведя полную демократизацію арміи, установитъ рабочій контроль надъ производствомъ, обезпечитъ своевременный созывъ Учредительнаго Собранія, озаботится доставкой хлѣба въ города и предметовъ первой необходимости въ деревню, обезпечитъ всѣмъ націямъ, населяющимъ Россію, подлинное право на самоопредѣленіе».

Таковы были обѣщанія большевиковъ. Оставалось неизвѣстнымъ, какъ и какими средствами они ихъ выполнятъ. Однако, переворотъ былъ совершенъ. Въ ночь на 26-е матросами и красногвардейцами былъ взятъ Зимній дворецъ и арестованные члены Временнаго Правительства, вмѣстѣ съ находившимися съ ними членами Совѣта Республики, были заключены въ Петропавловскую крѣпость. Навстрѣчу войскамъ, шедшимъ съ фронта на помощь Временному Правительству, были двинуты цѣлые отряды агитаторовъ, склонявшихъ ихъ на сторону организаторовъ насилія. Почти одновременно

происходили соотвѣтствующіе перевороты и въ другихъ городахъ. Массы повсюду были соблазнены обѣщаніями большевиковъ, заявлявшихъ о томъ, что новое революціонное правительство не есть «правительство далекихъ посуловъ и пріятныхъ обѣщаній. Это—правительство революціоннаго дѣла». Главнѣйшее же и ближайшее дѣло, по излюбленному выраженію самого Ленина, состояло въ «организаціи *насилія*» съ цѣлью «уничтоженія государства» буржуазіи «государствомъ вооруженныхъ рабочихъ». «Революція, - заявлялъ Ленинъ,— состоитъ въ томъ, что пролетаріатъ *разрушаетъ* «аппаратъ управленія» и весь государственный аппаратъ, замѣняя его новымъ, состоящимъ изъ вооруженныхъ рабочихъ». Этотъ «новый государственный аппаратъ,' состоящій изъ вооруженныхъ рабочихъ, долженъ былъ обезпечить сверженіе буржуазіи». «Сверженіе буржуазіи осуществимо лишь превращеніемъ пролетаріата въ *господствующій классъ*». «Пролетаріату,— заключалъ Ленинъ, — необходима государственная власть, централизованная организація силы, **организація насилія**, и для подавленія эксплоататоровъ и для руководства громадной массой населенія, крестьянствомъ, мелкой буржуазіей, полупролетаріями въ дѣлѣ «налаживанія» соціалистическаго хозяйства» [1]). Мысль – посредствомъ организованнаго насилія руководить громадною массою населенія, крестьянствомъ, мелкой буржуазіей, полупролетаріями — собственно говоря, не была нова для Россіи. Это была руководящая мысль и царскаго самодержавія, державшагося общественной рознью враждующихъ классовъ и народною темнотою. Точно такъ же не нова была и мысль объ организаціи насилія для «налаживанія» соціалистическаго хозяйства. Но мысль — превратить вооруженныхъ рабочихъ въ господствующій классъ населенія — представляла для многихъ изъ нихъ дѣйствительно очень пріятную новость, въ особенности въ моментъ грозно растущей безработицы. Эта мысль и была основною мыслью, которая безспорно

---

[1]) В. Ильинъ (Н. Ленинъ), Государство и революція, стр. 26, 108 и друг.

воодушевляла массы участниковъ переворота, который, дѣйствительно, въ значительной степени былъ осуществленіемъ этой мысли.

Дѣйствительно, повсюду, гдѣ совершался большевистскій переворотъ, вооруженные рабочіе превращались въ господствующій классъ, а классы, прежде господствовавшіе, подавлялись. Русское общество какъ бы перевертывалось вверхъ ногами. Большевистскій переворотъ былъ великимъ общественнымъ переворотомъ въ самомъ настоящемъ значеніи этого слова. Онъ приводилъ къ совершенному измѣненію прежняго соотношенія общественныхъ классовъ посредствомъ умѣло организованнаго насилія. Этотъ переворотъ былъ началомъ совершенно новаго періода русской революціи. Болѣе того: имъ открывались совершенно новыя страницы русской исторіи. Этотъ періодъ еще не закончился и исторію его еще писать рано, хотя онъ безспорно имѣетъ уже свою поучительную исторію, богатую самыми роковыми историческими событіями. «Налаживаніе» соціализма въ экономически недостаточно развитой, крестьянской странѣ съ политически и даже общественно неразвитымъ населеніемъ представляетъ задачу очень смѣлую, но чрезвычайно рискованную. Гражданская война, разгонъ Учредительнаго Собранія, лишеніе населенія всеобщаго избирательнаго права, декреты о передачѣ земли помѣщиковъ крестьянамъ, о контролѣ надъ производствомъ, захватѣ банковъ, сепаратный миръ съ Германіей, раздробленіе Россіи и потеря государственныхъ территорій, возвращающая Россію къ до-петровскимъ временамъ, свидѣтельствуютъ объ этомъ достаточно убѣдительно.

Можно, конечно, различно смотрѣть на событія, происходящія въ общественной и политической жизни Россіи. Одни видятъ въ нихъ то, чего міръ еще никогда не видалъ, чего не переживалъ еще ни одинъ народъ, ни одна нація, думаютъ, что въ Россіи совершается въ дѣйствительности соціалистическая революція. Другіе, наоборотъ, правильно признавая происходящую революцію соціальной, вовсе не видятъ въ ней революціи соціалистической, отказываясь видѣть со-

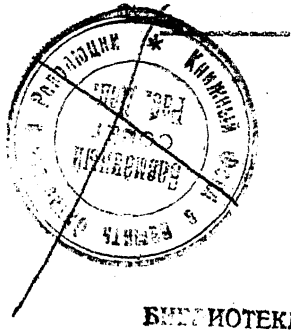
ціализмъ въ производимомъ съ помощью «организаціи насилія» и захватовъ перераспредѣленія собственности. Третьи видятъ въ русской революціи то же самое, что переживалось въ Англіи болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ, во времена уравнителей и великой гражданской войны, господства солдатчины и совѣтской республики Кромвеля, столь же успѣшно разбившаго съ помощью организованнаго насилія старую государственную машину Англіи и провозгласившаго «Общественное Благо» основнымъ закономъ народнаго государства солдатъ и вооруженныхъ англійскихъ ремесленниковъ, горожанъ и селянъ, мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Четвертые, наконецъ, склонны смотрѣть на русскую революцію, какъ на своеобразное соединеніе и совпаденіе событій, тожественныхъ Великой французской революціи и Парижской коммунѣ,—событій, совершившихся въ Россіи одновременно. Какъ бы, однако, ни смотрѣть на русскую революцію, при сколько-нибудь внимательномъ и вдумчивомъ изслѣдованіи ея событій, дѣлается совершенно яснымъ, что и она подтверждаетъ собой тотъ соціологическій законъ классовой борьбы, которому неизбѣжно слѣдуютъ всѣ народы міра. Этотъ законъ гласитъ: классовая борьба, въ зависимости отъ соотношенія общественныхъ силъ и состоянія общества, можетъ имѣть три исхода. Въ одномъ случаѣ эта борьба, умѣряемая соглашеніемъ классовъ, приводитъ къ политической свободѣ и къ республикѣ, которая является совластіемъ классовъ и осуществленіемъ политическаго равноправія. Въ другомъ—борьба эта выливается въ безпощадную борьбу классовъ и организованное насиліе побѣдившихъ общественныхъ группъ надъ остальными и кончается установленіемъ классовой республики новаго господствующаго класса. Въ третьемъ случаѣ, когда не имѣется налицо подобнаго класса, способнаго къ господству надъ всѣми остальными, и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно соглашеніе борющихся классовъ, борьба ихъ столь же неизбѣжно кончается ихъ взаимнымъ обезсиленіемъ и переходомъ верховной общественной власти въ единоличныя руки того, кто сумѣетъ воспользоваться безысходною классовою

борьбою и общественною рознью въ цѣляхъ собственнаго господства, что очень нерѣдко въ концѣ концовъ приводитъ страну къ диктатурѣ или къ реставраціи, какъ это было и въ Англіи, и во Франціи, и въ другихъ странахъ.

Таково политическое значеніе классовой борьбы, которая, подобно палкѣ о двухъ концахъ и медали о двухъ сторонахъ, вмѣстѣ съ положительнымъ своимъ значеніемъ, какъ борьбы за политическое и общественное равноправіе, можетъ равнымъ образомъ имѣть и отрицательное значеніе, какъ междоусобіе, обезсиливающее народъ, парализующее общество и губящее страну, приносимую въ жертву безысходной борьбѣ за власть. Классовая борьба можетъ быть плодотворна лишь при наличности вышеуказанныхъ условій. Тамъ, гдѣ этихъ условій нѣтъ, она лишь обезсиливаетъ общество и приводитъ въ движеніе мельницу тирановъ, жерновами которой одинаково служитъ какъ безвластіе однихъ, такъ и самовластіе другихъ, отрицающее всякую свободную гражданственность. На этихъ жерновахъ организованнаго насилія гражданское общество перетирается въ какую-то безучастную человѣческую пыль, которою питается всякая тиранія. Единственное спасеніе отъ такого исхода заключается въ политическомъ сотрудничествѣ самыхъ различныхъ общественныхъ группъ, въ ихъ дѣйствительномъ общественномъ соглашеніи, въ ихъ настоящемъ совластіи. Только совластіе всѣхъ общественныхъ группъ, только общественное соглашеніе ихъ, только оно одно можетъ обезпечить развитіе свободной гражданственности и привести классовую борьбу въ концѣ концовъ къ равенству правъ и общественныхъ выгодъ для всего населенія посредствомъ дѣйствительнаго обобществленія власти въ рукахъ всей совокупности гражданъ, ставшихъ непосредственными участниками ея и творцами своей общественной жизни. Окончательнымъ побѣдителемъ въ общественной борьбѣ будетъ трудъ, но трудъ творческій и дѣйствительно обобществленный трудъ, который на мѣстѣ производимаго разрушенія создастъ новый общественный строй и взамѣнъ организованнаго насилія господствующаго вооруженнаго класса осуществитъ верховное право

народа быть господиномъ собственной жизни и право всѣхъ гражданъ на непосредственное и равное участіе въ общественномъ сотрудничествѣ и въ верховной общественной власти, право самого общества стать государствомъ, цѣль котораго: обезпеченіе всѣмъ полной и совершенной человѣческой жизни, обезпеченіе всѣмъ равныхъ правъ и возможностей.

Но для того, чтобы дожить до этого желаннаго времени, нашей отсталой странѣ придется еще пережить много бѣдъ, испытавъ на горькомъ опытѣ, что такое есть зависимость отъ иноземцевъ и дѣйствительная политическая свобода и самоопредѣленіе народовъ. Общественныя силы опозоренной и разгромленной Россіи должны раньше всего согласиться сбросить съ себя позорное нѣмецкое рабство и поднять родину на высоту развитого, самодостаточнаго политическаго общества. Его одухотворяющимъ началомъ должны быть не организація насилія и вооруженное господство какой-нибудь общественной группы или класса, а свободная гражданственность и политическое равноправіе, основанное на соглашеніи самыхъ различныхъ общественныхъ группъ.



БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
7.3.73

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
ЧАСТЬ I. Гражданинъ и политическое общество.	5— 46
Глава первая. Исходныя, начальныя понятія . .	5— 9
Глава вторая. Общество, государство и развитіе гражданственности.	9— 37
Глава третья. Политическая организація общества	38— 46
ЧАСТЬ II. Политическое общество и законъ классовой борьбы.	47—152
Глава первая. Гражданственность и классовая борьба	47— 69
Глава вторая. Гражданственность и классовая борьба въ Англіи	69— 86
Глава третья. Гражданственность и классовая борьба во Франціи	87—108
Глава четвертая. Русская гражданственность и законъ классовой борьбы	108--117
Глава пятая. Борьба классовъ и Россійская революція	118—152